

WARHAMMER

40,000

Basic training: four months. Planetary transportation:
seven weeks. Life expectancy...

FIFTEEN HOURS

Mitchel Scanlon

Annotation

На полях сражений далекого будущего не ведал страха только безумец. Арвин Ларн безумцем не был. Семнадцати лет от роду он был призван в ряды Имперской Гвардии и тут же очутился в пекле первой войны. Несметные орды орков захватили мир, который пытается у них отбить Имперская Гвардия. Рожденные для битвы, орки не ведают страха, и потому неудивительно, что средняя продолжительность жизни имперского гвардейца, прибывшего на этот забытый богом мир, не превышала пятнадцать часов...

- [Митчел Сканлон](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Интерлюдия](#)
 - [Глава четвертая](#)

- [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Интерлюдия](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Об авторе](#)
-

Митчел Скэнлон

ПЯТНАДЦАТЬ ЧАСОВ

Маме и папе.
Посмотрите-ка! Я написал мою
первую книгу, и это не комикс!

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император
недвижит на Золотом Троне Терры. Он ---
Повелитель Человечества и властелин
тириагов планет, завоеванных
могуществом Его неисчислимых армий. Он
--- полутруп, неуповимую искру жизни в
котором поддерживают древние
технологии и ради чего ежедневно
приносится в жертву тысяча душ. У
поэтому Владыка Империи никогда не
утирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии
Император продолжает миссию, для

которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонати Варн, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Агентус Астартес, костические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы Планетарной Обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Агентус Механикус.

Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во тьме будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие, да стех жаждущих богов.

Небо было черно от туч, и он понял, что умирает.

В ужасе осознав, что, оставшись на нейтральной полосе советск один, он не только не в силах подняться, но даже не может пошевелить ногами, гвардеец беспомощно откинулся назад и тотчас почувствовал спиной холод промерзшей земли. Тело его окутывала тьма, а глаза напряженно встатривались в ночное небо, словно там, в вышине, в слабом мерцании далеких звезд, он пытался разглядеть предвестие своей злосчастной судьбы. Этой ночью звезды решали его участь, и похоже, от грозных, обложенных облаками небес в эту ночь нечего было ждать снисхождения.

«Как долго еще я смогу продержаться? — думал он все время. —

Сколько часов?»

Так и не найдя ответа на свой вопрос, он, решив оглядеться, повернул голову в надежде увидеть хоть какой-то намек на возможное спасение --- но нет, в окружающей его тьме не ощущалось никакого движения, не было ровно ничего, что могло бы вселить надежду. В мертвой тишине протянулись бледные контуры нейтральной полосы. В этом пейзаже невозможно было выделить никаких характерных особенностей, поскольку его автор --- художник-ночь --- настолько испещрил зловещими черными тенями свое полотно, что, взглядываясь в них, гвардеец не только потерял надежду на помощь со стороны, но и вконец отчаялся определить свое местоположение. Сейчас он был брошен на произвол судьбы без всякой надежды на спасение, оказавшись один на один с тиром трака. В какой-то момент ему даже подумалось, что, возможно, он единственный, кому удалось выжить, и что во всей Галактике теперь не осталось людей. Однако, осознав затем, что эта

мысль стала для него еще одним
дополнительным источником страха, он
тут же выкинул ее из головы.

«Как долго еще? --- снова и снова
задавал он себе все тот же вопрос. ---
Сколько часов?»

Когда в него попала пуля, он ничего не
почувствовал. Никакой боли, никаких мук,
никаких сколько-нибудь серьезных
страданий --- только непривычное
онемение в ногах, после чего он безвольно
скользнул на землю. Сначала, еще не поняв,
что произошло, он решил, что просто
споткнулся. Однако думал он так лишь до
момента, когда, проклиная себя за
неловкость, попытался подняться. Как
оказалось, только для того, чтобы
обнаружить, что ноги странным образом
его совсем не слушаются. Когда же он
почувствовал тепло растекающейся по
животу крови, то наконец осознал свою
ошибку.

За несколько часов, что прошли с тех
пор, он из-за крошечной тьмы не смог
разглядеть, насколько серьезны его раны,
однако ничто не мешало ему их ощущать.

и пальцы рассказали ему то, что не могли сообщить глаза. Он получил ранение в основание позвоночника, и пуля, пройдя насквозь, оставила в животе дыру размером с кулак. Обладая весьма скромными познаниями в медицине, он, чтобы остановить кровотечение, заткнул дыру в теле марлей и наложил сверху повязку. Хотя в гвардейском медпакете имелось несколько пузырьков с морфием, а толитву об облегчении страданий он знал наизусть, никакой необходимости в этом у него не было. Ранение не причиняло ему абсолютно никакой боли — даже когда он ощупывал края рваной раны на животе и его пальцы погружались в нее по костяшки, он не испытал никакого дискомфорта. Не нужно быть великим медиком, чтобы понять: это весьма скверный знак.

«Как долго еще? — снова зазвучал у него в голове неотвязный вопрос. — Сколько часов?»

Между тем для дискомфорта хватало других причин. Морозный ночной воздух обжигал открытое лицо и шею, а от ужасной, отупляющей усталости

голова его стала тяжелой, так что он едва мог соображать. Кроме того, страх, одиночество, полная изоляция. А хуже всего была тишина. В момент, когда он, пораженный, упал на землю, ночь содрогалась от какофонии битвы — пронзительного визга лазеров, треска выстрелов, грохота взрывов и истошных воплей умирающих. Затем звуки постепенно уходящего в сторону сражения стали мало-помалу затихать, пока наконец не уступили место этой ужасной, сводящей с ума тишине. Раньше он и представить себе не мог, что подобные звуки могут действовать на человека успокаивающе. Каким бы устрашающим ни был грохот боя, последовавшее за ним безмолвие было еще страшнее. Каждое мгновение оно напоминало ему о жуткой изоляции, в которой он оказался, оставшись один на один со всеми своими страхами. Здесь, в этой сводящей с ума тишине, только они составляли ему компанию, ни на секунду не прекращая безжалостно терзать его сердце.

«Как долго еще? — не оставлял его в

покое все тот же вопрос. — Сколько часов?»

Временами его охватывало почти неодолимое желание закричать во весь голос. Позвать на помощь, просить о помощи, вопить, визжать, молить — что угодно, только бы нарушить эту кошмарную тишину. И каждый раз, чтобы подавить в себе этот безумный порыв, он до боли прикусывал нижнюю губу, из последних сил стараясь сдержать слова отчаяния, уже готовые вырваться у него из груди. Он знал, что и малейшего звука может быть достаточно, чтобы привести его к скорой гибели, ведь услышать его могли как друзья, так и враги. А в том, что где-то там, на другой стороне нейтральной территории, сейчас притаились бесчисленные миллионы его кровожадных врагов, он не сомневался ни на секунду. Они ждали, готовые вновь броситься в атаку, чтобы убивать, калечить... Как ни ужасно было одному с тяжелым ранением застрять на ничейной земле, перспектива оказаться в руках жестокого противника была несравненно хуже. Между тем тишина, которую он

слова мог стерпеть, похоже, глупая уже не
одна минута. Было очевидно, что, как бы
отчаянно он ни надеялся на спасение,
ничего, что могло бы хоть как-то его
ускорить, он сделать не может.

«Как долго еще? — настойчиво
стучало у него в голове. — Сколько часов?»

Из всего прочного и основательного,
что есть в жизни людей, у него теперь
осталось так мало. Так мало из всего
того, чем он раньше столь дорожил. Все,
что прежде значило для него так много, —
семья, родной мир, вера в Императора —
теперь стало казаться чем-то очень
далеким и смутным. Даже его
воспоминания приобрели какой-то
нереальный оттенок, словно его прошлое,
растворяясь перед его мысленным взором,
уничтожалось теперь так же быстро, как
и его возможное будущее. Его внутренний
мир — мир, который отражал всю его
жизнь, прежде такую яркую и
многообещающую, — теперь стремительно
сокращался, безвозвратно теряя одну свою
индивидуальную черту за другой. Ему
оставалось лишь сделать выбор из

нескольких очень простых вариантов: кричать или хранить молчание; медленно умирать от потери крови или с помощью ножа быстро со всем покончить; сохранять сознание или безвольно предаться сну. В какой-то момент перспектива сна показалась ему самой соблазнительной. Он был уже истощен — как морально, так и физически. Усталость, как надоедливый друг, не отходила от него ни на шаг, присутствуя почти в каждой мысли, что сейчас едва ворочались у него в голове. И все же он не поддавался! Он твердо знал, что если уснет, то, скорее всего, больше уже никогда не проснется. Также он знал, что все эти варианты не более чем иллюзии. По сути, сейчас для него существовал только один выбор — остаться в живых или умереть, а умирать ему совсем не хотелось.

«Как долго еще? — снова прозвучал у него в голове немилосердный вопрос. — Сколько часов?»

Но ответа у него не было. Смирившись с мыслью, что судьба его теперь находится в руках других людей, он

просто ждал, вслушиваясь в жуткую тишину нейтральной полосы. Ждал, до последнего надеясь, что где-то там, в ночи, его товарищи по оружию уже его ищут. Ждал, не желая сдаться ни врагу, ни сну. Ждал, застряв где-то между жизнью и смертью. Его жизнь представлялась ему тлеющей искрой, затерявшейся в царстве тьмы, которая то ярко вспыхивала, то готова была вот-вот потухнуть. В отчаянии его разум стал вызывать картины из прошлого, которые хотя бы отчасти объясняли, как вышло так, что он вообще здесь оказался...

Глава первая

20:14 по центральному планетарному
времени Джутаэля JV (летнее время
Западного полушария)

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ТЫСЯЧ
ЗАКАТОВ

ПУСТЬО С ЧЕРНОЙ КАЙМОЙ
ПРИЗРАК В ПОДВАЛЬНОЙ
МАСТЕРСКОЙ

ЧУДЕСНАЯ ЛОТЕРЕЯ И
СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ

Солнце уже садилось. Торжественный,
неспешный закат обогрил большую часть
неба на западе и купал теплым светом
бескрайние пшеничные поля, чуть заметно
колышимые вечерним бризом, окрасив их
во всевозможные оттенки янтаря и
золота. За семнадцать лет своей жизни

Арвин Ларн, наверное, видел уже тысячу подобных закатов, однако было в этот раз что-то такое, что заставило молодого человека замереть при виде этой неземной красоты. Полный восхищения, забыв в тот момент обо всех своих делах, стоял он, быть может впервые со времени своего детства, зачарованно глядя на заходящее солнце. Он пребывал в окружении спокойного, безмятежного мира, наблюдая за приближением сумерек, когда вдруг почувствовал, как странное, никогда еще не испытываемое им чувство зарождается в глубине сердца.

«Будут другие закаты, — подумал он. — Будут и другие солнца, но не одно из них не будет для меня значить столько, сколько это, здесь и сейчас! Да и что может значить больше, чем тот момент, когда ты стоишь посреди бескрайних пшеничных полей и наблюдаешь последний закат, увиденный тобой дома?»

Дома... Одной только мысли о доме было достаточно, чтобы он тут же оглянулся через плечо и, скользнув глазами по волнам бесчисленных колосьев спелой

шеницы, остановился взглядом на
небольшом скоплении фермерских
построек, располагавшихся на той стороне
поля, что была сейчас у него за спиной. Он
увидел крытый гранкой односкатный
старый амбар, круглую силосную башню,
несколько курятников, которые некогда
помогал строить отцу, и маленький загон,
где вместе с полудюжиной альпака они
держали еще пару тягловых лошадей.

Но прежде всего он увидел свой родной
дом, где родился и вырос, — двухэтажное
здание с невысоким деревянным крыльцом
и ставнями на окнах, которые, как обычно,
до последних солнечных лучей оставались
открытыми. Благодаря неизменному
укладу их семейной жизни Ларну совсем не
требовалось заглядывать внутрь, чтобы
узнать, что там происходит. Его мама,
конечно же, сейчас на кухне, готовит или
что-то вкусное к вечерней трапезе, сестра
помогает ей накрывать на стол, а отец
возится с инструментами в специально
оборудованной у них в погребе мастерской.
Затем, как было у них заведено по
вечерам, как только все дела будут

закончены, семья сядет ужинать. Все знали, что завтра вечером будет то же самое, — заведенный распорядок повторялся изо дня в день и претерпевал небольшие изменения лишь со сменой времен года.

Этого распорядка придерживались так давно, что ничего другого никто уже не мог вспомнить, и было ясно, что сохранится он до тех пор, пока последний фермер не покинет здешние земли. Однако, говоря о завтрашнем вечере, необходимо было упомянуть по крайней мере об одном маленьком, но существенном отличии.

Завтра, когда этот вечер настанет, его здесь уже не будет и он не сможет все это снова увидеть.

Тяжело вздохнув, Ларн вернулся к своей работе. Он решил все-таки попробовать починить гревний, изъеденный ржавчиной ирригационный насос, перед которым уже давно стоял в нерешительности. Еще прежде, чем удивный закат его отвлек, он успел снять внешнюю панель насоса, скрывающую мотор. Теперь, при бледном свете сумерек, он вынул сгоревший стартер и заменил его

новым, не забыв при этом прочесть
инструкцию к машине, когда затягивал и
перепроверял соединения.

Взяв затем канистру с узким
носиком, которая уже стояла возле насоса,
он капнул на механизм несколько капель
машинного масла. Убедившись, что все в
исправности, Ларн потянул большой рычаг
и, чтобы залить насос, произвел с десяток
плавающих возвратно-поступательных
движений вверх-вниз, после чего нажал
кнопку зажигания и запустил мотор.
Насос, судорожно вздрогнув, тотчас
вернулся к своей шутной жизни, и
забывший на полную мощь мотор
принялся, забывая, вытягивать
жизнеспособную влагу из глубоко залегающих
под землей водоносных слоев. Ларн уже
поздравлял себя с успешно выполненной
работой, когда в шланге, успевшем
выдавить из себя на иссохшую землю
ирригационной канавы лишь несколько
луженных капель, вдруг резко упало
давление, и мотор, несколько раз чихнув,
заглох.

Глубоко разочарованный, Ларн снова

нажал кнопку зажигания, однако на этот раз мотор лишь угрюмо промолчал в ответ. Склонившись над насосом, молодой человек снова внимательно осмотрел все части механизма, еще раз проверяя, не заржавели ли контакты, хорошо ли смазаны подвижные части, а также не попало ли что внутрь и не порвалась ли проводка. Обо всех подобных неполадках какой-то механик предупреждал их еще в Феррисвилле, когда в последний раз проводил технический осмотр устройства. Однако сколько раздосадованный Ларн ни смотрел, никаких неисправностей в механизме обнаружить не мог. Насколько он разбирался в технике, насос должен был работать!

С неохотой признав свое поражение, юноша поднял с земли отложенную в сторону внешнюю панель и стал привинчивать ее на место. Он так хотел починить насос! До начала уборки урожая оставалось всего три недели, и то, в каком состоянии находится ирригационная система фермы, значило для них очень много. До сих пор урожайный сезон обещал

быть удачным, и выращиваемая ими пшеница обильно колосилась, однако жизнь фермера, как известно, целиком зависит от погодных условий. Без надежной функционирующей системы орошения паразасушливых недель в предурожайный период вполне могли означать, что вместо сытого существования весь последующий год их ожидает жизнь впроголодь.

И все же в глубине души Ларн знал, что этим его досада объясняется лишь отчасти. Стоя перед насосом и глядя на только что привинченную обратно панель, Ларн ясно отдавал себе отчет, что причины его столь сильного желания починить сломавшееся устройство не ограничиваются только практическими соображениями. Нравится ему или нет, но завтра придется покинуть ферму и навсегда распрощаться с этой землей, с этим образом жизни, со всем тем, что он успел узнать и полюбить. Как же хотелось ему выполнить последнее свое задание, порученное людьми, с которыми — он знал точно — скоро предстоит проститься навсегда. Ради них хотел он в последний

раз довести до конца какое-нибудь важное дело. Как если бы исполнением этой добровольно наложенной на себя епитимьи он мог бы положить конец своим душевным терзаниям.

Когда этим утром отец попросил его посмотреть, нельзя ли исправить вышедший из строя насос, он подумал, что такая задача идеально подходит для этой цели. Однако непокорный дух машины, а также недостаток его технических знаний воспрепятствовали исполнению его замысла. Как ни старался он, но починить испорченный насос оказалось выше его сил, и эта его последняя здесь епитимья так и осталась невыполненной.

Ларн собрал инструменты и уже было повернулся, чтобы идти домой, когда вновь затер, пораженный переменой, произошедшей с заходящим солнцем. Оно уже наполовину опустилось за горизонт, окрасив небо вокруг в глубокие, почти кричащие багровые тона. Однако совсем не вид солнца или неба заставил его затереть в изумлении, но пшеничные поля, раскинувшиеся под ним. Прежде они

купались в теплом солнечном свете, отражая изысканные оттенки янтаря и золота, теперь же потемнели, стали монотонными, изменив цвет на злобный красно-коричневый — почти цвет крови. В то же самое время легкий, едва ощутимый вечерний бриз не переставая приводил в движение бесчисленные колосья пшеницы, так что в глазах у Ларна наконец все поплыло — словно знакомые ему поля вдруг превратились в одно огромное беспокойное море.

«Как будто море крови», — произнес он про себя, и эта мысль невольно заставила его согнуться.

Море крови...

И как ни старался он себя обмануть, ничего хорошего в таком предзнаменовании увидеть не мог.

Ко времени, когда Ларн отнес инструменты в мастерскую, солнце уже почти зашло. Выйдя из сарая, он направился к дому, сквозь рейки уже закрытых ставней которого едва пробивался желтый электрический свет

латны. Поднявшись на крыльцо, Ларн отогвинул засов входной двери и вошел внутрь. У порога, чтобы не наследить в прихожей, он аккуратно снял сапоги и, оставив их у дверей, двинулся по коридору на кухню. Проходя мимо открытых дверей в гостиную, где над камином висел портрет божественного Императора, Ларн машинально сложил пальцы и осенил себя знамением аквилы.

Дойдя до кухни, он увидел, что там никого нет, пахло дылком, от кипящих на плите кастрюль исходили аппетитные ароматы его любимых кушаний. Жареные початки ксорна, отварные бобы герна, тушеное мясо альнака и пирог с ягодами тайсены — все это были блюда, приготовленные для его последней домашней трапезы. Ему вдруг пришло на ум, что, сколько бы еще он теперь ни прожил, все эти ароматы неизменно будут вызывать у него чувство глубокой печали.

Кухонный стол был уже накрыт, тарелки и разложенные приборы ждали начала ужина. Ларн пошел к раковине, чтобы вымыть руки, и, проходя мимо

стола, вдруг вспомнил, как два дня назад, вернувшись вечером с полей, увидел своих родителей, которые, ожидая его, тихо сидели на кухне, а между ними, на этом самом столе, лежал пергамент с черной каймой, содержащий в себе какое-то официальное уведомление. С первого взгляда было видно, что они убиты горем — глаза обоих покраснели от слез. Ему не нужно было тогда спрашивать о причине — выражение их лиц, а также имперский порел, тисненый на пергаменте, объясняли все лучше любых слов.

Теперь же он заметил, что этот пергамент, сложенный пополам, лежит на одном из кухонных буфетов. Отвлекившись от своего первоначального намерения, Ларн подошел и взял пергамент. Развернув его, он незаметно для себя вновь погрузился в чтение текста воззвания, которое располагалось под официальным заголовком.

«Граждане Джутаэля IV! — говорилось в документе. — Возрадуйтесь! В полном соответствии с Законами Империи и в рамках полномочий,

соответствующих его должности, ваш губернатор постановил сформировать из числа своих подданных два новых полка Имперской Гвардии. А потому он приказывает всем, кто приписан к этим полкам, собраться в кратчайшие сроки на призывных базах, чтобы без промедления приступить к боевой подготовке, которая позволит им влиться в ряды Святых и Праведных армий Благословенного Императора Человечества».

Далее в пергаменте шел список имен, подлежащих призыву, и подробно описывалась процедура сборов, в которой особенно делался упор на тяжести наказания, ожидающего всякого, кто не явится на переключке. Ларну не нужно было читать остальное — за последние два дня он проштудировал этот пергамент столько раз, что знал его наизусть. И все же, несмотря на это, словно не в силах прекратить расчесывать зудящую рану, он снова и снова перечитывал текст.

— Арвин! — услышал он позади себя голос матери, который тут же прервал цепь его мрачных размышлений. — Ты

напугал меня! Стоишь тут... Я и не слышала, как ты вошел.

Обернувшись, Ларн увидел мать, которая стояла у него за спиной, держа в руке банку с зернами кукурузы. Глаза у нее были красны от недавно пролитых слез.

— Я только что пришел, ма, — сказал он, странно смутившись, когда положил пергамент на место. — Я закончил свою работу, гонимую полутьмой руки перед собой.

Какое-то время мать стояла неподвижно, молча глядя на сына. В неловкой тишине их глаза встретились, и Ларн понял, как трудно ей с ним сейчас разговаривать, когда она точно знает, что завтра потеряет его навсегда. Это придавало каждому произнесенному им слову более глубокий смысл, затрудняя даже самый простой диалог, поскольку сейчас и одного неверного слова было достаточно, чтобы новая волна мучительной боли вновь захлестнула все ее существо.

— Ты снял сапоги? — произнесла она наконец, словно стараясь в простых, многозначных фразах найти себе

спасение.

--- Да, ма. Я оставил их у дверей.

--- Хорошо, --- сказала она. --- Тебе сегодня вечером надо их почистить, так чтобы они были готовы к завтрашнему...

Тут голос матери стал таким тонким, что чуть не сорвался. Она загнулась и, закусив губу, прикрыла глаза, будто стараясь отогнать от себя приближающееся чувство боли. Затем, повернувшись вполоборота, так чтобы он больше не мог видеть ее глаз, она продолжила:

--- Но все это ты сможешь сделать позже. А теперь тебе нужно спуститься в подвал. На сейчас там, и он сказал мне, что хочет тебя видеть, как только ты вернешься с полей.

Окончательно отвернувшись, она подошла к печке и, подняв крышку одной из кастрюль, бросила в нее горсть кукурузных зерен. Ларн всегда был послушным сыном, поэтому он тоже повернулся. Повернулся, чтобы идти в подвал, где его уже ждал отец.

Ступени лестницы громко зашкрипели, когда Ларн стал спускаться. Однако, несмотря на шум, отец, похоже, не заметил его приближения. Увлеченный работой, он сидел, согнувшись над верстаком в самом дальнем углу подвальной мастерской, держа в руке точильный камень и правя ножницы для стрижки скота. На какое-то мгновение, поняв, что отец весь в работе и не обращает на него внимания, Ларн вдруг ощутил себя призрак — будто он уже покинул мир своей семьи и теперь родные больше его не видят и не слышат. Поймав себя на том, что мысль эта заставила его содрогнуться, он наконец нарушил молчание:

— Ты хотел меня видеть, па?

Вздрогнув при звуке его голоса, отец отложил ножницы и точильный камень в сторону, после чего с улыбкой повернулся к сыну.

— Ты напугал меня, Арв, — сказал он. — Клянусь Зеллот, когда захочешь, ты умеешь входить тихо! Ну так как, удалось тебе починить насос?

--- Узвини, па, --- ответил Ларн. --- Я сначала попробовал заменить стартер, а потом еще кучу всего --- и ничего не помогло.

--- Ты сделал все, что мог, сынок, --- успокоил его отец. --- Это главное. Кроме того, дух машины в этом насосе настолько стар и упрям, что чертова штука с той поры, как ее установили, не была исправна и половины срока. Что ж, придется мне навеститься к механику в Феррисвилль, узнать, не сможет ли он провести техосмотр на следующей неделе. Кстати, на днях прошли неплохие дожди, так что проблем с урожаем у нас, похоже, не предвидится. Но есть кое-что еще, в связи с чем я хотел тебя видеть. Почему бы тебе не присесть, чтобы мы могли спокойно поговорить, как мужчины?

Отец вытащил из-под верстака еще один стул и жестом предложил сыну присесть. Затем, подождав, пока тот устроится поудобнее, он заговорил вновь:

--- Не глотаю, что прежде я много рассказывал тебе о твоем прадеде, верно?

--- Я знаю, что он был родом с другого

мира, па, --- серьезно ответил Ларн, почувствовав важность разговора. --- У меня также знаю, что его звали Огаст, и это мое второе имя.

--- Все верно, --- подтвердил отец. --- Так было принято в мире твоего прадеда передавать фамильное имя первенцу мужского пола в каждом последующем поколении. Конечно, когда ты родился, его уже давно на свете не было. Мало того, когда он умер, еще даже я не родился! Но он был хорошим человеком, потому мы и почитаем его до сих пор, несмотря ни на что. Ведь как говорят: память о добром человеке надолго переживает его самого.

На какое-то время отец умолк, а его лицо потрачнело и стало задумчивым. Затем, будто на что-то решившись, он поднял глаза на сына и заговорил снова:

--- Как я уже сказал, Арви, твой прадед умер задолго до того, как мне о нем рассказали. Но когда мне было семнадцать и я уже почти достиг совершеннолетия, мой отец позвал меня в этот самый подвал и рассказал мне его историю --- точь-в-точь как это собираюсь сделать я

сейчас. Понимаешь, он решил, что, прежде чем стать мужчиной, мне важно узнать, кто я такой, откуда мы родом. И я рад, что он сделал это, потому что то, что он тогда рассказал, сослужило мне хорошую службу — и служит до сих пор. Вот так же и я теперь надеюсь: то, что я сейчас расскажу, пойдет тебе на пользу. Ну и конечно... После того, что у нас произошло в последние дни, когда мы узнали, куда ты отправляешься, у меня появились дополнительные причины все тебе рассказать. Причины, которых — хвала Императору! — у моего отца никогда не было. Но так уж, видно, устроена жизнь: у каждого поколения свои печали, с которыми нужно справляться по мере сил и возможностей. Хотя... все происходит так, как происходит. Ладно, полагаю, мне уже давно пора перестать ходить вокруг да около и просто рассказать тебе все, что должен.

Отец снова умолк. Казалось, внутри него идет борьба и он тщательно подбирает слова. Ожидая, когда он вновь начнет говорить, Ларн неожиданно

подумал, насколько старым выглядит отец. Глядя на него, будто в первый раз, он с удивлением замечал складки и глубокие морщины на отцовском лице, легкую сутулость плеч и седые пряди в черных блестящих волосах. Несомненные признаки старения, которых, он готов был поклясться, не было еще неделю назад.

— Твой прадед служил в рядах Имперской Гвардии, — наконец произнес отец. — То же предстоит теперь и тебе...

Увидев, что сын уже готов забросать его бесчисленными вопросами, он поднял руку, жестом призывая его к тишине.

— После можешь меня спрашивать о чем хочешь, Арви. Но сейчас будет лучше, если ты позволишь мне рассказать тебе то, о чем прежде рассказывал тебе мой отец. Поверь, как только ты это услышишь, ты поймешь, почему я думаю, что тебе стоит это послушать.

Так, в мертвой тишине подвала, Ларн принялся слушать, как, запинаясь на каждом слове, отец рассказывает свою удивительную историю.

— Твой прадед был гвардейцем, — снова начал отец. — Конечно, он и не родился. Никто и не рождается. Сначала он был просто сыном фермера, как ты и я, и родился на мире под названием Аркаде Пять. Мир этот почти такой же, как наш, как он потом часто рассказывал. Тихое место с большим количеством плодородной земли, простор, достаточный, чтобы растить детей. И если бы естественный ход вещей не был нарушен, твой прадед обязательно бы так и поступил. Он нашел бы себе жену, поднял детей, обрабатывал землю, как это делали до него многие поколения предков, живших на Аркаде Пять. Со временем он бы умер и был бы похоронен, его тело вернулось бы в плодородную землю, а душа присоединилась бы к Императору в его блаженстве. Именно такое будущее, думал он, ему уготовано, когда в семнадцать лет достиг совершеннолетия. Но потом пришло известие, что он призван в Гвардию, и тут сразу все изменилось...

Умей в виду, хоть ему тогда и было всего семнадцать, твой прадед был далеко

не злупец. Он прекрасно понимал, что это значит -- быть призванным в Гвардию. Он понимал, какая это тяжкая ноша -- быть гвардейцем. Хуже жизни, полной опасностей, и страха умереть одиноким, мучительной смертью под далеким холодным солнцем -- бремя утраты. Такое чувство потери, какое возникает у мужчины, когда он точно знает, что покидает родной дом и уже никогда не вернется. Эту ношу несет с собой по жизни любой гвардеец. Тяжко сознавать, что, сколько бы лет ты еще ни прожил, никогда больше не увидишь ни друзей, ни семьи, ни даже своего мира. Гвардеец никогда не возвращается, Арви. Самое большее, на что он может надеяться, это, верой и правдой служа своему Императору, прожить достаточно долго, чтобы в конце получить право уйти на покой и осесть на каком-нибудь незнакомом, затерянном среди звезд мире. И поскольку твой прадед все это хорошо осознавал -- понимал, что оставляет свой мир, всех, кого знал и любил, навсегда, -- на сердце у него было нелегко, когда он прощался со своей семьей

и когда, стоя в строю призывников, готовился отозваться на переключке.

Быть может, он тогда и почувствовал, что сердце его разбито, --- ведь прагед твой был добрым и отзывчивым, --- но, мудрый не по годам, он знал, что Человечество не одинокое во Вселенной. Он знал, что, где бы мы ни были, Император всегда находится рядом с нами. Знал он также и то, что во всей Галактике без высшей воли Императора никогда и ничего не может произойти. Если Император пожелал, чтобы он покинул свою семью, свой мир и больше их уже никогда не увидел, значит --- уверен --- был твой прагед --- на то была какая-то неведомая ему, но очень важная причина. Он знал, что имеют в виду проповедники, когда говорят нам, что человеку не дано постичь замыслы Императора. Он знал, что это его святая обязанность --- следовать по пути, который ему предначертан, пусть даже он сам и не понимал, куда эта дорога его ведет. И вот, целиком полагаясь на милость Императора, твой прагед оставил родной

мир, чтобы искать свою судьбу среди
звезд...

Надо сказать, что последовавшие за
этими годы были для него крайне
тяжелыми. Хотя он и не любил
распространяться об этом, мне известно,
что в бытность свою гвардейцем твой
прадед повидал такие чудеса и ужасы,
каких прежде не мог себе даже
представить. Он видел миры, где
миллиарды людей, живущих в условиях
чудовищной скученности, приходилось,
подобно муравьям, тесниться в гигантских
башнях, куда не могли проникнуть ни
свежий воздух, ни солнечные лучи. Он видел
миры, круглый год скованные льдом, и
миры безводных пустынь, которые никогда
не знали ни снежных хлопьев, ни капель
дождя. Он видел благословенных воинов
священных Астартес -- богоподобных
гигантов в человеческом обличье, как он
их сам называл, -- и огромные, шагающие
машины, настолько большие, что целый
фермерский дом мог бы уместиться в
каждом из оставляемых ими следов.
Ужасов он повидал тоже с избытком -- не

только самых разнообразных и уродливых
ксеносов, но также и существ, которые
были в десятки раз хуже.

И все же, хоть он и шел навстречу
тысяче и одной опасности, хоть он и был
неоднократно ранен — порой, казалось,
смертельно, — вера его в Императора
всегда оставалась непоколебимой. Пять
лет незаметно переросли в десять. Десять
превратились в пятнадцать. Пятнадцать
— в двадцать. Все эти годы твой прадед
беспрекословно выполнял приказы, и ему
даже в голову не приходила мысль
пожаловаться или хоть раз запросить свое
начальство о том, когда же ему будет
дозволено уйти в отставку. Все так и
продолжалось, пока наконец спустя почти
тридцать лет с тех пор, как он был
призван, его не направили на Джүтаэль
IV.

Конечно, мир этот тогда немного
для него значил. Поначалу совсем немного.
Ведь он успел побывать десятки разных
планет, и по первому впечатлению на
Джүтаэле не было ничего, что могло бы
выделить его из огромного числа других.

Его полк только что победоносно завершил долгую кампанию, после чего их на целый месяц послали на Джумаэль, чтобы они отдохнули и приходили в себя, перед тем как снова отправиться на очередную войну. Но к тому времени боевого духа у твоего прадедушки осталось совсем немного. Да, конечно, он старался сохранить браваду, никогда ни на что не жаловался, но с каждым годом раны, полученные им в боях за тридцать лет, все настойчивее напоминали о себе. Хуже всего было с легкими — они так до конца и не восстановились, после того как он наглотался отравляющих газов на Торне III. И все же он и там до конца выполнил свой долг! Всю свою жизнь он посвятил служению Императору и был уверен, что лишь от Его воли зависит, останется он в живых или погибнет.

И вот однажды, когда уже близилось время покидать Джумаэль, полк облетел весть о чем-то прежде неслыханном. Вскоре должны были отмечаться День Императора и одновременно с этим тридцатилетняя годовщина

фортирования их боевого соединения. В честь такого праздника командование издало приказ по полку о проведении всеобщей лотереи, в результате которой любому, кому выпал счастливый билет, разрешалось демобилизоваться и остаться на планете, в то время как его товарищи должны будут навсегда покинуть Джумтаэль. Выигрыш в такой лотерее для кого-то одного из многих тысяч ее участников вполне мог оказаться вопросом жизни и смерти. Когда день ее проведения наконец настал, среди гвардейцев будто прошла волна какого-то особенного благочестия, поскольку каждый в полку тайне горячо молился Императору, чтобы стать тем единственным, кому выпадет жребий. Каждый, не считая своего прадедушки! Потому что, хоть он и молился Императору каждое утро и каждый вечер, просить что-нибудь для себя лично было не в его правилах.

— У прадедушка выиграл в этой лотерее? — нетерпеливо спросил Ларн, у которого от волнения перехватило дыхание, так что он был уже не в силах

сохранять хладнокровие. — Он выиграл, и это объясняет, почему он поселился на Джумаэле!

— Нет, Арви, — снисходительно улынулся отец, — выиграл другой. Из того же отделения, что и твой прадед, они прошли плечом к плечу все эти тридцать лет сражений. Хотя этот человек и мог просто взять свой счастливый билет и уйти, он этого не сделал. Вместо этого он посмотрел на изможденное лицо твоего прадеда, у которого, как все знали, так и не зажили легкие, и протянул ему свой билет. Ты понимаешь, он решил, что твоему прадедушке уйти со службы намного нужнее, чем ему самому! И так твой прадед поселился на Джумаэле. Четыре — все благодаря доброте и самопожертвованию своего товарища по оружию! Хотя даже по прошествии множества лет твой прадед всегда утверждал, что в этой истории есть нечто большее. Он любил говорить, что порой руку Императора можно увидеть даже в самых незначительных событиях и что это не кто иной, как сам Император.

с помощью другого человека, решил спасти
ему жизнь. В конце концов, это ведь было
чудо. Пусть тихое, незаметное для других,
но тем не менее чудо!

Сказав это, отец снова утолк. Глядя
на него, Ларн заметил, как первые бусинки
слез заблестели в уголках отцовских глаз.
Затем, после некоторой паузы, отец
заговорил снова, и в каждом произнесенном
им слове теперь слышалось едва
сдерживаемое горькое чувство.

— Понимаешь теперь, Арви, почему я
подумал, что тебе стоит услышать эту
историю? — спросил он. — Завтра ты,
точно так же, как прежде твой прадед,
должен будешь оставить свой дом и
родных, чтобы никогда уже больше сюда не
вернуться. И вот, ясно сознавая, что
впереди у тебя, прежде чем ты уйдешь со
службы, будет, возможно, несколько очень
тяжелых лет, я хотел бы, чтобы ты
услышал историю твоего прадеда —
рассказ о том, как ему все же удалось
выжить. Я бы хотел, чтобы ты пронес с
собой по жизни это предание. С тем чтобы
ты знал: какими бы трачными или даже

безнадежными ни показались тебе твои
обстоятельства, Император никогда тебя
не покинет. Доверься Императору, Арви!
Иногда это единственное, что мы можем
сделать... Доверься Императору, мой
мальчик, и все у тебя будет хорошо!

Не в силах больше сдерживать
подступающие слезы, отец отвернулся,
чтобы сын не мог видеть его рыданий. Те
несколько неловких мгновений, когда отец
плакал, скрывая в тени лицо, Ларн
тщетно пытался найти слова, которые
помогли бы ему совладать с отчаянием
от тяжелой утраты. Наконец поняв, что в
данной ситуации лучше сказать хоть что-
то, чем не говорить вовсе, он все же
решился нарушить молчание.

--- Я запомню это, па, --- произнес он
запинаясь и продолжил, с трудом подбирая
слова: --- Я не забуду ни одного слова. Как
ты и сказал, я пронесу это предание через
всю жизнь и не забуду никогда, как бы
трудно мне ни пришлось. И я тебе обещаю:
я буду делать все, как ты мне сказал... Я
доверюсь Императору, па! Так, как ты мне
сказал... Я обещаю! И я хочу пообещать

тебе кое-что еще... Я... Я обещаю, что тебе не нужно будет волноваться о том, справлюсь ли я, не погведу ли я своих товарищей, когда окажусь на войне. Что бы ни случилось, свой долг я всегда сумею исполнить!

--- Я знаю... ты сумеешь, Арви, --- отозвался отец, стахивая слезы. --- Ты лучший сын, какого только можно себе пожелать. Уверен, когда ты станешь гвардейцем, ты с татой будешь мной гордиться!

Глава вторая

12:07 по центральному планетарному
времени Джутаэля IV (летнее время
Западного полушария)

СТРОВАЯ ПОДГОТОВКА
ОБЩЕНИЕ С СЕРЖАНТОМ
ФЕРРЕСОМ
РАЗГОВОР В СОЛДАТСКОЙ
СТОЛОВОЙ

--- Ать-два-три-четыре! Ать-два-три-четыре! --- кричал сержант Феррес, идя в ногу с 3-м взводом, маршировавшим по глиняному строевому плацу. --- У это вы называете строевым шагом? Да я видел больше порядка и дисциплины у стаи сортирных крыс!

Марширующий с остальными Ларн, болезненно переживая свою заметность,

толча толкся о том, чтобы не сбиться с шага. Его место было в середине внешней левой шеренги взвода, прямо перед глазами сержанта. Пережитое за два месяца базовой подготовки лишило новобранца иллюзий насчет того, что ожидает не сумевших соответствовать строгим требованиям Ферреса.

--- Выше ногу! --- вопил сержант. --- Вы не на пшеничном поле со своими кузинами, сопляки! Вы --- солдаты Имперской Гвардии, помощи нам Император! Богрее!

Увидев, что взвод почти дошел до края плаца, Феррес пронзительным голосом отдал команду:

--- Взвод! Кру-гом! Ша-гом... ари!

Ловко повернувшись на каблуках и маршируя в другую сторону, Ларн вдруг понял, что измотан и устал как собака. Сегодня, как и все шестьдесят дней до этого, Феррес поднял их с первыми лучами солнца и заставил пройти сквозь всевозможные виды муштры. Строевая подготовка, упражнения с оружием, пристрастные остотры вещевых мешков, приемы рукопашного боя, тренировка

базовых навыков выживания — каждый день был наполнен бесконечными комбинациями испытаний и тестов. Ларну казалось, что за последние два месяца он узнал больше, чем за всю свою недолгую жизнь. И все же, сколько бы новых знаний они с товарищами ни получили, как бы хорошо они ни мог применить их на практике, ничто из этого, похоже, не могло удовлетворить придирчивого сержанта.

— Ать-два-три-четыре. В ногу, сукины дети! — ревел сержант. — Я еще два часа вас всех продержу на этой муштре, если без этого не можете держать строй!

Ларн ничуть не сомневался, что Феррес способен выполнить свою угрозу. За последние два месяца сержант неоднократно проявлял свою склонность налагать драконовские наказания даже за самые незначительные нарушения. После того как он уже не раз и не два становился жертвой таких взысканий, Ларн поневоле научился бояться сержанта, одержимого идеей порядка и дисциплины.

— Рота... стой! — прокричал наконец

сержант Феррес, ястребиным взглядом высматривая, не сломал ли кто из гвардейцев строй.

Затем, похоже весьма довольный тем, что все они затерли мгновенно, едва услышав приказ, он заорал снова, растягивая каждый слог команды:

--- Нале-во!

На удивление слаженно щелкнув каблуками, вся рота повернулась к своему сержанту. Увидев, что Феррес зачем-то направляется в его сторону, Ларн расправил плечи, выпрямился, словно шомпол проглотил, и неподвижным взглядом слепого туго уставился перед собой. Он успел достаточно изучить привычки Ферреса, чтобы знать: проверка внешнего вида и аттунции последуют сразу же за строевой подготовкой. Также он знал, что Феррес ничуть не добрее к солдату, проколовшемуся на смотре, чем к тому, кто, маршируя в строю, не смог соответствовать его требованиям.

Краем глаза Ларн заметил, что, начиная смотра, сержант Феррес двинулся к краю внешней шеренги гвардейцев.

Неспешно шагая вдоль замершей линии, сержант окидывал каждого быстрым взглядом темных глаз, придирчиво выискивая изъяны в обмундировании и снаряжении, не собираясь мириться даже с малейшей неопрятностью. В такие минуты, в каком бы ряду он ни стоял, Ларну всегда казалось, что должна пройти целая вечность, прежде чем сержант дойдет до его места в строю. Нужно было претерпеть долгое мучительное ожидание, все время ощущая себя торчащим из стены гвоздем, зная при этом, что, как бы хорошо ты себя ни проявил, какие бы предосторожности ни предпринял, молоток все равно на тебя обрушится!

Всего за три человека до Ларна сержант внезапно остановился и повернулся к стоящему перед ним белобрысому солдату. Это был рядовой Леден — его излюбленная мишень. Высокий, широкоплечий, с большими руками и толстой шеей, Леден больше других товарищей по роте походил на парня с фермы. Даже теперь, когда он,

вытянувшись по стойке смирно, стоял под испепеляющим взглядом Ферреса, его лицо оставалось спокойным и безмятежным, а губы, казалось, в любой момент были готовы расплыться в сердечной, дружеской улыбке.

--- Ваш лазган, рядовой! --- рявкнул сержант. --- Подайте-ка его сюда!

Приняв винтовку из протянутых рук Ледена, он проверил предохранитель и затем по очереди осмотрел все прочие части штатного оружия.

--- Какой наилучший способ есть у гвардейца, чтобы предохранить лазган от осечки в условиях реального боя? --- спросил Феррес, буряв хищными глазами бесхитростное лицо Ледена.

--- Я... мм... прежде всего ему следует проверить, не разрядилась ли батарея. Затем, читая литанию убеждения механизма от заклинивания, ему следует...

--- Я спросил, каков лучший способ предохранить лазган гвардейца от возможной осечки, Леден, --- перебил его сержант. --- А не то, что ему следует

делать с заклинившим механизмом после того, как оружие уже отказало!

--- Мм... --- На мгновение показалось, что Леден загнан в угол, но затем в его глазах сверкнул огонь вдохновения. --- Гвардеец обязан каждый день прочищать свой лазган, не забывая при этом произносить литанию чистоты, поскольку...

--- А если по какой-то причине ему все же не удалось выполнить свою обязанность по содержанию оружия и гвардеец в самый разгар боя вдруг обнаружит, что лазган заклинило и он ничего не может с этим поделать? --- снова прервал его сержант. --- Что тогда, Леден? Как ему следует тогда поступить?

--- Он должен вставить штык в специальный зажим на вспышкогасителе своего лазгана, сержант! И так использовать его для защиты, --- ответил Леден, и горделивые нотки слышались в его голосе, будто теперь он был уже окончательно уверен, что верно ответил на очередной заковыристый вопрос.

--- И это в разгар сражения? Когда

противник уже стоит перед ним? Что, если у него уже не осталось времени прилкнуть штык, а, Леден?

--- Тогда он должен использовать свой лазган как дубину, сержант!

--- Как дубину, говоришь? --- переспросил Феррес, неожиданно взяв лазган за дуло и подняв приклад над головой. --- Как именно? Как если бы он был с бейсбольной битой и принимал подачу?

--- О нет, сержант, --- безмятежно возразил Леден, похоже не сознавая, что роет себе яму, которая с каждым произнесенным им словом становилась все глубже и глубже. --- Он должен взять лазган горизонтально, широко раздвинув руки, как если бы это была короткая палка, и нанести противнику удар прикладом.

--- А, понимаю... --- сказал сержант и, опустив лазган, переложил его так, как указал ему Леден: держа его теперь прямо перед собой. --- И куда же он должен метить, чтобы вернейшим способом лишить противника боеспособности: в лицо, в грудь, в пах?

— В лицо, — произнес Леден, все еще идиотски улыбаясь, в то время как все гвардейцы его роты внутренне сжались в предчувствии того, что, они знали, вот-вот должно было случиться.

— Ясно, — сказал сержант Феррес и, стремительно вскинув приклад, ударил им Ледена в переносицу.

Взвыв от боли и разбрызгивая кровь из разбитого носа, Леден рухнул на колени.

— Встать, Леден! — приказал сержант и, когда тот, шатаясь, поднялся, бросил ему назад лазган. — Ты не получил серьезного ранения и уж тем более не потерял боеспособности! Считай, это был тебе урок. Возможно, в следующий раз ты уже не забудешь как следует почистить свой лазган. Сейчас его энергоразъем настолько засорен, что его наверняка бы закоротило после первых же выстрелов.

Отвернувшись наконец от Ледена, сержант продолжил инспекцию. Лишь три человека отделяли его от Ларна, и юноша вдруг ощутил, как тяжелое предчувствие надвигающейся беды завладевает всем его существом. «Сегодня Феррес вышел на

тронут войны, — подумал он. — Не может
быть и речи, чтобы он дал мне пройти
смотр. Он обязательно найдет что-нибудь,
что я сделал не так. Какую-нибудь ерунду.
Он всегда находит». Тут его сердце чуть
не выскочило из груди: Ларн увидел, как
медленно идущий вдоль строя сержант
остановился и повернулся к нему лицом.

— Ваш лазган, рядовой! — потребовал
сержант.

Затем, как и прежде с Леденом, он
проверил предохранитель, после чего
критически осмотрел по очереди все
части оружия: прицел, дуло, казенную
часть, зажимы для ремней. За те
несколько секунд, показавшиеся ему
бесконечно долгими, пока Феррес
скрупулезно осматривал его лазган, Ларн
своей шеей успел почувствовать, как взмок
от холодного пота весь его воротник.
Наконец Феррес надавил на рычажок
затвора и, вытащив из ружейного
магазина энергобатарею, проверил,
достаточно ли хорошо прочищены
контакты и магазинная ячейка. Затем, с
недовольным видом защелкнув батарею

обратно, Феррес вновь поднял глаза на Ларна.

--- Уля и идентификационный номер?! --- рявкнул сержант.

--- Рядовой первого класса Ларн Арвин А., сержант! Идентификационный номер: восемь-один-пять-семь-шесть-штрих-три-восемь-девять-гробь-четыре-семь-два-гробь-один!

--- Понятно... Тогда скажите мне, рядовой первого класса Ларн Арвин А., зачем вы вступили в ряды Гвардии?

--- Защищать Имперу́м, сержант! Служить воле Императора. Оберегать человечество от всего враждебного и нечистого!

--- И что же вы будете для этого делать, рядовой?

--- Я буду подчиняться приказам командования, сержант! Я буду строго исполнять последовательность команд. Я буду сражаться с врагами Императора. Если такова будет его воля, я умру за моего Императора!

--- Какими правами вы обладаете как рядовой Имперской Гвардии?

— У меня нет никаких прав, сержант! Гвардеец добровольно отказывается от всех своих прав в обмен на славу, которую он получит в боях за правое дело нашего бессмертного Императора!

— А зачем гвардеец добровольно отказывается от всех своих прав?

— Он отказывается от них, чтобы лучше служить своему Императору, сержант! Гвардейцу не нужны права, когда его ведет в бой бесконечная мудрость Императора и дарованная ему свыше система управления Имперской Гвардией.

— Ну а если вам повстречается кто-то, кто скажет, что все это неправильно, а, Ларн? Если вы встретите человека, который будет утверждать, что командование Гвардии иногда допускает ошибки, что выполнение его приказов может привести к неоправданным человеческим потерям?

— Я убью его на месте, сержант! Это единственно возможный способ общения с предателями и диссидентами!

— Хм... А если вы услышите, как кто-то изрек ересь, Ларн? Как вы укажете ему

на его ошибку?

--- Я убью его на месте, сержант! Это единственно возможный способ общения с еретиками!

--- А если вы вдруг повстречаете ксеноса?

--- Я убью его на месте, сержант! Это единственно возможный способ общения с ксеносами.

--- Очень хорошо, Ларн, --- сказал наконец сержант и, вернувшись лазган, направился к следующему стоящему в строю новобранцу. --- Ты явно делаешь успехи. Возможно, нам еще удастся сделать из тебя гвардейца!

--- Ни синяков, ни нарядов вне очереди, ни даже порицания! --- воскликнул Дженкс.

Прошел час, и Ларн, сидя теперь за одним из глиняных столов в холле солдатской столовой, вместе с другими ребятами из своего звена, как и вся рота, ждал, когда принесут положенный им обед.

--- В этот раз ты лихо прошел инспекцию, Ларни! Похоже, ты даже начинаешь нравиться старине Ферресу!

--- Нравиться? Не думаю, что ему
может кто-то нравиться, --- возразил
Ларн. --- Мне самому в это трудно было
поверить. Когда он на тебя так сверкает
глазами, всегда думаешь, что он
собирается составить на тебя рапорт,
что бы ты там ни сделал.

--- Эй, сержант не так уж плох! ---
воскликнул Халлан, медик их стрелкового
расчета, который, сидя чуть в стороне,
был занят тем, что накладывал повязку на
разбитую переносицу Ледена. --- Хочу
сказать, что при всей своей суровости он
довольно-таки справедлив!

--- Справедлив? --- взорвался Леден. ---
Эхот ухлюдох хлопал мне нох!

--- Могло быть и хуже, Леден, ---
заметил Халлан. --- Когда Феррес
считает, что оружие бойца недостаточно
вычищено, обычно он бьет ногой в пах! Но
крайней мере на этот раз, чтобы
посмотреть твои раны, мне не пришлось
просить тебя снять штаны! Вот кстати
когда в следующий раз сержант
предложит тебе выбор между лицом,
грудью и животом, будь умнее, скажи

«Палец на ноге»!

--- Ха! Скажи --- и точно получишь в пах! --- рассмеялся Дженкс. --- Нет, раз уж Ферресу шлея пог хвост попала, он так или иначе тебя достанет! Если хотите знать мое мнение, то я вам вот что скажу. Все, что ты тогда можешь сделать, --- это молча сносить удары и терпеть! Ну, если ты, конечно, не такой как Ларни... безупречный гвардеец!

При этих словах все заулыбались. Хоть насмешка и была направлена на него, Ларн улыбнулся вместе со всеми. Голос товарища казался вполне серьезным, но все же Арвин знал, что Дженкс лишь прикалывается. Безупречный гвардеец! Сегодня Ларн прошел инспекцию, грех жаловаться, но даже после двух месяцев базовой подготовки он чувствовал себя гвардейцем не больше, чем в тот день, когда его призвали.

В какой-то момент, пока все вокруг еще продолжали разговор, он вдруг подумал, как же сильно за эти короткие два месяца изменилась его жизнь! На следующий день после памятного разговора

с отцом в погвальной мастерской он сел на поезд, который шел до городка Вилланс-Ферри, и уже оттуда проследовал в областной центр Дарнанвилль, чтобы официально сообщить о своем прибытии на военную службу. Из Дарнанвилля его направили в отдаленный гарнизон, находившийся в двухстах километрах к востоку, где вот уже два месяца он как будущий гвардеец проходил боевую подготовку.

Он поймал себя на том, что внимательно разглядывает товарищей. Халлан был небольшого роста и темноволос, Дженкс — высокий блондин, но, несмотря на все различия между ними, Ларн не мог не понимать, что на гвардейцев они походили ничуть не больше, чем Леген или он сам. Все они, включая его самого, по-прежнему выглядели теми, кем на самом деле и являлись — простыми парнями с фермы. Как и он, все они были фермерскими сыновьями. Так же обстояло дело и с большинством личного состава полка. Все они были сельскими ребятами, которых

только недавно оторвали от земли и
которые привыкли к простому и
спокойному деревенскому укладу. Вручение
официальных повесток навсегда изменило
их жизнь. К лучшему для себя или к
худшему, но все они в одночасье
обнаружили себя призванными в Гвардию.
Две тысячи зеленых, необстрелянных
новобранцев, которые, прежде чем навсегда
покинуть Джумаэль IV, должны были
пройти базовую подготовку в местном
гарнизоне. Две тысячи кандидатов в
Гвардию, которых передали в нежные руки
таких людей, как сержант Феррес, с
хрупкой надеждой на то, что ко времени,
когда они познают вкус настоящего
сражения, они уже успеют стать
солдатами...

— Что ни говорите, а по мне, так
Халлан прав, — прервал нестройную череду
мыслей Ларна хриплый голос Дженкса. — Я
хочу сказать, каким бы жестким Феррес
ни был, ты, по крайней мере, знаешь, что
от него ожидать. Кроме того, я полагаю,
он честно заслужил это право — быть
жестким! Как я слышал, в отличие от

всех нас, он, прежде чем сюда попасть, служил в регулярных частях СНО. Возможно, он единственный во всем полку, кто знает все о солдатской жизни. Уверьте мне, в тот день, когда мы высадимся и по нам откроют лазерный огонь, нам крупно повезет, если у нас будет такой командир!

--- Так ты уже думал об этом, Дженкс? --- спросил Ларн. --- О том, как это будет, когда мы в первый раз окажемся в переделке?

В ответ все тут же утолкли, на лицах появилось выражение тревоги и неуверенности. Неловкая пауза затянулась, и Ларн уже стал беспокоиться, не сказал ли он лишнего, не было ли в его поведении чего-то такого --- как, например, легкая угрожа в голосе или даже само по себе то, что ему пришло в голову задать такой вопрос, --- что гало бы повод остальным начать в нем сомневаться. Но тут Халлан ему улыбнулся, и эта улыбка сказала Ларну, что все они, так же как и он, нервничают при одной только мысли о настоящем сражении.

— Ты, Ларни, не волнуйся, — заверил его Халлан. — Даже если в тебя попадут, я всегда буду рядом, чтобы тебя заштопать.

— Тоже мне утешение! — съязвил Дженкс. — Думаю, единственная причина, по которой тебя сделали нашим медиком, — это то, что прежде, у себя на ферме, ты был ветеринаром!

— Вообще-то, ветеринаром был мой отец, — уточнил Халлан. — Я лишь помогал ему, когда мы были в поле. Поэтому, Дженкс, я не только умею раны обрабатывать, но, если придется, могу и самке грокса помочь отелиться.

— Халс, смотри не перепутай. А то ведь скверно получится, если меня ранят, а я только и буду думать, как бы ты не взял меня за задницу, как брюхатую телку!

Все расхохотались, окончательно похоронив в памяти те несколько секунд, что держали их в тупом напряжении. Затем, увидев что-то на противоположном конце солдатской столовой, Дженкс удовлетворенно кивнул.

— Эй, глядите-ка! — воскликнул он. — Похоже, это наконец наш обед!

Ларн глянул в ту же сторону и увидел Ворранса — пятого бойца их звена, — который, ухитряясь держать в руке сразу несколько столовых подносов, торопливо пробирался сейчас в их сторону.

— Очень вовремя, — заметил Халлан. — Клянусь, мой желудок настолько пуст, что я уже начал думать, не перерезали ли мне горло!

Когда же Ворранс наконец подошел к столу и принялся раздавать им подносы со снедью, он раздраженно воскликнул:

— Слезы Зелла! Почему так долго, Ворс? Еда чуть теплая!

— Халс, я не виноват, что в это время дня очередь в столовой едва двинется! — огрызнулся Ворранс. — Кроме того, вчера, когда была твоя очередь дежурить в столовой, что-то мне не кажется, что ты принес нам обед быстрее! Кстати, помнишь, что ты нам тогда сказал? Привожу твои слова по памяти: «Не думаю, что эта бурда в подогретом виде была вкуснее!»

— Ну извините, извините... — отозвался Халлан, прежде чем

сосредоточить все свое внимание на содержимом погноса. --- Хотя относительно этой бурды я был абсолютно прав. Дома бы этого даже грохот не дали, однако набить брюхо, я полагаю, все же возможно.

--- Набить брюхо... Это ты верно подметил, --- сказал Дженкс, который, вытащив ложку из своего походного комплекта, теперь с сомнением проверял ею на жесткость лежащие у него на погноте сплывшиеся между собой серые кусочки тушеного мяса. --- Знаешь, Халс, тебе бы стоило немного отложить и приберечь до боя. Если что, этим можно заклеивать раны.

--- Попробую представить себе, что это тушеное мясо альпака, --- сказал Ларн. --- Ну, знаете, какое нам дома готовили.

--- И что, Ларни, это работает? Мясо становится вкуснее?

--- Не так чтобы очень, --- честно сказал Ларн, пожав плечами.

--- Вот что меня удивляет, --- протянул Ворранс. --- Вокруг нас поля

пишеницы и находимся мы в краю фермеров, одном из самых высокоурожайных районов планеты, и тем не менее вместо нормальной пищи нам дают эти переработанные помои. Если хотите знать мое мнение, так это бессмыслица!

--- Вот в этом-то, Ворс, и есть твоя главная ошибка, --- откликнулся Дженкс. --- В том, что имеешь свое мнение, задаешь вопросы... Ты не забыл случайно ту пространную речь, с которой перед нами выступил полковник Стронхил в первый же день нашего зачисления?

--- Гвардейцы Четырнадцатого Джумтаэльского! --- начал Халлан, с напускной серьезностью в голосе пародируя суровую, отеческую интонацию их полкового командира. --- Все последующие годы и месяцы вашей службы, каждый раз, когда вас будут отправлять на новый театр военных действий, у вас сами собой будут возникать тысячи вопросов. Вы будете спрашивать себя: куда мы летим, сколько времени займет перелет, какие условия нас ждут по прибытии?.. Все подобные мысли нужно немедленно гнать

из своей головы! Дарованное нам свыше гвардейское командование само расскажет все, что вам нужно знать, и расскажет тогда, когда это будет необходимо. Всегда помните: в сознании гвардейца нет места вопросам! Лишь беспрекословное подчинение приказам командования!

— Здорово это у тебя получается, Халс, — восхитился Ларн. — Отлично изобразил голос старика!

— Ну, я тренируюсь... — ухмыльнулся Халлан, заметно польщенный. — Хотя, честно признаться, есть только два вопроса, на которые я хотел бы получить ответ: куда нас отправят на нашу первую гарнизонную службу и когда наконец это случится?

— Халс, я бы на этот счет не слишком уж обольщался, — трачно заметил Дженкс. — Не стоит ожидать, что они нам что-то расскажут, пока сами до конца не будут готовы. Да и даже если они уже решили, куда и когда нас отправить, все равно можешь быть уверен, что ты будешь последним, кому об этом сообщат.

Глава третья

15:17 по стандартному имперскому
времени (расчетное вариативное
приближение в условиях Эмпирея)

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ В ЗАЛЕ
КРАТКОГО ИНСТРУКТАЖА
ВАРПОВАЯ БОЛЕЗНЬ И РИТМЫ
СНА
УЧЕНИЯ С ВООБРАЖАЕМЫМ
ОРУЖИЕМ

--- Мы будем там недели через три,
может, четыре... --- произнес флотский
офицер, весь в сиянии звездной карты,
которая мерцала на огромном пикт-
дисплее у него за спиной. --- Однако вам
следует знать, что, принимая во внимание
непредсказуемость путешествия в варпе, а
также относительность времени в

Эмпирее, дать хоть сколько-нибудь более
точный ответ на этот вопрос
представляется мне крайне
затруднительным. Более того, всегда
остается возможность, что то, что
воспринималось нами как три недели, на
поверку, когда мы выйдем из Варна,
окажется несколько более протяженным
временным отрезком. Как я уже говорил,
время в Эмпирее --- понятие
относительное...

Офицер занудно продолжал, щедро
пересыная свою речь такими словами, как
«трансвременная текучесть»,
«пространственные завихрения» и с
десяток других столь же неудобоваримых
понятий. Вдыхая спертый воздух тесного
зала инструктажа, в который уже
набилась целая рота гвардейцев, Ларн с
трудом сдержал внезапно подступившую
зевоту. Два месяца прошло с того дня, как
он впервые прошел сержантскую инспекцию
на плацу, а последние четыре недели полк
Ларна размещался на имперском
костическом транспорте, несущем его к
тому миру, который обещал стать

местом разворачивания его первой военной кампании. Четыре недели! И только сегодня наконец начальство приняло решение рассказать, куда, черт возьми, они все-таки направляются.

--- Сельтура Семь, джентльмены! ---
обращаясь к ним, громко произнес их ротный, лейтенант Винтерс, который выступил вперед сразу после того, как подошла к концу флотская часть инструктажа. --- Вот куда мы направляемся! И именно там вам наконец выпадет шанс послужить нашему бессмертному Императору!

Звездная карта на пикт-дисплее за спиной лейтенанта тотчас уступила место статичному голубому шару на фоне черноты космоса. Но рядом в зале сразу же пробежал шумок, поскольку две сотни гвардейцев почти без исключения привстали с металлических кресел, чтобы лучше рассмотреть конечную цель их путешествия. Вполне довольный, что завладел всеобщим вниманием, лейтенант Винтерс щелкнул пультом и, сменив в очередной раз картинку на пикт-дисплее,

открыл изображение лесного ландшафта, полученное с помощью аэрофотосъемки.

--- Сельтура Семь изобилует лесами, --- продолжил лейтенант. --- Свыше восьмидесяти процентов поверхности планеты покрыто умеренной тропической растительностью. Климат также умеренный --- я бы сказал, он не слишком отличается от того, который был у вас на Джумаэле. Четыре, --- хотя по среднегодовому выпадению осадков превосходит последний почти втрое. К времени нашей высадки на планету там предположительно будет раннее лето, так что вам следует приготовиться к жаркой дождливой погоде...

Поймав себя на том, что вновь зеваает, Ларн торопливо поднес лагерь к губам. Даже путешествуя в глубинах космоса, сержант Феррес не давал ни секунды спуска. Что ни говори, а с тех пор, как они покинули свой родной мир, установленный Ферресом режим ежедневных тренировок в сравнении с тем, каким он был на Джумаэле IV, стал даже более жестким. Единственным отличием было, пожалуй,

лишь то, что теперь, когда они тренировались на площадке одного из грузовых отсеков, многие флотские охотно бросали свои дела, чтобы, ежидно хмыляясь и перебрасываясь солеными шутками, с удовольствием наблюдать за их мучениями. Феррес каждый день заставлял их проглатывать свои упражнения, которые начинались сразу после завтрака, а заканчивались, когда на корабле гасили свет. Однако отнюдь не только по причине дневных физических нагрузок Ларн чувствовал себя таким измотанным.

Вот уже почти месяц, как они, находясь в костическом транспорте, совершали «нырки» в Умтатериум, возвращались обратно, проводя таким образом несколько дней в Варне, а затем продолжая путешествие в реальном космосе. И каждый раз, когда ночь проходила в Варне, Ларна преследовали кошмары. В снах у него неизменно были видения каких-то враждебных, никогда не виденных прежде ландшафтов, населенных странными, ужасного вида существами.

Каждую такую ночь эти видения, терзая его душу безотчетным страхом, заставляли его просыпаться в холодном поту и рывком садиться на койке. «Варновая болезнь, — определил это состояние корабельный аптекарий, когда добрая половина их полка обратилась к нему с жалобами на здоровье после первой же ночи, проведенной в варне. — Вы привыкнете к этому со временем».

Что до Ларна, то от снотворных пилюль, которые ему выдал аптекарий, толку оказалось мало. Вот уже несколько недель, как он не мог нормально выспаться. Сколько бы пилюль он ни принимал, каждая новая ночь в варне была столь же ужасна, как и первая.

— Понятно, что из соображений секретности в данный момент я могу вам дать лишь очень скудную информацию относительно деталей предстоящих операций на Сельтюре Семь, — продолжал лейтенант Винтерс. — Все, что я могу сейчас сказать, — это только то, что вы посланы подавить мятеж некоторых преступных элементов, которые оказались

в местных СНО, и помочь вернуть к власти законное правительство. Если верить данным разведки, там нас ждет яростное сопротивление бунтовщиков. Но мы ведь с вами имперские гвардейцы, сержант-мэны! Мы победим! Однако нужно принять во внимание, что поначалу мы, вероятно, будем испытывать некоторые трудности не в последнюю очередь из-за проблем адаптации к местным условиям.

«Адаптация... — подумал Ларн. — Вот еще одна проблема на мою голову! Мало варповой болезни, так мне еще все время кажется, будто свет на корабле должен были уже давным-давно погасить...» Ларн узнал: для того чтобы адаптировать внутренние часы их организма к непривычному для них тридцатичасовому суточному циклу новой планеты, в отсеках корабля, где размещался их полк, был установлен соответствующий световой режим. Но даже после нескольких недель существования в этом режиме Ларн никак не мог к нему приспособиться. Чувствуя, что его внутренние часы «расстроены», толерантный человек все время находился в

состоянии утомления, словно его организм
удивлялся, почему ему никак не дают
уснуть. Очень скоро Ларн обнаружил, что,
как бы трудно ни было ему переносить
варповую болезнь, тот непривычный режим
сна, которого он должен был теперь
придерживаться, делал его неспособностью
выспаться еще неизмеримо более
тучительной.

--- Но как я уже сказал,
сержантльмены, --- продолжал свою речь
Винтерс, --- мы --- гвардейцы и мы победим!
Я знаю, что для вас эта военная кампания
будет первой. Не сомневайтесь, ваши
командиры, несмотря ни на что, верят в
вас. Так... на этом, я полагаю, все. Если у
вас есть вопросы, вы можете задать их
вашим сержантам.

С этими словами лейтенант еще раз
щелкнул пультом, растворяя в темноте
изображение на пикт-дисплее, и собранные
на инструктаж гвардейцы, встав со своих
мест, молча потянулись из зала.
Медленно продвигаясь с другими к выходу,
Ларн внутренне не переставал удивляться
тому, как хорошо лейтенант Винтерс

знал характер своих подчиненных.

Поскольку, даже если взять любого из них роты... Кто в здравом уме постел бы обратиться с вопросом к сержанту Ферресу?!

--- Так вы называете себя солдатами?! --- взревел сержант Феррес, и его резкий голос эхом отразился от причальных стенок грузовой палубы. --- Да более высокие формы жизни слетались к моему отцу, когда он подмывал свою задницу! Так, атакуете вон тот блокгауз!.. Да так, как полагается, иначе я заставляю вас всех пожалеть о том, что вы когда-то выползли из утробы своих безмозглых мамаш!

После инструктажа прошло пять часов. Пять часов, которые Ларн провел с другими ребятами из своего взвода на одной из грузовых платформ транспорта, где они опробовали на себе новый метод тренировок, который родился в воспаленном мозгу сержанта Ферреса. Металлический пол вокруг них был расчерчен на прямоугольники.

обозначающие очертания воображаемых бункеров, домов и блокгаузов, атакуя которые гвардейцы, как предполагалось, должны были оттачивать тактические навыки штурма укреплений. Однако, несмотря на часы, проведенные в бою с невидимым противником, сержант Феррес, казалось, не собирался успокаиваться.

— Пригибайтесь при перебежках! — кричал он, не отставая от Ларна и его товарищей по звену, когда они в очередной раз пошли на штурм несуществующего объекта. — Вы под лазерным огнем... Ирапнель свистит вокруг вас! Пригибайтесь и держитесь укрытий, если не хотите стать тишенью!

Ларну же все происходящее казалось безумием. Даже при всем своем почти животном страхе перед сержантом несколько раз, когда они перебегали от одной воображаемой цели к другой, он едва смог сдержать стех. Останавливало его только выражение лица Ферреса. Что бы Ларн и другие ни думали о нелепости пятичасового штурма контуров

воображаемых зданий, полных невидимых врагов, сержанту было явно не до смеха.

--- Быстрее! --- кричал Феррес столь пронзительно, что казалось, вот-вот сорвет голос. --- Я хочу, чтобы вы зачистили мне этот блокгауз, комнату за комнатой! Не оставим врагу ни угла! Пленных не брать! За Императора!

Добежав до внешней стены блокгауза, Дженкс, находясь под огневой защитой других гвардейцев, тут же приступил к действиям: ударом ноги вышиб воображаемую дверь в расчете на то, что подбежавший Леден кинет в воображаемую комнату воображаемую гранату и уничтожит находящихся там воображаемых врагов.

--- Отставить! --- завопил сержант, и в брызгах вылетевшей из его рта слюны проявилась вся категоричность этого приказа.

В одно мгновение Ларн и все остальные затерли на месте. Затем, не зная, что делать дальше, они некоторое время в замешательстве наблюдали, как сержант Феррес решительным шагом

прошел мимо них в сторону блокгауза. Осторожно ступив в его пределы будто через расщепленный пульт дверной проем, невидимый только ему одному, Феррес двинулся к центру воображаемой комнаты, после чего нагнулся и взял в руку какой-то воображаемый предмет. Разогнувшись, он повернулся, держа перед собой сомкнутую, будто он в ней что-то нес, ладонь, и направился в сторону Ледена.

— Что это, Леден? — спросил сержант, указывая тому на невидимый предмет у себя в руке.

— Я... я... Не могу знать, сержант! — ответил Леден, у которого от растерянности и изумления даже отвисла челюсть.

— Это граната, которую ты только что бросил в блокгауз, Леден! — объяснил Феррес. — А теперь скажи мне, что не так с этой гранатой.

— Мм... Не могу знать, сержант! — ответил Леден, сжавшись так, что казалось, будто под пылающим взглядом сержанта Ферреса он уже начал таять.

— С этой гранатой то не так, Леден, что чека в ней все еще на месте, — сказал сержант. — А насколько я знаю, на месте она по той простой причине, что ты не выдернул ее перед тем, как гранату кинуть! А теперь скажи мне, Леден, какая польза от брошенной гранаты, если чека в ней все еще на месте?

— Я... я... Я не думал, что из гранаты нужно выдергивать чеку, сержант! — начал оправдываться Леден, но его робкий голос, по мере того как до него доходил смысл его собственных слов, становился все тише и тише. — Это ведь была всего лишь воображаемая граната...

— Воображаемая?! Нет, Леден, совсем нет! Уверяю тебя, эта граната вполне материальна! И я тебе сейчас это докажу! — рывкнул сержант и, внезапно схватив руку в кулак, нанес Ледену сильный удар в живот.

Грохотко упав от боли, Леден рухнул на колени. Тогда Феррес повернулся к остальным.

— Вот! — произнес он и высоко, так, чтобы всем было видно, поднял над головой

воображаемую гранату. — Эта граната
так же материальна, как и мой кулак.
Так же материальна, как и эта дверь, как
этот блокгауз, как стены этого
укрепления... Даже как пласть этого
бункера! С каждым, кто вслеп за Леденом
постеет при мне утверждать, что все
эти вещи неосознаны и нематериальны,
будет тоже самое, а то и похуже! А
теперь я желаю видеть, как вы снова
будете штурмовать этот блокгауз. И на
этот раз хочу, чтобы вы это сделали как
гвардейцы!

Сказав это, сержант отдал приказ к
атаке. Пример Ледена, похоже, имел
мобилизующий эффект, и Ларн, как и
остальные, вновь бросился на штурм
блокгауза. Сам Леден, преодолев боль,
поднялся на ноги и также поспешил
присоединиться к товарищам. Так это и
продолжалось: одна атака на
воображаемые здания с невидимыми
врагами следовала за другой, а
неутомимый сержант Феррес неистово
перебегал от одного звена к другому, без
устали проверяя слаженность их действий.

Мучащее Ларна много дней хроническое недосыпание уже стало сказываться, и он чувствовал себя все более и более уставшим, пока, после долгих часов тактических учений, сержант наконец не дал отбой и не распустил их. К тому времени Ларн был уже настолько измотан, что с чистой совестью мог сказать, что теперь-то он точно знает, что означает выражение «ходячий мертвец»!

Интерлюдия

Один день из жизни

Эразмоса Энджи

--- Координаты: два, три, три, запятая, восемь, шесть, три, девять... ---
требовал чей-то пронзительный голос прямо в ухе у Эразмоса Энджи, когда тот старательно вводил число 233,8639 в стоящий перед ним координатор. ---
Координаты: два, четыре, два, запятая, семь, четыре, шесть, восемь. Координаты: два, три, восемь, запятая, пять, восемь, шесть, один. Следующие координаты скоро появятся. Ждите.

На этот голос в наушнике оборвался. Воспользовавшись коротким перерывом в приеме бесконечного потока цифр, наполняющих каждую минуту его профессиональной жизни, Эразмос Энджи

наконец отвел от них уставшие глаза и
покинул взглядом интерьер мрачного, как
огромная пещера, зала. Как и всегда,
Информационный зал 312 кипевшей в нем
неугомонной активностью более всего
походил на пчелиный улей, где тысячи
других, таких же как он сам, утомленных
и неприкаянных душ сновали взад-вперед,
исполняя свои служебные обязанности.
Сюда стекались цифры, здесь уточнялись
данные, принимались свежие сводки, после
чего они сверялись с уже имеющейся
информацией и, пронумерованные,
отправлялись в архив. И все это под ни на
секунду не прекращающийся треск
печатющих клавиш и урчание логических
колес, что в основном и порождало у него
образы армии насекомых на тарелке. И все
же он не мог не понимать, что аналогия
эта весьма сомнительная. Совместная
деятельность насекомых по крайней мере
служит какой-то их общей цели, а в том,
что в зале 312 происходит нечто, что
могло послужить хоть какой-то цели, он
уже давно начал сомневаться.

— Координаты: два, три, пять.

занятая, один, пять, три, ноль... -- снова
ожил трескучий голос в наушнике. --
Координаты: гва, гва, гва, занятая, шесть,
один, семь, четыре...

И так далее, ад-инфинитум.

Тяжело вздохнув, он вновь приступил
к работе, вводя в координатор новый набор
координат. Незаметно для себя Энджи с
тоской стал размышлять о том, как
часто жизнь человека определяется
местом его рождения. Вот если бы он
родился на какой-нибудь другой планете,
то мог бы стать шахтером, фермером,
может быть, даже охотником! Но вышло
так, что он родился на этой планете -- на
Либрисе VJ, -- а это мир, единственная
значимая индустрия которого
размещалась в гигантском, размером с
город, комплексе Администратума --
одном из многих тысяч подобных
комплексов, разбросанных по всей
Галактике. Не видя перед собой никаких
иных перспектив, как прежде не имели их
и его родители, Эразмос Энджи поступил
на имперскую службу, став одной из
маленьких шестеренок в механизме

огромной бюрократической машины, осуществляющей бесперебойное, хотя и не всегда безупречное, административное управление всем Империям. Самоотверженное и благородное служение — так или почти так обычно отзывались о его работе те, кто его знал. Но этому, как и многому другому, услышанному в жизни, он уже давно не верил.

— Координаты: два, один, восемь, занятая, четыре, один, ноль, ноль... — продолжал голос — его невидимый учитель, и ему казалось, что нагнетательную, издевательскую интонацию можно расслышать даже сквозь помехи на линии. — Координаты: два, два, один, занятая, один, семь, два, девять.

Теперь ему было уже сорок пять, и, имея за спиной тридцать лет отупляющей чувства и разум работы, Энджи знал, что поднялся в иерархии Администратума так высоко, как только было возможно в его положении — а именно до головокружительной высоты должности ассистента-переписчика ранга секунд-минорис. Другими словами, мелкого

клерка-регистратора, вынужденного
каждый день своей жизни проводить в зале
312, склонившись над когитатором у
стационарного приемника. В его
обязанность входило, набирая на
клавиатуре цифры, без усталости вводить в
когитатор никогда не прекращающуюся
последовательность чисел, наговариваемую ему в
наушник голосом, обладателя которого он
никогда в жизни не видел и не увидит. Эту
обязанность он выполнял семь дней в
неделю, двенадцать часов в день, с двукратными
разрешенными ему
пятнадцатиминутными перерывами на
отдых и одним большим полчасовым на
обед, не считая однодневного
неоплачиваемого отпуска, который ему
предоставляли каждый год в День
Императора.

Проживая унылую, серую жизнь,
чувствуя себя совершенно забытым,
Эразмус Энджи давно перестал
заботиться о том, какой именно цели
служит его деятельность. Вместо этого
он вот уже тридцать лет как просто
выполнял выпавшие на его долю

обязанности, бесконечно вводя в координаторе все новые и новые координаты, --- не важно, какое значение они имели, если имели вообще. Потерянная душа, плывущая по воле волн в бесконечном и безрадостном море цифр.

--- Координаты: два, три, три, занятая, три, три, два, один... --- произнес голос, каждым своим новым словом все более истощая вечную душу переписчика. --- Координаты: два, два, три, занятая, семь, семь, один, два...

Затем, уже закончив вводить в машинку последний набор координат, Эразмус Энджи вдруг подумал, что, возможно, допустил ошибку. Последние цифры были 223,7712 или 223,7721? Однако через некоторое время, раз-другой выбравшись и пожав плечами, он выбросил все сомнения из головы и решительно перешел к следующим числам. «Так ли уж важно, --- утешал он себя, --- сделал я ошибку или нет...» Он давно уже в своей работе, как и в жизни в целом, не видел никакого смысла.

В конце концов, это всего лишь

цифры...

Глава четвертая

22:57 по стандартному имперскому времени (расчетное приближение в реальном пространстве в условиях непосредственной близости к планете)

СТРАННЫЕ ПРИКАЗЫ И
НЕПРИВЕТЛИВЫЙ ВИД ПЛАНЕТЫ
ПРИЗЫВЫ ВЫПОЛНИТЬ ДОЛГ И
ВОПРОСЫ, ОСТАВШИЕСЯ БЕЗ
ОТВЕТА

ДЕСАНТНЫЙ МОДУЛЬ И СТРАХ
ПЕРЕД ВЫСАДКОЙ

Множественно увеличенная оптикой устройств, хитроумно скрытых в прозрачной панели носового обзорного портала, приближающаяся планета выглядела устрашающе огромной, и любому, кому довелось бы увидеть это

багрово-коричневое небесное тело, прежде
всего пришел бы на ум образ
полужастывшей, чудовищно раздувшейся
капли крови. Глядя на нее с привычного для
себя места на возвышении капитанского
мостика, откуда он осуществлял
управление вверенным ему
космотранспортом, капитан Вугий
Штрелл поймал себя на мысли, что ему
жаль тех ребят, которые должны будут
туда десантироваться. «Вот бедолаги! ---
подумалось ему. --- Много побегал я разных
планет --- некоторые из них вполне можно
было назвать дырой в ас, --- но есть в этой
проклятой что-то такое, что поневоле
думает: высадка на нее приятной точно
не будет».

--- Капитан!.. --- услышал он за спиной
голос Гугарсена, своего первого
помощника. --- Навигационная связь
сообщает, что в данный момент мы
находимся в пятнадцати целых тридцати
пяти сотых минуты от траектории
орбиты планеты. Гравитационные условия
нормальные. Все системы работают
бесперебойно. Мы полностью готовы.

капитан. Прошу разрешения передать приказ Центру управления о подготовке десантного модуля к десантированию на планету.

--- В разрешении отказываю, --- заявил Штрелл. --- Хочу, чтобы вы, Номер Первый, еще раз проверили коды подтверждения информации последнего астронавтического послания. О результатах проверки доложите немедленно!

--- Так точно, сэр. Приказ понял! --- ответил Гударсен и бодрым, энергичным шагом --- что капитану, вероятно, должно было казаться похвальным рвением --- кинулся выполнять его инструкции.

Не обращая внимания на привычную суету офицеров на командном мостике, Штрелл вновь вернулся к своим мыслям и перевел взгляд на увеличенный обзорным порталом надвигающийся на них шар планеты. Глядя на этот чужой для него мир, он никак не мог понять, что же больше заставляет его испытывать беспокойство: нечто зловещее в самом облике планеты или несущаясь

приказов, которые привели его к ней? Его корабль «Неизбежная победа» в числе других тридцати транспортов, не считая кораблей сопровождения, уже находился на пути к системе Сельтуры, когда они вдруг получили приказ оставить конвой и продолжить путь в одиночку. В приказе речь шла лишь о небольшом отклонении от курса --- не больше чем один четырехчасовой прыжок через варп, но и одной только формулировки задания, с которым они сюда направлялись, было достаточно, чтобы капитан «Победы» сейчас в досаде стискивал зубы.

«Одна-единственная рота! --- думал Штрелл. --- Ну зачем, во имя всего святого, командованию операций Космического флота вдруг понадобилось, чтобы огромный межзвездный транспорт изменил свой курс ради десантирования на какой-то захолустный, забытый Императором мир одной роты Имперской Гвардии?!»

Обеспокоенный этой мыслью, Штрелл взял в руки отпечатанный экземпляр судовой декларации и стал недовольно его

простатривать, пока наконец его взгляд не
остановился на записи о выведшей его из
себя роте: «6-я рота; 14-й Джумаэльский
добровольческий; ротный командир ---
лейтенант Винтерс». Ничего, что
выходило бы за рамки обычной записи в
декларации. Ничего, что могло бы
объяснить, почему его и всю его команду
отрывают от исполнения своих
обязанностей, --- а также от защиты
конвоя! --- чтобы переправить две сотни
человек на планету, которая находится
там, где находится, но галактически
меркам, все равно что не существовать
вовсе.

«Быть может, есть что-то еще, что
нужно читать между строк? --- снова
подумал Штрелл. --- Быть может, запись
в декларации лишь прикрытие и на самом
деле это специальные войска на секретном
задании? Зачем же еще нас могли сюда
послать? Другое объяснение возможно,
лишь если допустить, что была совершена
ошибка, но ведь Империя не делает
ошибок! Да, это секретное задание. Только
в таком объяснении может быть хоть

какой-то смысл...»

Убедив себя в конце концов, что верный ответ найден, Штрелл обернулся и увидел Гүдарсена, который уже вновь поспешил к нему, размахивая перед собой отпечатанной копией астронавтического послания.

--- Все коды подтверждения верные, капитан! --- отпороговал Гүдарсен. --- Описание нашего задания подтверждается.

--- Очень хорошо. Даю вам разрешение передать приказ Центру управления о подготовке десантного модуля к запуску. Да, Номер Первый, вот еще что... Задание предполагает быструю высадку и незамедлительный уход. Скажите офицеру связи, чтобы штурман рассчитал новый курс на Сельтүрү Три. Я хочу, чтобы в течение часа после того, как десантный модуль высадит своих пассажиров на планету и вернется на корабль, мы были уже в пути.

--- Приказ понял, разрешите выполнять, капитан! --- козырнул Гүдарсен, закончив разговор стандартной фразой подчиненного, и поспешил исполнить то,

что ему было поручено. -- Да хранит нас Император!

-- Да хранит нас Император, Номер Первый, -- эхом отозвался Штрелл, уже поворачиваясь, чтобы вновь направить свой взгляд на планету, в расчете на то, что после запуска десантного модуля он сумеет проследить его траекторию.

«Да, -- подумал он. -- Секретное задание. Это единственное, что возможно. Если командование операций решило не давать нам информацию о природе этого задания, значит так было нужно. Как нас учили тогда в схолариуме?.. -- Тут он позволил себе слегка улыбнуться, предавшись ностальгическим воспоминаниям о минувших днях и стараясь воскресить в памяти давно забытую рифмованную мудрость. -- Как же это было?.. Ах да! Что-то вроде "Кто вопросы задает -- раги дела не утрет"».

-- Лучше умереть за Императора, чем жить для себя! -- ревел голос в воспроизводителе, и в этом шуме потонули как грохот сапог гвардейцев 6-й роты,

безущей по тесным коридорам
транспорт к пусковой площадке,
так и громогласные приказы ее
командиров. — Кровь мучеников — семена
Империиума! Хочешь мира — готовься к
войне!..

В то время как голос из вокс-
репродуктора, который, казалось, теперь
раздавался по всему гигантскому чреву
транспорта, вновь и вновь повторял
записанные призывы исполнить свой долг,
Ларн, как и все остальные, бежал
спотыкаясь, согнувшись под тяжестью
набитого вещмешка у себя за спиной. Едва
ли три часа прошло с тех пор, как
сержант Феррес наконец стягнулся и,
отпустив с учений, позволил им вернуться
в свой отсек. Всего три часа, как Ларн,
уже совсем измотанному, было дозволено
отойти ко сну. И лишь для того только,
чтобы через два с половиной часа под вой
сирен вырвать из хрупкого забытья, чтобы
он спросонья услышал, как сержант Феррес,
подняв ребят его взвода с коек,
приказывает им готовиться к высадке на
планету.

--- Бүдьте бдигельны и бүдьте
сильны! --- пронзительно кричал голос,
который, казалось, стал даже громче,
оттого что звук динамиков теперь
гүлким эхом отражался от
металлических потолка и стен. --- Сам
Император бүдет вам щитом и
госпехами!..

И вот теперь, когда три четверти
часа лихорадочных приготовлений были
уже позади, Ларна в походном
обмундировании вместе с остальными
парнями его роты знали по лабиринту
коридоров костотранспорта, словно стадо
овец. То тут, то там им навстречу
попадались члены флотской команды,
давнo оставившие свои дела, чтобы их
приветствовать, и вместо злорадного
стеха, которым те награждали гвардейцев
на ранних этапах учений, до них
доносились негромкие слова ободрения.
Похоже, ощущение близости сражения, в
которое их нынешние пассажиры должны
бүдүт вскоре встүпить, так на всех
подействовало, что обычная неприязнь
междү Костофлотом и Гвардией

неожиданно уступила место взаимному уважению. Только сейчас Ларн осознал, что скоро попадет на войну, и у него засосало под ложечкой.

--- Да не будет для вас большей награды, чем одобрение Императора! --- продолжал надрываться голос в вокс-репродукторе. --- Да не будет для вас никакой другой правды, кроме той, что скажут вам слуги Императора!

«Ну вот и все, --- подумал Ларн. --- После всех учений, инструктажей, приготовлений пришел наконец момент, ради которого все это и устраивалось. Я покажусь на войне. --- Но стоило одной этой мысли заполнить его сознание, как он тут же обнаружил, что вслед за первой уже вторая мысль, выходя на главный план, властно завладевает всем его существом. --- Недели через три, --- вспомнил он, --- может, через четыре... Так, кажется, говорил флотский офицер во время краткого инструктажа, который был только вчера. Он говорил, что пройдет по меньшей мере три недели, прежде чем мы увидим настоящие боевые действия».

Сбитый с толку, Ларн хотел знать, что же изменилось за это время. Если еще вчера они были в трех неделях от места сражения, как вышло, что сегодня они уже готовятся к своему первому десантированию?

--- В голове гвардейца нет места вопросам! --- бил по нервам визжащий в вокс-репродукторе голос. --- Любое сомнение есть раковая опухоль, и главные ее симптомы --- трусость и страх! Станьте тверды как сталь --- и к вам она не пристанет! Мысли гвардейца подчинены трем вещам: беспрекословному исполнению приказов командования, чувству долга, а также любви к Императору!..

И тут, словно рев вокс-репродуктора был также и гласом его совести, Ларну вдруг стало стыдно. Он вспомнил о своей семье, оставшейся на далеком Джумаэле, и представил, как они каждый вечер, собравшись у камина, встают на колени перед портретом благословенного Императора и возносят молитвы за здравие и благополучие их сына; вспомнил о предании, которое рассказал ему отец о

прагедүшке и счастливым билете;
вспомнил о данных отцу обещаниях: как он
будет верен своему долгу, — и осознал
вдруг, как близок был сейчас к тому,
чтобы погвести их при первом же
выпадшем на его долю испытании,
несмотря на все клятвы, которые он тогда
произнес. Какая разница, что факты,
изложенные на вчерашнем инструктаже,
как оказалось, не соответствуют
сегоднешней реальности? Он гвардеец, и
ему важно лишь то, чтобы он имел
возможность исполнять свой долг!
Отбросив ненужные вопросы и вспомнив
слова, сказанные ему отцом в погвальной
мастерской, он вдруг сразу почувствовал
облегчение. Воскрешенный в памяти, голос
отца казался более добрым, смягченным
вариантом того, что надрывно и
напыщенно ревел из вокс-репродуктора.

«Доверься Императору! — со слезами
на глазах говорил ему тогда отец. —
Доверься Императору, мой мальчик, и все
у тебя будет хорошо!»

Когда, следуя по пятам за бегущими

Впереди, Ларн выскочил из узкого, переполненного людьми коридора, внезапно открывшаяся пусковая площадка показалась ему удивительно огромной. Впереди он увидел впечатляющих размеров десантный модуль, лежащий на гидравлической платформе, от которой валил пар, и множество спящих вокруг него техноагентов, напавших на деловитых туравьев, решивших помочь упавшему великану. Некоторые из них занимали свои места вдоль мощных топливных шлангов, которые тянулись от патрубков в дальней стене ангара к двигателям десантного модуля, в то время как другие были заняты тем, что заботливо натирали его борта маслами, курили лаган, вознося молитвы, или же проводили последние настройки систем, используя различные инструменты священной калибровки. Все это время десантный модуль гудел от напряжения, и нетерпеливая вибрация его двигателей, передаваясь через металлические настилы пусковой площадки, ощущалась даже на расстоянии, там, где стоял Ларн с

зрүгити гвардейцати. С опаской глядящие на этого монстра новобранцы были похожи на испуганных путешественников, обнаруживших у себя на пути спящего тигра.

— А ну, пошевеливайтесь, выродки! — донесся до них рев сержанта Ферреса.

Поскольку громкость vox-репродуктора на открытом пространстве пусковой площадки значительно снизилась, им наконец стали слышны его приказы.

— Можно подумать, глубины стоеросовые, что вы никогда десантного модуля не видели!

Вообще-то, никто из них его и правда никогда не видел — их переброска с Джүтаэля на находящийся на его орбите транспорт производилась на местных шаттлах, габариты которых были куда менее устрашающими. Теперь же, когда Ларн с остальными бежал к настоящему десантному модулю, он невольно ощутил благоговейный ужас перед огромной машиной.

«Он выглядит так, будто легко мог бы вместить не менее двух тысяч

человек! — думал он. — Не говоря уже о танках и артиллерии...» Пожалуй, впервые за все это время юноша по достоинству оценил невероятные размеры транспорта, в чреве которого провел последние двадцать девять дней своей жизни.

— Император всемилостивейший! — прошептал он в изумлении. — Подумать только, ведь нам говорили, что этот корабль несет в себе двадцать таких модулей!

Створки расположенного в носовой части модуля шлюза были уже открыты, и главная штурмовая аппарель протянулась к гвардейцам, как язык какого-то невиданного железного чудовища. Избежав в стальное нутро, из-за тусклого освещения сильно напоминающее пещеру, Ларн и его товарищи увидели, что их уже поджидает один из членов экипажа, который с трачным видом молча указал им в направлении бокового трапа. Поднявшись до самого его верха, они очутились среди бесконечных рядов кресел и проходов верхней войсковой палубы.

— Найдите свое место и пристегните

ремни! — равкнул Феррес. — Я хочу, чтобы вы рассаживались компактно, в строгом порядке: по звеньям, отделениям и взводам. Любого, кто в течение двух минут не окажется на своем месте и не будет готов к высадке, я отправляю под трибунал!

Ларн второпях разыскал свое место и, сразу усевшись, аккуратно расположил ремни безопасности вокруг груди, пояса и плеч, после чего крепко пристегнул себя к креслу. Убедившись, что лазган поставлен на предохранитель, он повернул его дулом вверх и задвинул прикладом вперед в небольшую нишу на специальной подставке перед сиденьем. Затем юноша защелкнул замок на стволе и надежно зафиксировал свое оружие. Оглянувшись на других гвардейцев, которые были заняты тем же, Ларн невольно пришел в замешательство, когда понял, как немного людей находится в десантном модуле. Вопреки очевидному факту, что модуль был рассчитан как минимум на две тысячи десантников, сейчас в нем находилось никак не более сотни.

«Похоже, что они решили выбросить

только одну мою роту! — подумал он. — Шестую роту. Но ведь в этом нет никакого смысла. Почему они взяли на борт только две сотни человек, когда модуль вмещает в десять раз больше? Нет. Посадка, должно быть, еще будет продолжена. Без сомнения, мы лишь первые, кто оказался на борту, и весь остальной полк непременно за нами последует».

— Готовность к запуску в «Т» минуем две целых ноль сотых минуты, — провозгласил сильный металлический голос из спрятанного где-то динамика вокс-репродуктора, в то время как Ларн уже слышал далекий царапающий звук подвигающейся штурмовой аппарели.

— Что, Ларни, похоже, мы вовремя сесть успели! — воскликнул Дженкс, и Ларн только сейчас обратил внимание, что тот занимает соседнее с ним место. — У это очень даже неплохо. На старину Ферреса и на его угрозы мне наплевать, но не хотел бы я бродить по рядам, когда этот монстр придет в движение!

С этими словами Дженкс отвернулся.

чтобы закрепить свои собственные ремни на кресле. Какое-то мгновение Ларн боролся с желанием спросить у Дженкса, где, как он думает, находится весь остальной полк, но затем вдруг понял, что это не имеет значения. Все равно уже слишком поздно что-то менять. Нравится ему или нет, но 6-я рота произведет свою первую высадку на планету в одиночестве.

--- Готовность к запуску в «Т» минуто одна целая ноль сотых минуты, --- снова произнес голос, и Ларн почувствовал, что вибрация моторов десантного модуля становится сильнее.

--- Не волнуйся, Ларни, --- с доброй улыбкой повернулся к нему сидящий рядом Дженкс, который, похоже, не столько хотел успокоить друга, сколько заглушить собственные страхи. --- Нам ведь говорили, что не паниковать надо бояться, а удара с земли, который убьет тебя.

--- Готовность к запуску в «Т» минуто одна целых три десятых минуты, --- продолжал свой последний отсчет металлический голос, и в этот момент Ларн вдруг понял --- увы, слишком поздно, ---

что совсем забыл помолиться Императору
о безопасной посадке.

--- Готовность к запуску в «Т» минус
ноль, --- закончил голос, и после включения
двигателей на полную мощность Ларн
сразу же ощутил себя в состоянии
невесомости. --- Все системы готовы. Пуск!

И затем, намного быстрее, чем Ларн
мог себе это представить, они стали
падать...

Глава пятая

23:12 по стандартному имперскому времени (расчетное приближение в реальном пространстве в условиях непосредственной близости к планете)

МАНЕВР УКЛОНЕНИЯ
УЖАС ПАДЕНИЯ И ПРИВКУС
РВОТЫ

ЖЕСТКОЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ
ВСТРЕЧА СО СМЕРТЬЮ И
ТРАГичНЫЕ РАЗТЫШЛЕНИЯ
УЖАСНЫЙ КОНЕЦ СЕРЖАНТА
ФЕРРЕСА

НЕЙТРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ И
ИМПЕРСКИЙ ОРЕЛ ВДАЛИ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В
БРУШЕРОК!

Курс: один и восемь градусов, одна и

пять минут, --- напомнил о себе
навигационный сервитор, чей трескучий,
тонкий, как пергаментная бумага, голос
едва пробивался сквозь рев двигателей,
заполнивший кабину экипажа десантного
модуля. --- Для оптимального входа в
атмосферу рекомендую изменить курс на
минус ноль и три градуса, ноль и восемь
минуты. Показания всех остальных
систем в норме.

--- Вас понял, --- отозвался пилот и
поведенным до автоматизма движением
толкнул штурвал вперед, изменяя курс.
Новый курс: минус ноль и пять градусов, ноль и
семь минут. Подтвердите изменение
курса.

--- Изменение курса подтверждаю, ---
произнес сервитор, и его желтоватые, без
зрачков белки закатились в глазницах,
пока он перепроверял свои вычисления. ---
Вход в атмосферу в «Т» минус пять
секунд. Две... Одна... Вход в атмосферу
осуществлен. Показания всех систем в
норме.

--- Ты взгляди на это сияние, Дрен! ---
воскликнул Зил, второй пилот, когда на

голю секунды оторвал взгляд от бортовых приборов и, посмотрев на носовой обзорный портал модуля, увидел, что они летят в нитбе ярко-красного пламени. -- Сколько раз садился на планеты, а к этому, наверное, никогда не привыкну. Словно катишься в огненном шаре! Тут поневоле захочешь поблагодарить Императора за то, что кому-то пришло в голову изобрести жаростойкие щиты.

-- Жаростойкие щиты в норме, -- гудя спрятанными внутри устройствами, отреагировал на его слова сервитор, поскольку ошибочно принял последний комментарий за вопрос. -- Температура внешней среды в допустимых операционных пределах. Показания всех систем в норме.

-- Это все потому, что у тебя за спиной еще только дюжина спусков, -- заметил первый пилот. -- Поверь, ко времени, когда сделаешь еще дюжину, перестанешь это замечать. Что с сигналом радиомаяка? Я не хочу пропустить момент приземления.

-- Сигнал радиомаяка ясный и отчетливый, -- отозвался Зил. -- В

воздухе нет никакого транспорта: ни дружественного, ни враждебного. Похоже, небо полностью принадлежит нам. Хотя подожди-ка! Аусник зафиксировал что-то...

--- Тревога! Тревога! --- прервал его сервитор, и гудение приборов внутри достигло крещендо, когда он внезапно вернулся к жизни. --- С наземной батареей зарегистрирован запуск вражеской реактивной ракеты. Рекомендую маневр уклонения. Траектория реактивной ракеты: восемь и семь градусов, ноль и три минуты. Скорость --- шестьсот узлов. Тревога! Зарегистрирован запуск второй ракеты. Траектория реактивной ракеты...

--- Маневр уклонения подтверждаю! --- сказал первый пилот и, выжав штурвал вперед, бросил десантный модуль в крутое пике. --- Приказ сервитору: отставить докладывать данные о траектории и скорости вражеских ракет до получения дальнейших приказов. Зил, рассеять дипольные отражатели!

--- Радиопомехи включены. Согласно показаниям бортовых приборов дипольные отражатели успешно рассеяны, --- доложил

Зил, но его голос неожиданно стал хриплым, когда он бросил взгляд на один из экранов. -- Постойте... Помехи ничего не дают. Это выглядит как если бы... Святой Император! Ни одна из вражеских ракет не имеет системы наведения!

-- Что с тобой? -- удивился первый пилот, видя, как побледнело лицо Зила. -- Если это так, то нам не о чем беспокоиться. Если их выпустили слепыми, то один шанс на тысячу, что хоть одна из них в нас попадет.

-- Но ведь так и будет! -- воскликнул Зил, и в его голосе теперь явно слышалась паника. -- По приборам я вижу, что уже тысяча вражеских ракет поднялась в воздух. И каждую секунду запускаются сотни других. Святой Трон! Мы влетаем в самый губительный шторм, какой я когда-либо видел!

-- Начать процедуру экстренного уклонения! -- распорядился первый пилот. Как только он, отдавая короткие приказы, направил модуль по еще более крутой траектории, снаружи они услышали взрыв первой выпущенной по ним ракеты. --

Приказ сервитору: убрать стандартные
закрылки и отменить навигационные
протоколы безопасности! Мне нужен
полный контроль над модулем! Зил,
проверь ремни --- нам теперь придется
несладко! И похоже, скоро...

Пагение...

Они падали.

Ничто не могло затормозить или
остановить их пагение...

Как комета.

Покинув сонм звезд, они неотвратимо
падали вниз.

А между тем сидящий в войсковом
отсеке, жестко вдавленный ускорением в
кресло Ларн почувствовал, как его желудок
подкатил к горлу. Вокруг он слышал
отчаянные крики, которые тонули в
глухих раскатах взрывов, доносящихся
снаружи. Вокруг раздавались тольбы о
помощи, и Ларн беззвучно выругался ---
кожа на лице натянулась так туго, что,
казалось, плоть вот-вот сорвет с костей.
Затем раздался еще один взрыв, намного

громче, чем все предыдущие, за ним последовал ужасающий скрежет рвущегося металла. Его с новой силой вжало в кресло, и падение модуля стало еще более стремительным.

«Нас подбили! — подумал Ларн, внезапно охваченный паникой, когда мир перед его глазами вдруг безумно завертелся, поскольку десантный модуль, теряя управление, несколько раз повернулся вокруг своей оси. — Нас подбили! — Эта мысль, проникнув в сознание, теперь полностью завладела всем его существом. — Нас подбили! Святой Император, мы падаем!»

Какая-то теплая полужидкая масса ударила ему в лицо. По острому запаху и вкусу стекающих с губ капель Ларн понял, что это рвота. Почти не помня себя от ужаса, он все пытался сообразить и никак не мог понять, содержимое это его собственного желудка или чьего-то чужого. Но тут совсем иная, леденящая кровь мысль ворвалась в его сознание, после чего его уже больше не заботили такие вопросы. Самая ужасная мысль из всех, которые

когда-либо посещали его за все семнадцать лет жизни.

«Мы падаем с неба, — думал он. — Мы падаем с неба, и всех нас ждет неминуемая смерть!»

Ларн вновь почувствовал, как к горлу подступает едкая кислота, и, не удержавшись, изверг полупереваренные остатки последнего ужина, чтобы заляпать других несчастных. Сейчас, когда его сознание было уже на пороге затмения, он постарался воскресить в памяти главные события своей жизни: постарался вспомнить семью, ферму, родной мир, думать о бескрайних полях колышущейся ветром пшеницы, о величественных закатах, о родном голосе отца — всем тем, что могло бы вытеснить из его сознания ужасную окружающую реальность. Напрасно. Очень скоро он понял, что в последние мгновения жизни его будут сопровождать привкус рвоты во рту, предсмертные крики, а также мысль о том, что его бешено колотящееся сердце вот-вот выскочит из груди. Это будет последним, что он почувствует перед

смертью. И вот, когда он уже начал размышлять о вопиющей несправедливости происходящего, мир вдруг перестал вращаться, и с сокрушающей силой, с ужасным звуком, напоминающим вой смертельно раненного животного, десантный модуль наконец рухнул на землю.

На какое-то мгновение внутри установилась мертвая тишина и все вокруг погрузилось в крошечную тьму. Затем Ларн услышал чей-то кашель и приглушенную молитву, вслед за чем все, кто находился в модуле, облегченно перевели дух, видимо осознав, что, вопреки дурным предчувствиям, они все же остались живы. Неожиданно тьма сменилась тусклым светом, поскольку сработала аварийная система освещения. Затем Ларн услышал, как до боли знакомый, скрипучий голос начал выкрикивать приказы -- так сержант Феррес вновь устанавливал контроль над своими подчиненными.

-- Стройся! -- взревел сержант. -- Всем немедленно построиться и

приготовиться к высадке! Поднимайте свои задницы, черт возьми, и ведите себя как солдаты! Вы на войне, ленивые ублюдки!

Отстегнув ремни безопасности и неуверенно встав на затекившие ноги, Ларн осторожно ощупал себя, желая проверить, все ли кости у него целы. К его облегчению, выяснилось, что он пережил это жесткое приземление вполне благополучно. Плечи юноши ныли, а в толстом месте, где застежка одного из ремней глубоко врезалась в тело, ощутилось наливался большой синяк. Если не считать этого, казавшейся неминутной смерти он избежал на удивление удачно. Ларн уже начал поздравлять себя с тем, что смог пережить свое первое десантирование. Он повернулся, чтобы поднять свой лагган, и только тогда увидел, что человек, сидящий с ним по соседству, оказался не столь удачлив.

Это был Дженкс. Он сидел на своем месте не шевелясь, голова его неестественно свесилась на сторону, челюсть отвисла, а остекленевшие глаза

на безжизненном лице бесстыдно
установились куда-то в пространство. В
немом изумлении глядя на тело друга,
Ларн вдруг заметил тонкую струйку
крови, которая вытекала из его рта,
маленькая подбородок. Увидев затем на полу, у
самых своих ног, небольшой кусочек
окровавленной розовой плоти, Ларн тут
же догадался, что при ударе молота о
землю Дженкс, должно быть, откусил себе
кончик языка. Пришедший от такого
открытия в ужас, Ларн некоторое время
даже не мог понять, от чего именно умер
Дженкс, пока наконец, взглянув еще раз на
положение ремней безопасности на
мертвом теле и на безвольно свесившуюся,
как у сломанной куклы, голову, не
сообразил, что ремни были закреплены
неверно и что, очевидно, из-за этого
Дженкс сломал себе шею в момент их
жесткого приземления. Осознание этого,
однако, не принесло ему облегчения.
Дженкс был мертв. Оттого что он теперь
знал, как погиб его товарищ, горе Ларна
отнюдь не стало меньше.

--- Стройся! --- снова заорал сержант. ---

Всем построиться и приготовиться к выходу!

Еще не отойдя от шока, Ларн схватил свой лазган и, прихратывая, заковылял тило неподвижного тела Дженкса, спеша присоединиться к остальным гвардейцам своей роты, которые уже строились в одном из проходов верхней палубы десантного модуля. Еще не добежав до них, он внезапно понял, что означают глухие удары по внешней обшивке. «А ведь по нам стреляют!» — подумал юноша, едва в состоянии что-либо соображать, потому что перед глазами у него все еще стоял мертвый Дженкс. Но это тут же прошло, лишь только он, заняв свое место в строю ожидающих приказа гвардейцев, почти физически ощутил их тревогу. Он вдруг осознал, что вместе с запахом дыма к нему пришла и страшная мысль, которая, продравшись в его сознание сквозь туман горя, казалось, ледяными пальцами вцепилась ему в сердце.

Десантный модуль горел!

Вдуга перед собой ужасную

перспективу быть поджаренными в
запертом модуле, гвардейцы гурьбой
бросились к лестнице, в то время как
подгоняющий их сзади сержант Феррес,
выкрикивая грязные ругательства,
тщетно пытался поддержать хоть какой-
то порядок. Никто его уже не слушал.
Совсем обезумев, они бросились по трапу на
нижнюю палубу, ступая по телам тех, кто
погиб при посадке.

Сбегаая вместе с другими по
ступеням, Ларн мельком увидел их
ротного командира, лейтенанта
Винтерса, очевидно тоже мертвого, — он
непо动жно сидел в своем кресле, и шея у
него была сломана так же, как у Дженкса.
Однако времени размышлять о смерти
лейтенанта у Ларна не было, поскольку
подхваченный бурным потоком гвардейцев,
он мог лишь бежать вместе с толпой на
нижнюю палубу, где их ожидала
штурмовая аппарель и, возможно, спасение.
Запах дыма между тем становился все
сильнее, но, когда в поле зрения гвардейцев
наконец попал выход из модуля, выяснилось,
что штурмовая аппарель все еще плотно

закрыта.

--- Открыть аппарат! --- вскричал
сержант Феррес и, расчищая себе дорогу
локтями, стал протискиваться сквозь
тесную толпу к небольшой группе
гвардейцев, в замешательстве стоящих
перед панелью управления механизмом
аппарата.

Видя, как все в растерянности ищут
его взгляд, он решительно всех растолкал
и уверенно потянулся к металлическому
рычагу, установленному в специальной
нише у края люка.

--- Бестолковые ублюдки! --- взявшись
за рычаг, рывком сержант с презрением. ---
Контрольную панель, должно быть,
повредило при посадке. Вам нужно было
потянуть за рычаг аварийного расцепления
--- вот так!

Однако, потянув за упомянутый
рычаг, Феррес вдруг взревел от
нестерпимой боли, потому что один из
расцепляющих болтов неожиданно
выстрелил, и ослепительный язык
желтого пламени, взметнувшись от
стальной поверхности, мгновенно

поглотил лицо сержанта. Ни на миг не переставая кричать, Феррес, как слепой, с тылающим вокруг головы нитбол, пятясь, сделал несколько шагов к штурмовой аппарели, но тут выстрелил второй болт, и огромная стальная аппарель рухнула за его спиной, открывая выход из модуля. Провалившись в это внезапно открывшееся пространство, тело покатилося по аппарели и остановилось, только зацепившись ногой за ее выступ. В жуткой тишине, словно зачарованные ужасной смертью своего лидера, его подчиненные какое-то время стояли не шевелясь, глядя, как медленно покидает жизнь тело сержанта и как постепенно затихают его конвульсии.

— Нам нужно идти, — услышал позади себя Ларн чей-то голос и тут же почувствовал, как жарко стало в десантном модуле. — Дыма становится все больше. Если мы сейчас же не уберемся отсюда, то или сгорим, или задохнемся!

Гвардейцы гурьбой бросились по аппарели вниз. Дневной свет после тускло освещенных отсеков модуля казался

слишком ярким. Напуганные сзади буквально вынесли Ларна наружу, и, едва устояв на наклонной плоскости, он побежал вместе со всеми. По первому впечатлению мир, лежащий перед ним, предстал ему в kaleidoscope совершенно не связанных между собой пятен и образов. Кроме проглядывающих сквозь толчею темных картин пустынного ландшафта, он также отметил серое небо, мрачно нависающее над ними, и одновременно ощутил дикий, пронизывающий до костей холод. Но страшнее всего было обожженное, до неузнаваемости обезображенное лицо сержанта Ферреса, которое он увидел, сбегая вместе со всеми по аппарели, хотя обугленные глазницы, откуда прежде на подчиненных сверкал его колющий взгляд, попали в поле зрения Ларна только на миг.

Когда первые ряды гвардейцев достигли подножия аппарели и тем почувствовали себя в относительной безопасности, горячее чувство, которое на некоторое время превратило людей в стадо испуганных животных, быстро их покинуло. Только теперь, выбравшись из

давки толпы, поскольку гвардейцы
разбрелись по открывшемуся перед ними
пространству, Ларн с облегчением понял,
что может наконец спокойно перевести
дых. Оставшись без командира, стоя в
замешательстве посреди таких же, как он,
бесстысленно слоняющихся в тени
гесантного модуля бойцов, он огляделся
вокруг, чтобы в первый раз окинуть ясным
взглядом открывшуюся перед ним планету.

«Так вот она такая... — подумал он,
глядя, как его дыхание на морозе
вылетает белыми облачками. — У это
Сельтура Семь? На инструктаже ее
описывали совсем по-другому».

Вокруг него без конца и края, так же
как пшеничные поля на его родной планете,
простирался пустынный и довольно унылый
пейзаж — плоская равнина с мерзлой
темно-серой почвой, без единого деревца, но
зато тут и там усеянная холмиками и
воронками от взрывов, иногда
чередующимися мрачными силуэтами
ржавеющей обугленной техники. Вдали к
востоку ему удалось различить очертания
какого-то города с множеством

полуразрушенных зданий, таких же серых, зловещих и безлюдных, как и все, что составляло окружающий их мрачный ландшафт. «Этот город похож на призрак, — подумал Ларн, согрознувшись. — Город-призрак, который хочет заполучить себе призрачных жителей».

— Ничего не понимаю! — услышал он чей-то недоуменный голос и обнаружил, что Леген, Халлан и Ворранс незаметно подошли и стоят рядом.

— Где деревья? — удивлялся Леген. — Нам же говорили, что Сельтура Сель вся покрыта лесами. И к тому же здесь холодно. Говорили, будет лето...

— Сейчас это не важно, — бросил немогословный Халлан. — Сейчас нам нужно найти укрытие. Я слышал удары снарядов о корпус корабля, когда мы садились. Враг, должно быть, затаился совсем рядом...

Он вдруг умолк и тревожно поднял глаза к небу — у них над головами раздался свист подлетающего снаряда.

— В укрытие! — крикнул кто-то, и вся рота, ища спасения, в ужасе бросилась к

борту десантного модуля.

Секунду спустя всего в каких-нибудь тридцати метрах от них взрыв взметнул в воздух бесчисленные колья мерзлой земли.

--- Думаю, это был миномет... ---
Ворранс, как и все, стоял, прижавшись к стальному борту, и в его голосе слышались панические нотки. --- Звук был как у миномета, --- произнес он, запинаясь, и от нахлынувшего страха невольно согрознулся. --- Миномет, так ведь? Миномет... Я думаю, это был миномет. Миномет...

--- О Император! Если бы только на этом все и кончилось... --- пробормотал Халлан.

Раздались выстрелы, и в следующие секунды вокруг них прогремело сразу несколько взрывов. Казалось, что эта устрашающая канонада нарастает с каждым мгновением, а грохот снарядов и свист пуль, поражающих противоположную сторону десантного модуля, стали настолько оглушительными, что нужно было кричать, чтобы сквозь весь этот

шум тебя слышали.

--- Наше счастье, что тот, кто стреляет, кем бы он ни был, оказался по эту сторону модуля, но ведь не может же ты сидеть тут все время! Нам нужно срочно найти себе укрытие получше, потому что только вопрос времени, когда их артиллерия пристреляется и начнет нас утюжить.

--- А может, все это ошибка? --- неуверенно пробормотал Ворранс, и проблеск отчаянной надежды немного оживил его лицо. --- Просто ошибка... Может быть, это наши стреляют --- ну, не поняли, кто мы такие? Надо бы нам сделать белый флаг и попробовать им послужить...

--- Заткнись, Ворс! Ты говоришь как идиот! --- рявкнул на него Халлан, но затем, видя, с каким ужасом смотрит на него Ворранс, стянул тон. --- Поверь мне, тут нет никакой ошибки. На каждом борту модуля изображен десятиметровый имперский орел. Те, кто по нам стреляет, прекрасно знают, кто мы такие. Именно поэтому они и хотят нас убить.

Единственный выход --- постараться
добраться до наших позиций. Хотя,
конечно... сначала нужно еще узнать, где
они находятся.

--- Смотрите! --- крикнул Леден,
указывая пальцем куда-то на восток. --- Вы-
бегите это?! Бегите?! Орел вдали!
Император всемилостивейший, мы
спасены!

Обернувшись, чтобы проследить
взглядом, на что именно направлен
указующий перст Ледена, Ларн увидел
флагшток, торчащий из горы щебня,
которым была усыпана окраина
разрушенного города. На флагштоке,
выцветший и изорванный, едва
колышущийся на ветру, возвышался
штандарт --- имперский орел!

--- Ты прав, Леден! --- возбужденно
воскликнул Халлан, чем сразу привлек к
себе внимание десятков других гвардейцев,
которые тут же встретили глаза на флаг-
вдали. --- Все верно, это наши позиции.
Если приглядеться, можно даже
различить очертания замаскированных
бункеров и огневых точек. Вот туда-то

нам и надо!

--- Но, Халс, гомүда никак не меньше семисот-восемисот метров! ---
запротестовал Ворранс. --- У лежду нами
и штандартот лишь чистое поле. Нам
никогда түда не добраться!

--- У нас нет гругого выхода, Ворс, ---
отрезал Халлан.

Заметив, что глаза всех ротных
гвардейцев теперь устремлены на него, он
повернулся и, возвысив голос так, чтобы
быть услышанным сквозь грохот канонады,
обратился к ним с краткой речью:

--- Слушайте меня все! Я знаю, что вы
испуганы. Вудит Зелл, я тоже. Но
оставаться здесь равносильно
самоубийству! Наш единственный шанс ---
бежать к тому штандарту!

Реакция последовала не сразу:
некоторое время гвардейцы в
нерешительности переводили испуганные
взгляды с горящего десантного модуля на
лежащую перед ними широкую полосу
открытого пространства. Каждый
принимал для себя непростое решение:
остаться на месте и, возможно,

встретить в будущем не
гарантированную, но все же весьма
вероятную смерть или бежать с риском
погибнуть быстро и прямо сейчас. Но когда
один из снарядов залетел на их сторону
подуля и упал от них всего в каких-то
пяти метрах, решение пришло само.

Они побежали.

Погоняемый на каждом шагу
стерпелым ужасом, тяжело дыша, Ларн
мчался вместе со всеми, чувствуя, как
сзади на них неумолимо накатывает волна
пулеметного огня — невидимый враг упорно
старался их уничтожить. Он видел, как
вокруг гибнут люди, — красные фонтаны
выплескивались из простреленных пулями
членов, на головы сыпались снаряды, взрывы
секли тела осколками и шрапнелью, в одно
мгновение лишая их голов и конечностей...
И в то же время его взгляд ни на миг не
отрывался от штабс-капитана — маленькой
фигурки, маячившей перед ним вдали, —
что, возможно, означало надежное
убежище. Каждый вздох юноши при этом
был безмолвной молитвой о спасении. С
каждым его движением это спасение

казалось все более реальным.

Пока он бежал, он видел, как утирают
его друзья и товарищи по оружию. Первым
упал Халлан; его правый глаз, выбитый
прошедшей навывлет пулей, выскочив из
глазницы, покатился по земле, а рот, из
которого не успел вылететь ободряющий
товарищей-гвардейцев клич, так и
остался открытым. Следующим был
Ворранс — россыть шрапнели, пробив грудь,
страшно изуродовала весь его торс. Один
за другим падали и другие бойцы: кого-то
из них он знал по имени, с кем-то так и не
успел познакомиться. Все они, так же как
и он, срывая дыхание и выбиваясь из сил,
отчаянно бежали на флаг. И вот, когда
большинство его товарищей уже были
мертвы, а до штабгарта оставались еще
сотни и сотни метров, Ларн наконец
понял, что ему никогда туда не добраться.

— Сюда! Давай сюда! Быстрее! Сюда!

Обернувшись на голоса, которые
раздались вдруг совсем рядом, Ларн увидел
группу словно из ниоткуда возникших
гвардейцев. Одетые в серо-черный
камуфляж, крича и жестикулируя, они

отчаянно звали его к себе. Увидев, что они стоят, высунувшись из хорошо укрепленной траншеи, он повернул на бегу и под градом взрывающих землю вражеских пуль бросился к ним из последних сил. Свинцовый дождь сопровождал его до самой траншеи, прыгнув в которую он оказался наконец в безопасности.

Лежа на дне окопа, Ларн долгое время не мог отдышаться, а прыгая в себя, огляделся и увидел пятерых стоящих вдоль бруствера гвардейцев. Все они были облачены в одинаковую форму, которая состояла из глинной серой шинели с черным маскирующим узором, теплых перчаток и побитой мехом каски. Первое время они совсем не обращали на него внимания — каждый пристально взглядывался в просторы, на которых ему только что чудом удалось избежать смерти. Потом один из гвардейцев обернулся, бросил на него взгляд сверху и с недовольной гримасой заговорил:

— Сержант! Вызывает Вигмюр из третьей траншеи. — Судя по тому, что тот нажал на кнопку у своего воротника,

Ларн понял, что разговор идет по радиосвязи. — У нас один выживший. Думаю, в других траншеях есть еще несколько. Но в основном несчастные недоумки остались лежать на нейтральной полосе. Прием...

— На позициях орков наблюдается какое-то движение, — сообщил один из гвардейцев, который, стоя у бруствера, выглядывал поверх траншейного паранета. — Эта мясорубка, должно быть, здорово разгорячила им кровь. Они явно готовятся к атаке.

Пока Ларн соображал, действительно ли он услышал слово «орки», произнесший последнюю фразу отвернулся от бруствера и испытующе на него посмотрел:

— Знаешь, салажонок, если ты надел форту не для красоты, то, думаю, тебе самое время встать и приготовить к бою лазган. Придется много стрелять.

С трудом поднявшись на ноги, Ларн снял оружие и шагнул к гвардейцам, которые молча расступились, освободив ему место у бруствера. Однако, проверив лазган и уже готовясь приложить его к

плечу, он увидел нечто, неумолимо
погведшее его к мысли, что первая боевая
высадка прошла куда хуже, чем он себе
представлял, --- изрешиченный пүлями
деревянный указатель, прибитый к столбу
позади окна и чуть в стороне,
ироническое приветствие на котором
заставило Ларна затереть и всерьез
усомниться: а точно ли это то место, с
котором он до сих пор дүмал?

Нагпись гласила: «Добро пожаловать
в Брүшерок!»

Глава шестая

12:09 по центральному времени
Брушерака

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ПО
КАРТОГРАФИИ ЗВЕЗДНОГО НЕБА, А
ТАКЖЕ НЕСКОЛЬКО НЕОЖИДАННЫХ
ОТКРЫТИЙ

ПЛОХОЙ ДЕНЬ В АДУ

БААААГХ!

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

РУКОПАШНАЯ СХВАТКА

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ О ТОМ,

КАК ЛУЧШЕ УБИТЬ ГРЕТЧИНА

--- Они все еще готовятся к
наступлению, --- сказал стоящий рядом с
Ларном гвардеец, стачно плюнув через
бруствер. --- На этот раз они ударят по
нам крепко, с привлечением всех своих сил.

Это все кровь, понимаешь ли... Наша кровь, хочу я сказать, человеческая. Стоит им ее только увидеть или почуять, как они тут же готовы ринуться в бой. Хотя... Видим Император, орк и так только о том и думает, как бы его начать поскорее!

Его звали Пензик -- Ларн мельком увидел выцветшие буквы этого имени на гимнастерке, которая выглядывала из отворота его шинели. Стоя с ним рядом на специально устроенной для стрелков насыпной ступени, Ларн проследил за его взглядом, который был направлен на пустынный ландшафт, теперь уже известный молодому гвардейцу как «нейтральная полоса». Однако, как ни выглядывался он в раскинувшиеся перед ним поля протерзшей серой грязи, никакого движения не увидел, как не увидел и малейших признаков вражеского присутствия. Нейтральная полоса впереди показалась ему такой же неприметной, ровной и безжизненной, какой она впервые предстала его взору каких-нибудь десять минут назад, когда он еще только выскочил из десантного модуля.

Единственным добавлением к той картине стал теперь лишь сам охваченный огнем корпус модуля и окровавленные тела его товарищей по работе, которые, валяясь в беспорядке, усеяли собой протерзшую равнину. Неожиданно глядя на себя, глядя на останки людей, которые прежде были его грузьями и знакомыми, Ларн вдруг почувствовал, как слезы начинают жечь глаза.

«Дженкс мертв! — подумал он. — У Халлан с Воррансом, и лейтенант Винтерс, и даже сержант Феррес! Я не видел Ледена, может, он еще жив. Однако почти все, с кем я прибыл сюда с Джутаэля, лежат сейчас здесь, на нейтральной полосе. И всех их перебили в первые минуты высадки, не дав им сделать ни единого выстрела!»

— Да... жаль твоих грузей, — почти по-отечески прозвучал рядом голос Рензика, в то время как Ларн даже зажался, чтобы никто в окне не мог видеть его слез. — Но все они уже мертвы, а ты нет. О чем тебе сейчас надо думать, так это о том, как бы не отправиться за

нити следом. На нас идут орки, салажонок.

Если хочешь жить, держи себя в руках!

--- Орки?! --- переспросил Ларн, в отчаянной попытке забыть о горе, сконцентрировавшись на практической стороне жизни. --- Вы сказали «орки»? Я думал, на Сельтуре Семь нет орков!

--- Может, оно и так... --- начал отвечать Рензик, в то время как один из стоящих рядом с ними гвардейцев в немотивированном изумлении закатил глаза. --- Вообще-то, тебе лучше спросить об этом у тех, кто там побывал. А здесь, в Брушероке, у нас орков столько, что мы не знаем, куда от них деваться!

--- Подождите-ка, --- в недоумении едва смог вымолвить Ларн. --- Вы что же, хотите сказать, что эта планета не Сельтура Семь?

--- Знаешь, салажонок, --- сказал Рензик, --- не хотел я специально на этом останавливаться, но раз уж ты так поставишь вопрос... Да, совершенно верно. В какой бы адской дыре эта планета ни находилась, это совсем не Сельтура Семь!

Совсем ошарашенный, Ларн какое-то

время даже не был уверен, точно ли он понимал смысл его слов. Затем он снова окинул взглядом унылый, без единого деревца ландшафт и вдруг поразился вопиющему несоответствию между тем, с чем, ему говорили, он должен будет столкнуться на Сельтюре VII, и той жестокой реальностью, которая предстала перед ним сейчас в образе этого холодного, чуждого ему мира. Они совершили высадку на три недели раньше запланированного... Здесь совсем нет лесов... Сейчас зима, а вовсе не лето... Война здесь ведется не против повстанцев из местных СНО, а против свирепых орков... Медленно осознавая ужасную правду, Ларн не мог не признать, что весь этот набор очевидных фактов неумолимо подталкивает его к ошеломительному и шокирующему выводу.

«Святой Трон! — подумал он. — Они по ошибке послали нас не на ту планету!»

— Меня не должно было быть здесь! — произнес он громко.

— Забавно, что такая мысль приходит в голову каждому, когда он ждет

атаки врага, -- заметил Рензик. -- Я бы, салажонок, на этот счет не очень беспокоился. Как только орки сюда заявятся, ты сразу почувствуешь себя как дома.

-- Нет, вы не поняли... -- принялся объяснять Ларн. -- Произошла чудовищная ошибка. Мою роту должны были направить в систему Сельтуры. В мир с названием Сельтура Семь, с тем чтобы мы подавили вооруженный мятеж, вспыхнувший там в рядах местных СНО. Однако, раз я на другой планете, что-то явно пошло не так!

-- И что с того? Какое мне до этого дело? -- сухо произнес Рензик, и взгляд, который он бросил на Ларна, едва ли был теплее окружающего их ландшафта. -- Ты попал не на ту планету. Не в ту звездную систему. Еще скажи, не на ту войну... Ну так привыкай ко всему этому, салажонок! Если это останется худшим, что случилось с тобой за сегодняшний день, считай, тебе повезло.

-- Но вы меня не поняли...

-- Нет, салажонок, если кто чего не

понял, так это ты. Это -- Брүшерок! Мы в окружении десяти миллионов орков! И как раз сейчас некоторые из них -- возможно, несколько тысяч или около того -- готовятся на нас напасть! И им все равно, на какой планете тебе нужно находиться. Им все равно, по ошибке ты сюда попал или нет, обсохло уже у тебя молоко на губах или ты по талолетству еще никогда не брился. Все, что им надо сейчас, -- это убить тебя! Поэтому, если ты сам себе не враг, салажонок, тебе нужно срочно выбросить из головы все это дерьмо и побыстрее начать думать о том, как бы вместе этого убить их!

Обескураженный такой гневной тирадой бойца, Ларн не смог вытолкнуть ни слова, и его язык оставался нем, даже когда он увидел, что Рензик отвернулся и вновь направил свой мрачный взгляд на нейтральную территорию. Будто подчиняясь какому-то шестому чувству, другие гвардейцы в окне сделали то же самое: каждый из них теперь напряженно взглядывался в промерзший простор, и по выражению их лиц Ларн понял, что видят

они там что-то абсолютно ету
недоступное. Сам Ларн, как ни старался,
так и не смог ничего разглядеть. Ничего,
за исключением темно-серой грязи на
пустынных полях.

Совершенно разгавленный, Ларн, из
страха получить очередную гневную
отповедь, не решился спросить остальных,
что, собственно, они наблюдают, и,
повернув голову, стал растерянн
озираться по сторонам. Позади него, как
оказалось, располагалась целая система
траншей и ходов, которые поначалу, когда
он только спрыгнул в окоп, скрывались от
его взгляда за пологой насыпью. Все они
вели к обложенным мешками с песком
огневым точкам, которые прикрывали
входы в многочисленные подземные
блиндажи, вырытые посреди обшарпанных
развалин на окраине города. Только
теперь, когда его глаза наконец привыкли
к гнетущему серому цвету местного
ландшафта, Ларн смог разглядеть вокруг
много других стрелковых траншей: их
брустверы были так остроумно
замаскированы, что на первый взгляд

ничем не отличались от бесчисленных кусков расколотого, ползасыпанного землей пласкритя и обломков гетритовых пород, которыми была усеяна пустошь. Время от времени из одной из таких траншей выскакивал гвардеец и, пригибаясь к земле, перебежал от одного укрытия к другому, пока не оказывался в безопасности в следующей траншее или за гвертью надежного блиндажа. На горизонте, далеко позади них, чернели контуры наиболее значительных строений города, которые, казалось, с презрением смотрели на людей и их пустые дела. Город руин и обезображенных войной зданий грозно возвышался на фоне холодного серого неба!

«Это Брушерок, — напомним себе Ларн. — Так, кажется, они говорили, его называют».

— Ну вот... — произнес один из стоящих рядом с ним гвардейцев. — Мелькнуло что-то зеленое. Похоже, эти ублюдки пришли в движение.

Повернувшись, чтобы вместе с другими еще раз взглядеться в

нейтральную полосу, Ларн поначалу тщетно пытался рассмотреть хоть что-то в утомительном для глаз сером пейзаже окружающего их мира. Но вдруг он увидел, как на расстоянии, быть может, километр на уровне земли появилась чья-то зеленая фигура -- наверное, когда ее обладатель поднялся во весь рост -- и тут же, в доли секунды, вновь исчезла.

-- Я видел его, видел! -- вырвалось у Ларна, и от волнения у него перехватило дыхание. -- Святой Император! Неужели это был орк?!

-- Хм... Хотел бы я, чтобы все орки были такими же маленькими, салажонок, -- проворчал Рензик и вновь сплюнул поверх брυσтвера на землю нейтральной полосы. -- Это гретч. Гретчин. Продолжай смотреть, и ты увидишь кое-что еще.

Он оказался прав. Вглядываясь в даль, Ларн заметил, как увиденное им прежде существо снова поднялось на задние лапы. На этот раз оно встало неподвижно, отчетливо выделяясь своим зеленым телом на фоне землисто-серого ландшафта. Однако уже через мгновение

Ларн увидел, как рядом появилось еще с дюжину тварей: вытянувшись, все они стояли затрепых, будто стараясь что-то учуять в воздухе. Ни один из них ростом не превышал метра; застывшие зеленые тела под грубой серой одеждой, сгорбленные и какие-то деформированные, поражали своей угрожающей. Глядя на них, Ларн внутренне содрогнулся, ощутив инстинктивный ужас при виде этого враждебного человека вида. Он еще не осознал, что делает, а его палец уже сам собой лег на спусковой крючок прижатого к плечу лапгана, тогда как прицел оказался наведен на мерзкого ксеноса.

— Не суетись, салажонок, — остановил его Рензик, положив лапгана на ствол. — Даже если тебе повезет и ты с такого расстояния попадешь в одного из гретчей, ты все равно неразумно растратишь свой заряд. Лучше побереги его на потом... Для орков.

— Не нравится мне это, — произнес один из гвардейцев. — Если орки посылают вперед своих гретчей, это значит, что они планируют штурмовать наши позиции

фронтальной атакой. В очередной раз. Какая она будет по счету? Кажется, уже третья за сегодняшний день?

--- Точно, Келл, третья! --- мрачно подтвердил гвардеец по имени Вигмир, который прослушивал сейчас какую-то информацию, пальцем прижимая к уху наушник. --- Когда они сюда придут, не забудь пристыдить орков за отсутствие у них оригинальности. Судя по донесениям, что я слышу сейчас по тактической сети, у тебя скоро появится такая возможность.

--- Ты это о чем? --- спросил его Келл, и все остальные, кто был в траншее, настороженно повернулись к Вигмиру. --- Что там слышно?

--- Командование сектора передает, что по данным их аусника в рядах орков зафиксировано бурное движение, --- ответил Вигмир. --- Это подтверждает, что Рензик прав. Они собираются навалиться на нас всей мощью. И числом. Хотя ни слова о том, что орки озверели исключительно после убийства грузей этого салаги. Возможно, они и так готовили наступление. Все это и без того

скверно, а тут еще, похоже, и наша сторона хочет от нас избавиться. Командование батарея отказывается поддерживать нас огнем, пока они до конца не будут уверены, что это полномасштабная атака, а не просто отвлекающий маневр.

--- Отвлекающий маневр! Вот задница! --- возмущенно фыркнул Келл. --- Вы когда-нибудь слышали, чтобы орки останавливались на полдороге?

--- Согласен, --- сказал Вигмир. --- Как бы то ни было, а атаку орков нам, вигимо, придется отражать самостоятельно. Да поможет нам Император!

Затем, повернувшись к Ларну, Вигмир одарил его улыбкой, от которой повеяло могильным холодом.

--- Сердечно поздравляю тебя, салажонок, --- сказал он язвительно. --- Мало того что тебя забросили в адское стекло, похоже, ты еще утрусился понасть сюда в плохой день.

Рензик, Вигмир, Донн, Ральвс и Келл --- так звали пятерых гвардейцев, с

которые Ларну довелось разделить окон.
За время затишья перед сражением он
узнал о них достаточно много. Как они
сами ему сказали, все они были родом с
планеты под названием Варган. Вместе
со своим полком, известным как 902-й
Варганский стрелковый, эта группа
закаленных в боях ветеранов прибыла в
город Брушерок более десяти лет назад и
оставалась вплоть до сего дня. Десять
лет! Он едва мог в это поверить. Однако
это было далеко не единственное, что он
узнал от варганцев.

--- Не понимаю... --- пробормотал Ларн,
глядя на группу гретчинов на другой
стороне нейтральной полосы. --- Чего они
ждут?

С момента, как появился первый
чужак, прошло минут десять. Хотя число
стоящих и ожидающих вместе с ним
собратьев, быть может, выросло теперь до
пары сотен, нестройные ряды гретчинов
все еще неподвижно стояли на другой
стороне «ничейной полосы». Время от
времени между ними вспыхивала ссора,
когда где-то такие твари вдруг

вырывались из общей группы и под
ленивыми взглядами соплеменников,
вцепившись друг в друга зубами и когтями,
начинали кровавую схватку. Большую же
часть времени чужаки просто стояли не
шелохнувшись, обратив свои свирепые лица
в сторону линий обороны людей. Зрелище
было не для слабонервных. Уже не в первый
раз Ларн поймал себя на том, что с
трусом сдерживается, чтобы не вскинуть
лазган и не открыть по ним огонь. Ему
хотелось стрелять еще и еще, пока
последний из обладателей этих
безобразных нечеловеческих лиц, на
которые он вынужден был смотреть, не
будет наконец уничтожен.

--- Старый трюк, салажонок, ---
ухмыльнулся Рензик. --- Они ждут, что ты
начнешь по ним палить и выдвинут наши
позиции.

--- Но ведь это самоубийство! ---
воскликнул Ларн. --- Или что, так хочется
собой пожертвовать?

--- Кх-х... Они гретчи, салажонок, ---
принялся объяснять ему Рензик. --- Кого
интересует, что или хочется! Когда их

вожак говорит ил встать на нейтральной полосе и стоять там, пока не убьют, не думаю, что у них есть выбор. Конечно, даже один тот факт, что их вожак стышлен настолько, чтобы использовать своего гретча таким способом, говорит о многом. Грубо говоря, это значит, что в атаку зеленокожих поведет не абы кто, а чертовски хитрый сукин сын. И для нас это, похоже, очень плохая новость, ты уже мне поверь. Не так много на свете найдется того, что было бы хуже хитрого орка. Ладно, салажонок, давай теперь помолчим. Потом, после атаки, у тебя будет масса времени на вопросы. При условии, если ты ее переживешь, конечно.

Тут Рензик снова утолк, и через мгновение его взгляд, как и взгляды остальных варганцев, был уже прикован к происходящему на нейтральной полосе. Лишенный возможности отвлечь себя разговором, Ларн сразу же почувствовал, насколько напряженной стала атмосфера в окне.

«Сейчас начнется атака, — подумал он. — Несмотря на то что за спиной у

этих людей десятки, быть может, даже сотни подобных атак, напряжение, на кого ни посмотри, явно проглядывает в каждой черточке их лиц!»

Проще говоря, этой мыслью он хотел себя успокоить, уверить, что если даже таким закаленным в боях ветеранам стало не по себе перед лицом неминучей атаки, то в том, что у него теперь сосет под ложечкой, нет ничего зазорного. И все же полностью убедить себя в этом ему не удалось.

«Я трус! — думал он. — Я уже сейчас боюсь, а выдержат ли мои нервы, когда нужно будет исполнить долг? А если нет? Буду ли я сражаться, когда враг начнет атаку? А если сломаюсь и побегу?..» Однако, какими бы мучительными ни были вопросы, теснящиеся у него в голове, ответов на них он найти не мог.

Хуже всего было ожидание. Уже у бруствера, стоя на насыпной ступени, Ларн вдруг осознал, что с тех пор, как сбился десантный модуль, его невосприимчивость к страху легко объяснялась тем, с какой захватывающей дух быстротой

разворачивались события, в которых он участвовал. Теперь же, в этом затишье перед надвигающимся сражением, спрятаться от собственных страхов было некуда. Он вдруг почти физически ощутил, что совсем один... Что родной дом далеко... Что нет ничего ужаснее, чем умереть вот так, в незнакомом мире, под чужим небом, при свете далекой холодной звезды.

— Проверь свое оружие, — сказал ему Вигмюр, когда увидел, что на той стороне нейтральной полосы собирается все больше гретчинов. — Вот оно... сейчас начнется. Похоже, они наконец устали ждать.

— Мы не будем открывать огонь, пока они дальше трехсот метров, — сказал Ларнү Рензик. — Вон, видишь тот плоский темно-серый валун? Это ориентир. Подождет, пока кто-нибудь из орков или гретчей достигнет его, и только тогда начнем стрелять.

Однако, видя, как Ларн растерянно взглядывается в нейтральную полосу, тщетно стараясь понять, какой из тысяч темно-серых валунов является

ориентиром, Пензик в отчаянии лишь
раздраженно выдохнул:

--- Ладно, салажонок, не важно!
Начнешь стрелять тогда же, когда и мы.
Будешь следовать нашим приказам. Делай
то, что мы скажем, когда скажем, и не
задавай лишних вопросов. Поверь, это
единственно возможный для тебя способ
пережить здесь свои первые пятнадцать
часов.

Тем временем группа гретчинов на
нейтральной полосе увеличилась
настолько, что превратилась в орду,
насчитывающую несколько тысяч. Все они,
казалось, были чем-то возбуждены и
переругивались друг с другом на своем
непонятном наречии, тогда как наиболее
стелые и отчаянные из них нахраписто
проталкивались вперед, словно в
предвкушении того, что должно было вот-
вот начаться и чего они так долго ждали,
простаивая в задних рядах. Но вот
ожидание наконец закончилось, и Ларн
впервые в своей жизни услышал гул тысяч
вражеских голосов, слившихся в один
ужасающий боевой клич.

сквозь оптический прицел, приоткрытый к
его лазгану сбоку, и его спокойный голос
был едва слышен из-за гвалта зеленокожих,
которые подходили все ближе и ближе. ---
Будь хладнокровен, держи себя в руках... Не
вздумай стрелять, пока они не войдут в
убойную зону.

--- Не стреляй, пока не разглядишь у
них в глазах красный огонек! --- трачно
пошутил Келл, но если в той ситуации и
был юмор, Ларн вряд ли был способен его
сейчас оценить.

--- Шестьсот метров... --- провозгласил
Видмир, ни на кого не обращая внимания.

--- И не забудь, салажонок, целиться
надо выше, --- сказал Пензик. --- Не думай о
гретчинах: они не опасны. Орки --- вот в
кого тебе надо попасть! Начнем мы
одиночными выстрелами, затем
продолжим залповым огнем... Э, салажонок!
А не хочешь ли ты снять свой лазган с
предохранителя? Знаешь, так легче будет
орка подстрелить!

Поняв, что варданец прав, Ларн в
стущении нащупал рукой на лазгане
регулятор стрельбы и перевел его с

положения «предохранение» в положение «одиночный выстрел». Затем, вспомнив свои учения и слова из «Памятки имперского пехотинца для поднятия боевого духа», он тихо по памяти прошептал литанию о лазгане:

--- Несущее смерть, скажи свое имя,
Убо в тебе моя жизнь и смерть
моего врага!

--- Четыреста метров... --- громко сказал Вигмир. --- Приготовиться открыть огонь!

Зеленокожие приближались. Взглядываясь поверх шеренг стремительно несущихся к ним гретчинов, Ларн теперь все яснее видел орков. Уже вполне было можно рассмотреть их низкие, скошенные лбы и злобные глаза, в то время как оскалились тысяч выступающих челюстей и ртов, полных ужасных клыков, казалось, был направлен прямо на него и излучал дикую злобу и ненависть. С каждой секундой орки

были все ближе. Визг, как их атака, накатывает на линии траншей, Ларн вдруг почувствовал в себе почти непреодолимое желание повернуться и побежать. Хотелось куда-то спрятаться. Бежать без оглядки, пока хватит сил. Однако что-то внутри его, какой-то таинственный, прежде неизвестный ему, самому источник внутренней силы, остановил этот его порыв. Вопреки всем своим страхам, сухости в горле, предательской дрожи в руках, которую, он надеялся, никто не заметил, — всему этому вопреки он решил стоять до конца.

— Триста пятьдесят метров! — прокричал Вигдир, в то время как Ларн уже слышал где-то далеко позади хлопки минометов. — Триста метров! По моей команде... Огонь!

В ту же секунду каждый из стоящих на огневой позиции гвардейцев выпустил по сверкающей лазерной трассе, которые, вылетев в направлении орков, с шипением прожгли холодный воздух. Вместе с этим пустошь внезапно накрыл вихрь воздушных разрывов, когда десятки мин и гранат

взрывались, так и не долетев до земли, проливая на окрестности смертоносный дождь из шрапнели. Затем пришел черед ослепительным вспышкам выпущенных из лазпушки лучей, трескотней автоматических пушек и световым следам летящих к своим целям осколочных ракет. Успешно врывающийся огонь, врезаюсь в ряды орков, наносил и заметный урон. И когда стоящие рядом с ним в окне варганцы без устали нажимали на спусковые крючки своих лазганов, все больше и больше отправляя визжащих зеленокожих в их ксеносовую преисподнюю, Ларн делал это вместе со всеми.

Как и все остальные, не зная пощады, он стрелял без остановки. Снова и снова спуская курок, он чувствовал, как его страхи с каждым выстрелом приглушались, а на место ужасов, прежде осаждавших его сознание, пришло удовлетворение, которое разгоралось все сильнее при виде мучительно умирающих зеленокожих. Впервые за всю свою пока недолгую жизнь Ларн узнал такую радость

убийства. Впервые, наблюдая, как раненые
орки падают наземь и тут же попадают
под жесткие подошвы сапог своих
собратьев, он узнал цену ненависти. Видя,
как утирают его враги, он не чувствовал
ни скорби, ни сочувствия, ни сожалений об
их гибели. Для него все они были ксеносы.
Чужие. Нечистые. Они были монстры — все
без исключения.

Чудовища...

Внезапно, словно в озарении, он понял
наконец всю мудрость установлений
Империи. Понял смысл учений, о
которых он узнал в схоластике, которые
слышал в проповедях священников и
заучивал наизусть во время базовой
подготовки. Понял, почему человек ведет
войну с ксеносами. Находясь в сердце этой
войны, он не чувствовал к ним никакой
жалости.

Хороший солдат не должен
чувствовать ничего, кроме ненависти.

Но в огне и громе сражения Ларн
вдруг увидел нечто, мгновенно
заставившее все его страхи вернуться
вновь. Невероятно, но, несмотря на

понесенные или потери, атака
зеленокожих не захлебнулась. Хотя шквал
огня с позиций варганцев ни на секунду не
прекращался, орки все еще продолжали
наступать. Казалось, они были
неудержимы. Ларну как-то сразу, со всей
неприятной очевидностью, стало ясно, как
сильно ему хотелось бы избежать
рукопашной.

--- Сто двадцать метров! --- донесся до
него сквозь гул битвы громкий голос
Видмира. --- Стенить батарее и
перевести оружие в скорострельный
режим!

--- Они приближаются! --- в отчаянии
воскликнул Ларн, у которого никак не
получалось справиться с батареей лазгана,
из-за того что его руки предательски
дрожали. --- Может, нам прилкнуть
штыки?.. На всякий случай?

--- Вряд ли стоит, салажонок, ---
отозвался Пензик, который уже успел
стенить батареею и теперь снова стрелял
вместе со всеми. --- Если дойдет до
штыковой, нам все равно считай конец.
Так что ты лучше заткнись и открывай

огонь.

Между тем растянувшиеся по нейтральной полосе цепи орков подходили все ближе. К этой минуте большинство гретчинов уже погибли, разметанные ураганным огнем и шрапнелью. Хотя ряды орков также поредели, Ларну с его позиции казалось, что их все еще остаются многие тысячи. И вся эта гикая адская орда, неудержимой волной прокатываясь по изрытому взрывами полю нейтральной полосы, готовилась учинить кровавую бойню.

«Теперь их не остановить, — подумал Ларн. — Они нас точно одолеют».

Он заметил, что бегущие впереди орки вооружены какими-то короткими булавами с утолщениями в виде луков и булавы эти были сплошь покрыты стертельными иглами, лезвиями и острыми клинообразными выступами. Сначала он подумал, что в руках у них примитивное оружие вроде дубин и палиц, но затем увидел, как весь первый ряд орков неожиданно, как по команде, метнул такие же «дубины» в мерзлую землю прямо

перед линией траншеи и каждая из них
разорвалась, осыпав все вокруг
смертоносной шрапнелью. Одна такая
бұлава-граната упала на землю всего в
нескольких метрах от траншеи Ларна, и
он машинально пригнул голову, уклоняясь
от смертоносных осколков, которые
мгновением позже просвистели над ним в
воздухе. Однако это его действие повлекло
за собой жесткое возражение со стороны
Рензика.

--- Проклятие, салажонок! Не опускай
головы и продолжай стрелять! --- взревел
тот. --- Они хотят заставить нас
прижаться к земле, чтобы поодобратъся
поближе!

Подчинившись, Ларн поднял голову,
чтобы возобновить стрельбу, но тут же,
как и остальные, в ужасе увидел, как
плавно, словно в замедленной съёмке, одна
из бұлав-гранат, описав высокую дугу в
воздухе, ударяется о край бруствера и
падает прямо им под ноги.

--- «Палкавая граната»! --- закричал
Вигмир. --- Все из траншеи!

Бросившись вместе со всеми из

укрытия, Ларн миглом вскарабкался на земляной вал с тыльной стороны траншеи, однако, когда уже на поверхности он был готов бежать в следующее укрытие, его ноги вдруг заплелись. Он споткнулся. Его тело уже падало, когда взрыв «палкавой гранаты» у него за спиной порвал в клочья холодный воздух. Он почувствовал острую боль в плече, и ему чудовищно сдавило уши.

Затем он рухнул на землю, и мир вокруг него потерял.

Звон в ушах и обжигающий холод промерзлой земли под щекой были следующим, что почувствовал Ларн. Еще не придя в сознание, находясь словно в тумане, он услышал визг и крики, выстрелы лазганов, а также звериный рык и рев, который могли издавать только орки. Гул сражения доносился теперь уже со всех сторон.

Нахлынувший страх быстро заставил его прийти в себя, и Ларн, приподняв голову, попробовал определить свое положение. Он лежал на земле, лицом вниз. Прежде едва терпимая боль в плече

утихла, беспокоя его теперь не более, чем
напугивающая о себе давно залеченная
старая рана, а вокруг, куда ни глянь,
звардейцы и зеленокожие сошлись в
жестоким ближнем бою. Он видел орка,
которому выстрелили в упор в морду и чьи
грубые нечеловеческие черты в мгновение
ока были выжжены ослепительным
лазерным разрядом. Он видел звардейца в
форме 14-го Джумаэльского, который,
утирая, дико кричал от боли, в то время
как другой орк, вспоров ему живот,
буквально потрошил его лезвием огромного
боевого топора, обрызгнутого кровью. Он
видел, как люди и зеленокожие сражались
друг с другом, скользя в лужах крови и
спотыкаясь о трупы своих же павших
товарищей, но понять, кто побеждает, а
кто терпит поражение, в окутавшей поле
боя дымке было решительно невозможно.
Он видел кровь, он видел массовую резню.
Он видел зверство — как со стороны людей,
так и со стороны наседавших на них
монстров. Теперь, когда все благородные
слова и лозунги были отброшены, глаза у
него открылись и он наконец увидел войну

без прикрас — такой, какая она есть.

События ужасного спектакля разворачивались с пугающей быстротой, и тут в голову находящегося в их эпицентре Ларна пришла мысль, от которой его сердце забилося так, что чуть не выскочило из груди.

«Где лазган?! — подумал он, в панике оглядываясь по сторонам. — Император всемилостивый, я, наверное, выронил его, когда упал!»

Остро почувствовав свою незащищенность, Ларн в поисках оружия принялся лихорадочно ворочать валяющиеся рядом тела убитых, но тут же чуть не натолкнулся на роющегося в тех же телах гретчина. Оказавшись лицом к лицу, оба на какое-то мгновение замерли, причём адское создание, увидев Ларна, похоже, было удивлено не меньше, чем он сам при виде этой твари.

Заметив хитрую ухмылку, мелькнувшую на лице гретчина, когда тот поднимал с земли свое оружие, Ларн с диким криком бросился на врага.

Выбив ружье из рук гретчина, прежде

чем тот успел выстрелить, Ларн сделал движение, чтобы схватить его самому, но оно отлетело в сторону, поскольку, столкнувшись, противники потеряли равновесие и упали. Когда, сделав усилие, Ларн прижал тварь к земле, одной рукой отчаянно пытаясь защититься от ее когтей, он вдруг почувствовал, как пальцы его свободной руки натолкнулись на что-то твердое. Схватив, не глядя, этот предмет, он что было сил ударил им в лицо гретчина, едва ли даже сознавая, что держит в руке свою собственную каску, — сейчас ему было все равно. В иступлении, порожденном инстинктом самосохранения, он снова и снова поднимал каску и снова и снова бил ею по лицу гретчина. Он так и повторял свои удары, пока каска не стала липкой от черного ихора чужовища. Осознав наконец, что противник уже давно не шевелится, Ларн остановился и перевел дух. От хитрой ухмылки гретчина не осталось и следа — его уродливое лицо превратилось в бесформенную кровоточащую массу. Тварь была мертва и больше никому не могла причинить

вперед.

Услышав бросивший его в грудь вражеский боевой клич, Ларн оторвал взгляд от лежащего под ним мертвого тела и увидел группу из дюжины орков, стремительно наступающую в его направлении. Он почти уже повернулся, сам не зная, для того ли, чтобы бежать, или для того, чтобы подобрать оружие, которое обронил гретчин, но тут же понял: что бы он сейчас ни сделал, это не имеет никакого значения. Орки были слишком близко. Так близко, что он уже мог считать себя покойником.

«Ну вот, — подумал он, ощущая, как паническое настроение в нем стелется пугающим чувством безразличия и покоя. — Сейчас я умру. Я — мертвец, и ничто уже не может меня спасти».

— Вперед! — услышал он вдруг чей-то звонкий голос, слившийся с выстрелом гробовика у него за спиной, и лицо ближайшего к нему орка исчезло в фонтане черного ихора. — Вперед, в атаку! По моей команде... открыть плотный огонь!

Не веря своим глазам, Ларн наблюдал, как мимо него спокойным, уверенным шагом прошел покрытый шрамами сержант в темно-серой шинели, ведя в контратаку на орков сборный отряд своих гвардейцев. Не спеша, почти как на прогулке, стреляя с бедра из дробовиков и лазганов, а также время от времени выпуская платя из огнеметов, они продвигались в сторону наступающих орков, на каждом шагу взимая с противника немилосердную кровавую дань. И пока визжащие впереди орки, корчась от боли, утирали в мучениях, ни разу не сбившийся с шага сержант, не обращая внимания на свист пуль и мерцание лазерных лучей, уверенно вел своих людей в атаку, а его властный голос был подобен свету маяка посреди разыгравшейся бури этого жестокого сражения. Глядя, как сержант ведет за собой людей и как в каждом его жесте чувствуются спокойствие и бесстрашие, Ларн невольно подумал, не один ли это из давно почивших святых Империи, который каким-то образом вновь облекся в человеческую

плоть и теперь пришел к ним на помощь. Сержант вел себя как бессмертный. Словно убить его невозможно. Как неуязвимый герой из преданий, о котором рассказывали им в школе.

Уже не сам сержант, но легенда о нем вела людей к победе.

--- Вперед! --- вновь крикнул сержант, когда увидел, что его контратака набирает силу, поскольку к ним подтягивались и вставали с ними плечом к плечу все те, кто еще уцелел в траншеях. --- Вести плотный огонь! Вперед! Держать строй!

Возглавляемое сержантом организованное наступление продолжилось, и вскоре плотный ружейный огонь варданцев, так же как и их терная постыль, стали казаться ничуть не менее неутомимыми и грозными, чем несколько минут назад атака орков. Все это длилось до тех пор, пока под напором безжалостной варданской атаки орки наконец не дрогнули и не сделали нечто такое, чего Ларн уже не надеялся когда-либо увидеть.

Они обратились в бегство.

Ларн зачарованно глядел, как немногие оставшиеся в живых зеленокожие безутратно на свои позиции, так что даже не сразу заметил, что на поле боя, когда варданцы остановились и перестали стрелять, опустилась недолгая тишина. Вскоре, как только стало ясно, что атака орков захлебнулась, — эту тишину нарушили уже новые звуки: жалобные стоны раненых, крики командиров, которые подзывали к ним санитаров, нервный стех и ужасные богохульства тех, кто в радости все еще не верил, что остался в живых. Слыша все это и пораженный осознанием, что все еще жив, Ларн почувствовал, как стремительно оставляет его державшееся во время боя напряжение. Когда же, все еще стоя на коленях над распростертым телом мертвого гретчина, он взглянул на то, во что превратилось лицо твари, ему стало дурно — он думал, его сейчас вырвет. Тут на него упала тень — к нему подошел кто-то из гвардейцев.

— Ты, что ли, салага? — задал ему вопрос настешливый голос. — Один из тех

зроксят, которых нам прислали на убой в десантном модуле? Вот смотри, думая, это твое...

Подняв голову, Ларн обнаружил, что рядом с ним стоит безобразный карлик-варганец с бритой головой и полным ртом неровных гнилых зубов. В каждой руке он держал по лазгану, в одном из которых юноша, к великому своему стыду, должен был признать собственное оружие --- именно его он ранее потерял в бою.

--- Лови, салажонок! --- воскликнул коротышка, кидая ему лазган, и, ехидно устехнувшись, снова обнажил ряд кривых зубов. --- В следующий раз, когда захочешь убить гретча, попробуй этим!

Глава седьмая

13:39 по центральному времени
Брушерака

ПОЛЕВОЙ ГОСПИТАЛЬ
УРОКИ АБСУРДА, ЧАСТИ 1 И 2
ДРУЗЬЯ И ГЕРОИ В ОЖИДАНИИ
НАЗНАЧЕНИЯ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В 902-й
ВАРДАНСКИЙ!

КАПРАЛ ВЛАДЕК И
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ
ЗНАКОМСТВО С СЕРЖАНТОМ
ЧЕЛКАРОМ И ЕЩЕ ОДНА ПРОБЛЕМА
ДАВИРА

Те несколько мгновений, которые
были у него, чтобы передохнуть, пока
санитары не принесли нового пациента,
старший хирург Март Вольпенц не

переставал себе удивляться. Как же привычен он стал к надрывному человеческому крику! Ведь стены полевого амбулатория буквально тряслись от бескончаемых воплей. Он слышал, как люди вокруг него кричали, визжали, молили о помощи, бормотали проклятия и шептали полужабытые или молитвы. Уже не в первый раз за сегодняшний день, помня о своем призвании врачевать боль других, старший хирург растерянно оглянулся, покидая взглядом помещение, где он работал, и вновь пришел в отчаяние.

То, что происходило в тускло освещенной операционной полевого госпиталя, человеку менее привычному могло бы показаться трагичной сценой ада. Вдоль одной стены, сплошь уставленной стальными нарами, уложенные по четыре, один над другим, прямо на походных носилках, лежали сотни истерзанных солдат. Вдоль другой с дюжиной измотанных хирургов работали не покладая рук, чтобы поскорее оказать помощь самым тяжелым раненым, лежащим сейчас на операционных столах.

кровь с которых уже давно залила весь пол и перепачкала стены госпиталю. Однако на каждого, кому уже помогли, приходилось не менее десятка других, которые в душливой атмосфере, где царили запах крови, гниения и смерти, в страдании, которому не было конца и края, со страхом ожидали своей очереди, оглашая операционную нестройной многоголосицей стонов и тщетными призывами о помощи.

--- Ранение в живот, --- сказал ассистент Джалиль, прервав ход невеселых мыслей старшего хирурга. --- Ему дали морфия, --- прибавил он, сверяясь с записью на бирке, которая болталась на подмышке раненого, в то время как санитары-носильщики укладывали очередное неподвижное тело на их операционный стол. --- Двойную дозу.

Взяв в руки ножницы, Джалиль снял солдатский жетон, после чего, чтобы добраться до раны под одеждой, осторожно разрезал гимнастерку, всю в пятнах от засохшей крови, потом, достав из ведерка под операционным столом влажную тряпку, очистил края раны от темных

сгустков.

--- Похоже, глубокая... --- сказал он. --- Судя по характеру раны, я бы сказал, от выстрела орка. Кровь темная... Кажется, пробита печень.

--- Дай ему эфир сомнолентус, --- сказал Вольпенц и, взяв скальпель, который лежал у него под рукой на подносе с медицинскими инструментами, шагнул к краю операционного стола. --- Стандартную дозу.

--- У нас ничего не осталось, --- напомнил Керлен, другой его ассистент. --- Все, что было, мы израсходовали на последнего раненого.

--- А как насчет других анестетиков? --- спросил Вольпенц. --- Например, закиси азота?

--- Тоже кончились, --- отозвался Джалиль. --- Если он вдруг очнется, нам придется его просто крепко держать.

--- Но плазма-то крови у нас по крайней мере осталась?! --- вскинулся Вольпенц. --- Если мне придется копаться у него внутри, чтобы найти рану в печени, он истечет тут кровью, как заколотая

свинья!

--- Нет ни капли, --- беспомощно развел
руками Джалиль. --- Полните сосущую рану
грудной стенки минут двадцать назад?
Тогда ушла последняя.

--- А сколько крови натекло у него в
мешок, Джалиль? --- спросил Вольпенц.

Нырнув с головой под операционный
стол, ассистент проверил содержимое
прозрачного мешка, который
предназначался для того, чтобы туда с
краев стола по отводным желобкам
стекала кровь пациента.

--- Где-то с пол-литра, --- доложил он,
вытаскивая из-под стола мешок. --- Может,
три четверти...

--- Отлично, --- сказал Вольпенц. ---
Затеним этот мешок новым и используем
его содержимое для искусственной
подпитки.

--- Ты что, хочешь перелить ему его
же собственную кровь? --- удивился
Джалиль. --- Да здесь ее не хватит, чтобы
поддержать жизнь в собаке, не то что в
человеке.

--- У нас нет другого выхода, ---

отрезал Вольпенц, склонившись над столом и уже протягивая мускулистую руку, чтобы сделать первый надрез. -- Он умрет, если мы не займемся его раной. Так, теперь внимание, джентльмены! Мы должны будем делать все это быстро, пока он не умрет от потери крови.

Сделав надрез, Вольпенц уверенными движениями отогнул кожу вокруг раны и сразу поставил зажимы, чтобы удержат ее открытой. Затем, пока стоящий рядом Джалиль куском ткани промокал бьющую из полости раны кровь, Вольпенц спешно пытался обнаружить источник кровотечения. Все напрасно. В ране было так много крови, что ему ничего не было видно.

-- Признаки жизни все слабее, -- заметил Керлен, прощупывая пульс на шее раненого. -- Мы его теряем!

-- Подними ему ноги, Джалиль. Так к его сердцу поступит больше крови, -- велел Вольпенц. -- Мне нужно еще лишь несколько секунд... Вот! Кажется, нашел! Разрыв главной артерии, подводящей кровь к печени!

Погрузив руки в полость раны, Вольпенц быстро поставил зажим на кровоточащую артерию, но, как оказалось, для того только, чтобы увидеть, как рушатся его надежды. Полость тут же опять начала заполняться кровью.

--- Проклятье! Должно быть, еще один разрыв! Как он там, Керлен?

--- Пульс больше не прощупывается, сэр. Может, попробует его вручную реанимировать?

--- Нет, --- возразил Вольпенц и в отчаянии бросил окровавленный скальпель на поднос с инструментами, --- теперь это уже ни к чему. Он истек кровью. Вероятно, пуля раздробила ему кость, и осколки перфорировали печень в дюжине мест. Освободите стол. Здесь мы бессильны.

Взяв уже использованный кусок ткани, Вольпенц вытер им руки и сделал шаг от стола. Пока Керлен подзывал санитаров, чтобы они унесли тело, взгляд хирурга ненадолго задержался на лице мертвого гвардейца. «Интересно, сколько ему было лет? --- подумал Вольпенц. --- Выглядит, будто ему за сорок, хотя здесь это равно

ничего не значит. Брушерок имеет
свойство старить людей. Вполне
возможно, что ему было только слегка за
тридцать, а быть может, даже и
тридцати не было». Затем, когда
санитары уже поднимали со стола
мертвое тело, Вольпенц заметил на боку
трупа застарелый шрам. «У него уже было
прежде ранение, — подумал он. — У него
заштопали... Интересно, моя это работа
или чья-то еще? Впрочем, какое это
теперь имеет значение? Кто бы его ни
спас прежде, в этот раз ему ничто не
могло помочь».

Тяжело вздохнув, он обернулся, чтобы
еще раз окинуть взглядом операционную, и
вновь осознал, как мало может сделать
для умирающих, страдающих людей,
которых изо дня в день доставляют сюда, в
полевую госпиталь. «Не война и даже не
орки убьют большинство из них, — думал
хирург. — Катастрофический дефицит!
Нам не хватает анестетиков,
антибиотиков, плазмы, даже самого
необходимого медицинского оборудования.
Кажется, буквально всего, за исключением

боли, смерти и абсурда... Да, здесь, в Брушероке, в них уж точно никогда не было недостатка».

Затем, уже отбросив кусок ткани, который взял, чтобы вытереть руки, он вдруг заметил, что на нем что-то написано. Приглядевшись, Вольпенц рассмотрел отпечатанное на ткани имя Рензик. Очень скоро он понял, что это лоскут от гимнастерки погибшего гвардейца — один из тех кусков, которые отрезал Джалиль, чтобы получить доступ к ране. «Рензик, — подумал Вольпенц. — Вот, значит, как его звали». Однако почти так же скоро он понял, что теперь это совсем не имеет значения.

С какими бы именами этот человек сюда ни попал, оно для него больше уже ничего не значило.

Недалеко от траншей, в полутрапециевидного окна, сложенные по трое, лежали тела всех убитых за последние полтора часа людей. С босыми ногами, без обмундирования, кто с намотанной на голову тряпкой, кто с открытым морозу

окоченевшим лицом — все они были свалены друг на друга, как приготовленные в печь поленья. «Как гроба!» — подумал Ларн, глядя на мертвые тела людей, которые вместе с ним совершили путешествие с Джумаэля IV. Людей, которых он знал и любил. Людей, которые пересекли невообразимые просторы космического пространства лишь для того, чтобы по чьей-то ошибке сложить свои головы здесь, на неизвестной планете, на неизвестной войне. О его товарищах по оружию теперь будет напоят лишь столбик, не больше, чем тежевого знака, который поставят где-то среди суровых, опаленных войной равнин. Ураги чего? Ларну это казалось самым бессмысленным из всех ужасов, которыми он уже стал свидетелем на этой удаленной планете. Урок вопиющей бессмыслицы!

Услышав возмущенный визг, который издала ржавая колесная ось, Ларн обернулся и увидел, как четыре сгорбленные старухи, замотанные в несколько слоев поношенной гражданской одежды, толкают перед собой по мерзлой земле пустую телегу. Судя по их наругавным повязкам цвета хаки с

полустертой эмблемой Департамента
Муниторум, Ларн понял, что они, должно
быть, из вспомогательного отряда
гражданского ополчения, который
традиционно набирался из местного
населения. Прокатив мимо него телегу,
женщины остановились у штабелей из
трунов и начали устало грузить в нее
мертвые тела. Как замороженный смотрел
Ларн на происходящее, пока наконец их
страшный труд не открыл лицо мертвеца,
прежде лежавшего под слоем других тел.
Ларн увидел нечто, что заставило его
закричать и броситься туда.

— Стойте! — сотряс морозный воздух
его дикий крик.

Успуганные женщины отшатнулись,
будто в страхе, что на них накинется
сумасшедший, и прекратили работу.
Потом, видя, что Ларн стоит у горы
мертвых тел, взглядываясь в лицо какого-
то труна, одна из женщин спросила его
тусклым и безжизненным от усталости
голосом:

— Ты кого-то из них знал? Кого-то из
этих людей?

--- Да, --- ответил Ларн. --- Знал. Он был моим другом... Близким другом.

Это был Леген. Он лежал в самой середине горы трупов, неподвижно уставившись мертвым взглядом в обложенное тучными облаками небо планеты. Его лицо было обтянуто и бледным, а все тело покрывали отвратительные, ужасные раны. Во время их сумасшедшего бега по нейтральной полосе Ларн не видел, как погиб Леген, и потому у него в душе все еще теплилась надежда, что этому простодушному сельскому парню, так же как и ему самому, удалось добраться до варганских позиций. Теперь эта надежда рухнула. Глядя на мертвое лицо Легена, Ларн чувствовал, как рвется последняя ниточка, связывающая его с родным миром. Теперь он одинок. Одинок настолько, насколько вряд ли мог прежде даже вообразить. Одинок в этом новом, незнакомом для него мире, где все, казалось, подчинялось случайности, жестокости и абсурду.

--- Он был героем, --- сказала пожилая женщина.

— Героем?

Будучи не совсем уверен, что верно понял, Ларн в недоумении поднял на нее глаза. На какое-то мгновение ее взгляд, мутный и от усталости почти бесстысленный, встретился в тишине с его взглядом. Затем, устало поведа плечом, она, выглядевшая лишь немногим более живой, чем лежащие перед ней тела, заговорила вновь.

— Все они герои... — произнесла она странным, безжизненным голосом, будто повторяя слова, которые слышала уже тысячу раз. — Они все. Все гвардейцы, которые погибли здесь. Они — мученики! Пролитая свою кровь, чтобы защитить нас, они превратили почву, на которой стоит этот город, в священную землю. Брушерок — это наша святая, непреступная твердыня! Оркам никогда и не завладеть. Сначала мы отобьем их атак. Затем перейдем в наступление и возьмем под контроль всю планету... Так говорят нам комиссары, — добавила она неуверенно.

Вернувшись к своей работе, женщины

попытались стащить тело Ледена с горы
трюнов. Обнаружив, что свернувшаяся,
замерзшая кровь крепко связала его с
другими телами, одна из них взяла в руки
лежащий на телеге лом. Ларн
почувствовал жуткие спазмы в животе,
когда увидел, как она подсунула лом под
окоченевшее тело Ледена и навалилась на
металл всем своим весом. Лед треснул, и
подскочивший трюн был ловко подхвачен и
брошен в телегу ее сестраты по
полчению. Потом две из них впряглись в
телегу, две другие, не давая грузу
вывалиться, встали по бокам, и старухи,
кряхтя и охая, повезли прочь свой груз.

--- Что вы будете с ними делать? ---
закричал им вслед Ларн, хотя и не был
вполне уверен, что хочет узнать ответ.

--- Их похоронят, --- сказала старуха, с
которой он говорил ранее. --- Со всеми
почестями, как героев. Похоронят на
холме, за старым пласталеварным
заводом на Гренадерском Плацу. На Холме
Героев --- его еще так называют... По
крайней мере, нам так говорят, ---
неуверенно прибавила она, снова поведа

плечом. — Мы лишь перевозим тела.

Дальше ими занимаются другие.

Сказав это, она повернулась спиной к страшному грузу на телеге и вместе с другой женщиной потянула ее в сторону городской окраины. Глядя, как они удаляются, Ларн с опозданием попытался вспомнить слова одной из молитв, которые он выучил еще ребенком. Эта молитва могла бы облегчить душу его погибших товарищей, проходя в мир, где они должны будут встретиться в раю с Императором. Но сознание его сейчас было как чистый лист, а в изнывающей от горя душе не чувствовалось ничего, кроме тоски и опустошения. Все молитвы словно вылетели у него из головы.

— Сними куртку и приспусти гимнастерку, — услышал он вдруг позади себя чей-то голос.

Обернувшись, Ларн оказался лицом к лицу с сухопарым варганцем-врачом в забрызганной кровью шинели и с перекинутой через плечо сумкой.

— Если хочешь, чтобы я обработал твою рану, мне нужно сначала ее

осмотреть, — заявил медик, открывая свой ранец.

Бросив взгляд на свое левое плечо, Ларн, к своему великому изумлению, обнаружил в эполете куртки маленькую дырку, вокруг которой запеклась кровь. Ступно припомнив внезапную острую боль в плече, которую он почувствовал, когда брошенная в траншею ручная граната взорвалась у него за спиной, он сделал все, как сказал ему медик, предоставив тому доступ к ране: снял куртку и приспустил гимнастерку.

— Хм... У меня для тебя хорошая новость: жить будешь, — заключил врач, ощупывая дрожащего от холода Ларна. — Похоже, тебя задело шрапнелью. Повредило мягкие ткани... однако не думаю, чтобы рана была задета.

Достав из своей сумки пакетик какого-то белого порошка, медик обильно посыпал им рану и, плотно прижав к ней марлевую подушечку, для закрепления наложил поверх с полдюжины кусков лейкопластыря.

— Ты ведь не предполагал, что в тебе

пузырька, верно? — поинтересовался военный врач.

Увидев, что Ларн кивает, он продолжил:

— Вероятно, последствия шока. Хлебни рекафа. Также неплохо перекусить, если найдешь чем, конечно. Это поможет тебе прийти в себя. Хотя сразу предупреждаю: вряд ли в ближайшее время ты мне скажешь за этот совет спасибо. Как только оцепенение пройдет, ты, по всей вероятности, почувствуешь дикую боль. У тебя есть морфий?

— Четыре пузырька, — подтвердил Ларн. — Входят в мою аптечку.

— Это хорошо. Дай-ка мне ее посмотреть, — сказал врач.

Увидев, что Ларн колеблется, он властно протянул к нему руку.

— Инспекционный госмотр. Как ротный офицер медицинской службы, я обязан проверить, должным ли образом укомплектовано ваше снаряжение!

Вытащив из специального отделения на поясе тонкий деревянный футляр продолговатой формы, выданный ему еще

на Джүмәэле, Ларн послушно передал его старшему по званию. Сломав печать, военный медик сдвинул крышку футляра и внимательно осмотрел его содержимое.

--- Морфий. Зажимы для вен. Стерилизующая жидкость. Коробка противозага из кожзамениителя. Да... откуда бы тебя ни прислали, там, похоже, не принято отправлять своих детей на войну неподготовленными. Тем не менее сейчас я нуждаюсь в медикаментах куда больше, чем ты. Так что придется мне кое-что реквизиловать из твоих запасов.

--- Но вы не можете просто так брать что-то из моей персональной аптечки! --- Вне себя от возмущения воскликнул Ларн. --- В уставе ясно сказано, что...

--- В уставе много чего сказано, салажонок, --- перебил его врач, набрав целую пригорошню медикаментов из комплекта гвардейца и бросая их к себе в сумку. --- Хотя можешь мне поверить, какой бы гений его ни написал, он ни разу не дал себе труда проверить, как это все работает на практике. Ладно, оставляю тебе половину комплекта марлевых

бинтов, торфия и зажимов. Плюс тебе
остается репеллент. Учитывая местный
климат, здесь от него не слишком много
проку.

--- Ну а что, если меня серьезно
ранят?!

--- Тогда тебе будет нужен врач. Ты
только крикни погромче, и я буду тут как
тут.

Бросив изрядно опустевшую аптечку
обратно, военный медик закрыл сумку,
после чего еще раз взглянул на Ларна.

--- Так... -- медленно произнес он, --
судя по тому, что ты стоишь здесь
неприкаянный, думаю, тебя еще нигде не
определили...

--- Нет. Вигите ли... я... Моя рота
была уничтожена и...

--- Тебе надо повидать капрала
Владека, -- решительно заявил медик. --
Он тебя пристроит. Скажи ему, что тебя
прислал офицер медицинской службы
Свенк.

--- Капрал Владек... А это где?

--- А вон там, -- уже поворачиваясь,
чтобы уйти, сказал врач, указывая рукой

на вход в один из многочисленных
подземных блиндажей. --- Казарменный
блиндаж номер один. Владек --- наш
интендант. Вор, пагальщик, мусорная
крыса и самый отвратительный пародер в
нашем секторе. Ты его узнаешь, как
только увидишь. Да, салажонок, и позволю
мне дать тебе один мудрый совет. Не пей
больше двух кружек рекафа из того, что
предложит тебе Владек. Иначе и не
заметишь, как в одиночку бросишься в
атаку на орков.

Когда Ларн стал спускаться по
неровным ступеням блиндажа, его
встретила густая теплая волна спертого
воздуха с тяжелой примесью дыма и пота.
Со слезающимися в этот час глазами он
прошел мимо двух сидящих в проходе
гвардейцев, азартно играющих в кости,
после чего оказался в указанном ему
помещении. Внутри он увидел два ряда
ржавых металлических коек, стоящих по
обе стороны от расположенной в центре
чугунной печки, и целую группу варданцев,
занятых каждый своим делом. Кто обедал,

кто беседовал, кто чистил оружие. Ларн уже хотел спросить, не видел ли кто капрала Владека, но, заметив обособленно сидящего в углу за столом одного особенно неряшливого небритого варганца в замызганной гимнастерке, сразу вспомнил описание военного медика и тотчас понял, что нашел нужного ему человека.

Ветхие полки, а также выбитые прямо в земле ниши за спиной капрала буквально ложились от накопленных ил сокровищ — подобранных на поле боя разного рода военного снаряжения. Ларн разглядел батареи для лазганов, фраз-гранаты, коробки с сухим пайком, патроны к дробовику, штыки и ножи всех возможных форм и размеров, саперные лопатки, кирки, топоры, потайные фонари, полные комплекты форменной одежды, каски, бронежилеты и даже большой металлический коготь, который мог быть сорван лишь с руки убитого орка. На столе и на полу вокруг капрала валялось множество вещешков стандартного образца, в содержимом которых он сейчас деловито копался, своим трачным

энтүзизмол напoминая главаря
разбойников, в спокойной обстановке
переворачивающего недавно награбленное добро.

— Капрал Влагек? — спросил Ларн,
подходя к столу. — Офицер медицинской
службы Свенк сказал, что мне следует вам
показаться.

— А!.. Еще одна порция пышечного
маса! — весело сверкнув на Ларна
красными, как у кролика, глазками,
воскликнул капрал и стал суетливо
отодвигать в сторону вещмешки, чтобы
расчистить для гостя стол. — Всегда рад
новому зерну в нашей мельнице! Добро
пожаловать в 902-й Варганский,
салажонок! Ну-ка, найди себе где-нибудь
стул... Не желаешь рекафа? Я тут сварил
немного.

Повернувшись к помятому котелку,
опасно стоящему перед ним на маленькой
раскаленной плитке, капрал достал две
эмалированные кружки и наполнил их до
краев черной кипящей жидкостью. Тут он
замечил, что Ларн трачно смотрит на
одну из вещмешков на краю стола.

— Ну, поехали! Две кружки

специального рекафа от Владека, свежего и горячего! -- настаивал капрал. -- Как ни прискорбно, нам тут вместо натурального продукта приходится довольствоваться отваром из размолотых корней и клубней местных растений. Что пожелать. Даже самому Императору, окажись он здесь, было бы непросто отыскать в этой асской дыре хоть немного настоящего рекафа, а ведь мы знаем, он может творить чудеса. Чтобы придать напиток чуть больше крепости, я добавил в него одну десятую дозы стимулирующего порошка, который, между прочим, действует как чудесный ароматизатор. Однако я вижу, салажонок, ты, кажется, заинтересовался одним из моих последних приобретений? Хотя внутренний голос подсказывает мне, что, судя по выражению твоего лица, вряд ли мне стоит ждать от тебя делового предложения.

-- Этот вещмешок... -- начал Ларн, чувствуя, как при виде маркировки «14-й Джутаэльский» у него внутри все сжалось, -- ... мог принадлежать одному из моих друзей.

— Я бы совсем этому не удивился, —
заметил Владек и указал на лежащую
возле него на полу груду вещмешков. —
Если и не этот, то, возможно, один из тех.
И что с того? Можно подумать, это
снаряжение может как-то помочь его
прежним владельцам. А между тем кто
знает, возможно, от того, получают ли его
уцелевшие, будет зависеть их жизнь и
смерть. Это всего лишь вопрос
справедливости и разумного распределения
ресурсов, салажонок. Что в нашем случае
означает: живые должны получить то, от
чего мертвым больше нет никакого проку.
Кроме того, если бы у меня не хватило
мудрости освободить мертвые тела от
уже ненужного им груза, это наверняка
сделал бы кто-то другой. Ты что,
предпочел бы, чтобы я позволил всем этим
вещмешкам попасть в руки кого-то из
отряда гражданского ополчения, так
чтобы мы потом по частям выкупали все
их содержимое? Это Брушерок, салажонок!
Забудь девять десятых той гребедени,
которой тебя научили. Здесь закон не на
девяносто, а на все сто процентов на

стороне илущих.

--- Если меня убьют, --- раздраженно спросил Ларн, --- вы и мое тело точно так же оберете?

--- В мгновение ока, салажонок! Возьму твой лазган, твой штык, твой вещмешок, твои ботинки, не говоря уже о медикаментах, которые глубокоуважаемый Свенк по доброту душевной тебе оставил. Все, что могло бы представлять для нас интерес. Но тебе не стоит чувствовать себя хоть в чем-то обманутым. То же самое может произойти здесь с каждым, включая и меня самого. Скажем, если меня завтра убьют, то, полагаю, с меня сорвут одежду и поделят илущество раньше, чем мое тело остынет.

--- Не очень-то похоже, чтобы это когда-нибудь случилось! --- с презрением бросил Ларн. --- Как такое может произойти, если вы сидите здесь, под землей, в тепле и безопасности, когда снаружи погибают хорошие люди!

--- Хорошие люди, говоришь? --- переспросил Владек низким от злобы

голосом, и вся видимость теплоты, искусственно созданная им чуть ранее, мгновенно исчезла. -- Только не рассказывай мне, салага, как погибают хорошие люди! За те десять лет, что я провел в этой выгребной яме, я видел, как погибают люди -- плохие и хорошие, -- погибают тысячами! Некоторые из них были моими друзьями. Другие не были. Но любой из них стоил несравненно больше, чем ты и все твои пустоголовые друзья-рекруты, вместе взятые! Ты что же, думаешь, раз я здесь сижу, то и пороха не нюхал? Да я убивал врагов Императора, когда тебя еще от материнской груди не отняли! Иначе как, думаешь, получилось, что я теперь с такой ногой?!

И тут, схватив со стола лежащий перед ним огромный нож для ближнего боя, Владек вдруг со всего маха рубанул им по своей левой ноге. Широкое лезвие ударило по его колену и с гулким металлическим звоном отскочило от штанины форменных брюк.

-- У вас что, аутентическая нога? -- спросил шокированный Ларн.

— Аутентическая? Ха! Это было бы чудесно! Вот только, наряду со всем остальным, с бионикой тут страшная напряженка. Это «неподвижный протез левой ноги, модель три». Мне пришлось вытеснить его на детали выведенного из строя «Стража». Не говоря уже о том, сколько взял с меня проклятый апотекарий, чтобы мне эту штуку приладить!.. Ну а теперь, салажонок, гудая, самое время тебе наконец сесть за стол и перестать скулить... пока твой длинный язык и черная неблагодарность за мое гостеприимство не вывели меня настолько, что я понапрасну плесну этот прекрасный рекаф в твое глупое соплячье лицо!

Услышав в другом углу землянки чей-то смех, Ларн вдруг понял, что и остальные варганцы, должно быть, слышали каждое адресованное ему слово. Сгорая от смущения и стыда лицом, с низко опущенными глазами, поскольку из-за залитых алой краской щек он ни с кем не хотел встречаться взглядом, Ларн придвинул стул и уселся напротив

капрала.

--- Хлебни рекафа, салажонок, --- уже
тиролюбиво произнес капрал, и стало ясно,
что буря гнева утихла так же быстро, как
и началась. --- Давай начнем снова. Ты и я.
С чистого листа. В конце концов, я знаю, у
тебя был тяжелый день, и нужно делать
на это скидку. Не так уж часто гвардейцу
доводится обнаружить, что его высадили
не на ту планету!

--- Так вы об этом знаете?! ---
изумленно воскликнул Ларн. --- Вам что,
рассказал это кто-то из тех, кто был со
мной в траншее? Рензик сказал?

--- Рензика больше нет, салажонок, ---
произнес Владек. --- Он погиб во время
последней атаки. Мы, кажется, говорили с
тобой о хороших людях? Ну так вот:
Рензик был одним из самых лучших. Я
знал его в общей сложности почти
двадцать лет. Еще с Вардана. Даже
раньше, чем нас обоих записали в Гвардию.
Я рассказал, как я вытенил себе эту ногу
на детали механического «Стража»? Так
это Рензик вызвался пойти на
нейтральную полосу, чтобы мне их

достать. Как я уже тебе сказал, хороший человек! Но если отвечать на поставленный тобой вопрос, то нет. Это не Рензик рассказал мне о твоём несчастье. Это был Келл. Впрочем, к тому времени я уже все равно успел узнать об этом из других источников.

--- Из других источников? Откуда же?

--- От Космического флота. Около получаса назад командование сектора передало с еще находящегося на орбите транспорта сообщение, в котором нам предписывалось информировать только о том, что выброшенную или роту гвардейцев с этой планеты на самом деле не было. Сельтура Семь. Похоже, в спешке и суматохе выброски они совсем забыли вам сказать об этом. Достойная сожаления ошибка, произошедшая в результате временного сбоя в системе коммуникаций. Вот в точности их слова, если не ошибаюсь. СНАФ, как мы здесь называем подобные случаи.

--- СНАФ?

--- Ситуация Нормального Абсолютного Форс-мажора. Этот удачная

аббревиатура частенько используется
здесь, в Брушероке. Хотя вместо форс-
тажора, если хочется, можно вставить и
какое-нибудь другое слово.

--- Но раз они осознали свою ошибку, не
означает ли это, что меня вскоре отсюда
отзовут и куда-нибудь перенаправят? ---
спросил Ларн, и сердце его вновь
наполнилось надеждой.

--- Нет, салажонок. Честно говоря,
когда с транспорта поступило сообщение о
недоразумении с твоей ротой, это была,
скорее, сопутствующая информация.
Главной же целью их послания было
потребовать у нас отчета о том, что за
перунда произошла с их драгоценным
десантным модулем. Мне сказали, что их
реакция, когда они узнали, что модуль был
сбит и никогда уже к ним не вернется,
была неподражаемой. Теперь они уже,
вероятно, снова в пути и далеко от этой
планеты.

--- Так, значит, я здесь застрял? ---
угрюмо спросил Ларн.

--- Как и все мы, салажонок, ---
подтвердил Владек и, нагнувшись, начал

копаться в стоявшем под столом ящике,
доверху набитом темнo-серыми
камуфляжами. — Давай допивай свой
рекаф, и мы посмотрим, что тут тебе
погодит. Кажется, есть у меня одна
совсем новая шинель камуфляжной
расцветки для уличного боя. На первое
время вряд ли мы найдем тебе что-то
лучше. Она поможет тебе слиться с
ландшафтом и не стать легкой мишенью,
не говоря уже о том, что она тебя согреет.
Знаешь, порой здесь бывает так холодно,
что, опорожняя мочево́й пузырь, роняешь на
землю кубики льда. Вот она! Думаю,
прекрасно тебе погодит... ну, более-менее.
Не стоит обращать внимания на эти
пятна на рукавах. Уверен, ты легко
ототрешь их, как только кровь подсохнет.

Спустя десять минут, благодаря
любезности капрала Владека и обилию
накопленных им запасов снаряжения, Ларн
уже был новоиспеченным владельцем
шинели, пары вязаных шерстяных
перчаток, двух фраз-гранат, побитой
техом каски, маленького точильного

катня, а также коммуникатора с крохотными наушником и микрофоном, который был настроен на частоты, используемые варданцами для связи. Затем, когда Ларн наконец допил свою кружку горького, как полынь, эрзац-рекафа, Владек попросил его показать идентификационные знаки и занес его имя и номер в какую-то висящую рядом таблицу.

--- На этом пока все, салажонок, --- сказал капрал. --- Через пятнадцать часов тебе будет нужно прийти сюда и повидать меня снова. Тогда я тебе выдам кое-что из наиболее ценного и дефицитного снаряжения: энергоемкие комплекты батарей для твоего лазгана, еще несколько фраз-гранат, лазеристолет, дымовые гранаты и всякое такое...

--- Почему через пятнадцать часов? --- недоуменно спросил Ларн.

--- Ха! Достаточно скоро ты узнаешь, салажонок, что есть некоторые вопросы, которые тут лучше не задавать. Это один из них. Просто приходи ко мне снова через пятнадцать часов и постарайся до той

поры не думать об этом. Да, и вот еще что, салажонок... Чуть не забыл. Тебе еще полагается вот это...

Сняв с полки за его спиной тонкую черную книжицу с названием «Памятка имперского пехотинца для поднятия боевого духа», Владек протянул ее через стол Ларну.

— Но, капрал, у меня уже есть огна, — возразил тот. — Мне выдали экземпляр «Памятки» еще на Джумаэле, в первый же день нашей базовой подготовки.

— Что ж, поздравляю тебя, салажонок, — ответил ему Владек, — теперь у тебя будет два экземпляра. Поверь, они еще понадобятся, и лучше, чтобы их хватило погольше. Когда ты поближе узнаешь трудности нашей жизни в Брушероке, то поймешь, что здесь эта книжица просто жизненно необходима. Знаешь, бумага, на которой она напечатана, такая мягкая и пористая...

Передав ему книжку вместе с идентификационными знаками, Владек повернулся к плитке, чтобы налить себе еще одну кружку горячего рекафа.

— Ну вот... Теперь у тебя достаточно снаряжения для жизни здесь, салажонок, — заявил Владек и, снова обернувшись к Ларну, кивнул на что-то за его спиной. — Следующее, что тебе надо сделать, — это решить вопрос со стрелковым расчетом. К счастью, вот идет наш ротный командир, прямо как по заказу.

Увидев краем глаза, что к ним приближается фигура в серой шинели, Ларн вскочил со стула и, отдавая честь, вытянулся в струнку. К своему удивлению, он обнаружил, что напротив него стоит тот самый сержант-варданец, который ранее на его глазах возглавил контратаку на орков.

— С чего это салаги мне теперь честь отдают, Владек? — спросил сержант и, пройдя мимо Ларна, принял кружку рекафа из рук подбострастно нагнувшегося к нему капрала. — Он меня с генералом случайно не перепутал?

— Вполне понятная ошибка, принимая во внимание ваш командирский вид и представительную наружность, сержант, — ответил Владек, улыбаясь. — Кроме

того, я только что ему сказал, что вы наш
ротный командир. Вероятно, он подумал,
что вы лейтенант.

--- Лейтенант?! Я разочарован,
Владек. Я думал, раз уж меня принимают
за офицера, то я по меньшей мере сойду за
полковника.

Едва заметная тень улыбки
скользнула по его губам, и сержант
повернулся к Ларну:

--- Кстати, можете уже опустить
руку, рядовой. Даже если б я и был
лейтенантом, мы тут не слишком
растягиваем процедуру приветствия.
Иначе орки получают больше времени,
чтобы прицелиться. Полагаю, у вас есть
шляпа? Кроме «салажонка», разумеется?

--- Рядовой первого класса Ларн Арвин
А., сержант! Призван для несения службы! --
выпалил Ларн, уронив руку, но все еще
продолжая стоять по стойке смирно. ---
Идентификационный номер восемь, один,
пять, семь, шесть, штрих...

--- Отставить, Ларн, -- прервал его
сержант. --- Вольно. Оставьте это для
парадного смотря. Как я уже сказал, мы

здесь не очень расположены к церемониям.
Ну ладно. Тогда вот что... Полагаю, вы уже
сказали капрану Владеку свои имя и
номер, чтобы он направил их в штаб?

--- Так точно, сержант.

--- Хорошо. Возможно, что приказом
штаба вас направят служить в какое-
нибудь другое место в городе. Пока же ваш
статус в новых для вас частях
достаточно ясен. Вы были выброшены в
наш сектор: это означает, что вы теперь
находитесь в нашем подчинении. Таким
образом, Ларн, до дальнейших
распоряжений командования вы
приписываетесь к Девятысот второму
Варданскому полку. Добро пожаловать в
вторую «Альфу». Меня зовут Челкар. До тех
пор пока вас еще куда-нибудь не назначат
или штаб не утосужится прислать нам
нового лейтенанта, вы будете выполнять
мои приказы. Все ясно?

--- Так точно, сержант.

--- Давно орла носите?

--- Орла, сержант?

--- Я спрашиваю, как давно вас
призвали в Гвардию?

--- Четыре месяца назад, сержант.

--- Четыре месяца? Так вы что, еще совсем зеленый? Не участвовали в больших сражениях?

--- Никак нет, сержант. Сегодня был мой первый бой.

--- Хм... По крайней мере, вы его пережили. Полагаю, это кое о чем говорит...

На мгновение его глаза стали грустными, а взгляд отстраненным. Челкар молчал. Сейчас, в этой тишине, он определенно принимал какое-то важное решение, и Ларн почувствовал, что ему просто необходимо заявить о своей ценности.

--- Вам не нужно беспокоиться на мой счет, сержант, --- сказал он. --- Я никого не подведу. Я --- гвардеец. Я исполню свой долг!

--- Уверен, что исполнишь, Ларн, --- с серьезным видом произнес Челкар. --- Только помни, твой долг заключается еще и в том, чтобы во время боя остаться в живых и на следующий день вступить в новый бой. А для этого тебе нужно делать следующее... Тебе нужно беспрекословно

выполнять приказы. Нужно все время держать глаза и уши открытыми. Нужно прикрывать спины своих товарищей, в то время как они будут прикрывать твою. Но прежде всего --- запомни! --- никакого героизма! Никакого упрямства! Никакого ненужного риска! Это Брушерок, Ларн. Здесь нет героев --- орки их всех давно истребили. Мы поняли друг друга?

--- Так точно, сержант!

--- Что ж, хорошо, --- заключил Челкар, после чего повернулся и крикнул одному из сидящих у печки гвардейцев: --- Давир! Подойди сюда и познакомься с новобранцем!

Проследив за взглядом сержанта, Ларн увидел, как из группы варданцев вышел некто очень низкорослый и коренастый и уверенным шагом направился от печки в их сторону. Ларн его тут же узнал, и сердце его упало, так как это оказался тот самый уродливый карлик-гвардеец, который сразу после боя вернулся к нему оброненный лазган.

--- Давир, это Ларн.

--- Мы уже встречались, сержант. Привет, салажонок!

--- Это хорошо, --- сказал сержант. ---
Ларн, я назначаю вас в третье звено, по
командование Давира.

--- При всем моем уважении,
сержант, --- начал было Давир, ---
учитывая, что у салажонка совсем нет
опыта, не лучше ли было его направить в
какое-нибудь другое место, пока он не
встанет на ноги? Третье звено... Это ведь
на передовой, в конце-то концов!

--- У нас вся рота на передовой,
Давир, --- возразил Челкар. --- Если бы ты во
всем нашем секторе смог мне назвать
хоть одно место, куда бы я мог его
отправить в уверенности, что его там не
подстрелят орки, я бы с удовольствием
тебя послушал. Кроме того, в твоём
расчете сейчас как раз недокомплект. Он
нужен вам, и я знаю, что могу на тебя
положиться. Ты за ним присмотришь,
расскажешь ему, что к чему...

--- Конечно, вы правы, сержант! --- с
плохо скрываемым раздражением
согласился Давир. --- Что ж, тогда пошли
салажонок. Бери свой вещмешок и следуй
за мной. Нам еще столько орков надо

убить... тебе и мне.

Повернувшись, Давир пошел прочь, так резко, что Ларну пришлось ускорить шаг, чтобы его догнать. Затем, когда тот уже выходил из дверей в дальнем конце казармы и поднимался по ступеням, ведущим из блиндажа, Ларн слышал, как варганец ядовито бормочет себе под нос:

--- ...нужен вам! Нужен ему! Вот варганская задница! Черт, будто мне охота с этим салагой нянчиться! Будто недостаточно того, что я провел десять лет в компании жирного слабоумного Булавена... Теперь они подумали и решили посадить мне на шею необстрелянного юнца! Еще одна проблема на мою голову. Вот проклятие!

Достигнув последней ступени лестницы и вдохнув холодный воздух, Давир придержал шаг и, обернувшись, окинул Ларна испепеляющим взглядом:

--- Давай, салажонок, шевелись. Не могу же я убить на тебя целый день. Хотя мне, наверное, нужно благодарить небеса за то, что ты управился подняться по ступеням, не потеряв при этом лазган. Не

то чтобы я предлагал тебе это сделать, имей в виду. Еще раз посеешь эту чертову шутковину, я ее искать не буду. Если ты намерен противостоять оркам лишь с тем оружием, которым тебя наградила природа, — отлично! Только в следующий раз не рассчитывай ни на чью помощь. Лично я даже не посмотрю в твою сторону. А теперь пошли. Давай-ка побыстрее. И когда будем подходить к окопам, пригни, черт возьми, пониже свою гурную голову. Не то чтобы мне было очень неприятно увидеть, как орки тебе ее отстреляют... просто, понимаешь, всегда есть риск, что проклятые зеленокожие промахнутся и, чего доброго, еще в меня попадут.

Так это и продолжалось: безудержные тирады Давира, полные жалоб и оскорблений, не прекращались ни на секунду, а идущему за ним по пятам Ларну не оставалось ничего другого, кроме как молча следовать за новым командиром вверх по пологой насыпи в сторону стрелковых траншей на передовой. И когда они, уже пригибаясь к земле, бежали к

своей конечной цели, а излияния Давира все не прекращались, Ларн вдруг поймал себя на том, что обдумывает мысль, которая еще несколько минут назад даже не пришла бы ему в голову.

Внезапно он понял, что, как ни странно, ему приятно вспомнить те старые добрые времена, когда его командиром был сержант Феррес.

Глава восьмая

14:59 по центральному времени
Брушерака

БОЕВЫЕ ПОТЕРИ
КРАТОЛЬНЫЕ МЫСЛИ ОБ
УБИЙСТВЕ ГЕНЕРАЛОВ
НАУЧНО ОБОСНОВАННЫЕ
ОТВЕТЫ И ВНЕЗАПНЫЕ ПРОЗРЕНИЯ
КОЕ-ЧТО О ЖИЗНЕННО ВАЖНЫХ
РЕСУРСАХ И РАЗНООБРАЗНЫЕ
СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПРЕЗЕРВАТИВОВ
ВЫСШАЯ МАТЕМАТИКА БОЙНИ
И ПРОБЛЕМА РАСЧЕТА СРЕДНЕЙ
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НА
ПЕРЕДОВОЙ
ПРАВДА ЖИЗНИ, ПО ДАВУРУ

Печатный пресс вдруг умолк. Хотя

для лейтенанта Делиаса механический стук этой машины всегда был источником раздражения, теперь, когда неприятный звук прекратился, наступившая тишина неожиданно наполнила его сердце страхом. Сидя за конторкой в тесных стенах своего беспокойного офиса, он бросил растерянный взгляд сквозь потрескавшееся стекло перегородки, отделяющей его от печатного цеха, но от вида погруженных в свое дело штатных сотрудников из гражданского ополчения у него еще сильнее заняло под ложечкой. Пожилые смотрители Церн и Вотанк сейчас были заняты подготовкой к работе древних частей печатного пресса: Церн смазывал машинные ролики, а Вотанк устанавливал сверху резервуар с чернилами, которые предназначались для последнего печатного выпуска. Из-за перегородки рядом с ними то и дело выныривала голова слабоумного калеки Шүлена, который с вечно подергивающимся от нервного тика лицом ходил туда-сюда прихрамывая и беспорядочными взмахами швабры

безуспешно пытался погместить пол. Лишь наборщик Феран тотился без дела. Равно выражая на лице ожидание и досаду, он стоял у пустой наборной доски и вопрошающе глядел через стекло перегородки на Делиаса. Когда их взгляды встретились, Феран с немой укорот погнул руку, указывая лейтенанту на хронометр, висящий над печатным прессом.

«Пятнадцать ноль-ноль, — подумал Делиас, сердце которого невольно сжалось, когда он проследил взглядом, куда указывает костлявый палец Ферана, и посмотрел на хронометр. — Теперь у нас только час до того, как я буду должен отнести на одобрение наш последний выпуск комиссару Вальку! Всего лишь час! Я должен что-то найти для печати. Хоть что-нибудь!»

В отчаянии Делиас вновь обратил взгляд на кучи официальных бумаг, которые в беспорядке грохотались на его конторке. Среди сваленных в кучу документов были сводки о положении на разных участках фронта, донесения с мест

сражений, статистика потерь, краткие официальные сообщения, распечатка переговоров командиров — в них при желании можно было найти запись о любом событии, которое произошло в городе Брушерок за последние двенадцать часов. И все же, вопреки тому, что, как ему казалось, он уже долгие часы кропотливо изучал лежащие перед ним горой отобранные документы, Делиас не нашел ничего, что могло бы подойти для его цели.

«Ну ни одной хорошей новости, о которой можно было бы сообщить, — невесело подумал он. — Сегодня все то же самое, что и во все другие дни. Только плохие известия, которые нельзя печатать. Комиссар за такое расстрелял бы меня на месте».

Его мысли плавно перетекали к тому дню, когда два года назад он получил работу в представительном здании штаба в самом центре Брушерока. Поначалу он думал, что получил штабное назначение, и был несказанно этому рад. Затем, когда его перевели в мрачное подвальное

помещение типографии и сказали, что теперь для назидания и поднятия духа защитников города его задачей будет дважды в день выпускать информационный бюллетень и пропагандистский листок, он возликовал еще больше. Казалось, это было ответом на его молитвы: положение при штабе, свой собственный офис и, главное, теплое, престижное место подальше от линии фронта. Однако уже очень скоро он узнал, что жизнь официального пропагандиста едва ли можно назвать счастливой. И это было тем более верно, когда в его обязанности входило излучать уверенность в победе, в то время как реальные боевые действия, которые велись здесь, в Брущероке, были полны обескураживающих неудач и очевидных для всех поражений.

«Мы проигрываем эту войну...» — думал он, столь погруженный в собственную проблему, что едва ли осознавал все грандиозные последствия этого утверждения. — Мы проигрываем эту войну. Такова реальность, и у меня, похоже, всего час, чтобы найти хотя бы

крупницү хороших новостей для бюллетеня, который должен утверждать обратное».

Услышав звук открывающейся двери офиса, Делиас поднял голову и увидел Шүлена, который шаркающей походкой прошел в узкий дверной проем. Беззвучно шевеля губами и конвульсивно подергиваясь всем телом, Шүлен проковылял в его направлении, неся в трясутейся руке корзину для бутага. Безобразный шрам на его виске, оставшийся от повредившей ему тогз пули орка, сразу же бросался в глаза.

— Что тебе, Шүлен? — устало выдохнул Делиас.

— Уб... уб... уб... уборка! — брызжа слюной, едва сумел выговорить заика Шүлен и, склонившись над столом, принялся стахивать в урну разбросанные на столе у Делиаса бутаги.

В раздражении Делиас на некоторое время предался мрачным размышлениям, не стоит ли ему все проблемы свалить на уборщика. «Я могу сказать комиссару Валькү, что все это вина Шүлена, — злобно подумал он. — Что мы уже заканчивали версткү последнего выпуска,

когда он вдруг налетел сверху на наборную доску, опрокинул ее на пол и в одно мгновение уничтожил результаты всей нашей работы. Если комиссар решит воздать ему по заслугам и расстреляет бестолкового убальня, лично мне его не хватать точно не будет». Однако почти тут же он сообразил, что для того, чтобы его план сработал, все остальные штатные сотрудники должны будут подтвердить его историю, а ни Феран, ни другие его не поддержат. Они всегда защищали Шулена, баловали его, как балуют в семье утственно отсталого ребенка, и уж конечно восстанут против любой попытки сделать из него козла отпущения. Но тут его взгляд вдруг зацепился за несколько слов на одном из стятых листков в руке Шулена, и он сразу же понял, что искомый ответ найден.

--- Стой! --- гаркнул лейтенант на Шулена и, протянув руку, ударил того металлической линейкой по пальцам. --- Оставь корзину здесь и скажи Ферану, что через пятнадцать минут у меня для него будет экземпляр вечернего выпуска.

--- Нь... нь... нь...

--- Пятнадцать минут, --- с нажимом повторил Делиас и, забрав из рук Шүлена замеченные бұтаги, стал разглаживать стятые листы, чтобы их можно было как следует прочесть. --- А теперь пошел вон с глаз моих!

Это было донесение о боевом столкновении, в котором сообщалось об атаке орков в секторе 1-13, имевшей место гва с половиной часа назад. Однако Делиаса больше заинтересовало не само донесение, а прилагаемый к нему отчет, где говорилось о событии, которое непосредственно предшествовало атаке. В отчете содержалась информация о крушении на нейтральной полосе десантного модуля с ротой гвардейцев на борту. Читая отчет, Делиас все больше убеждался, что это именно то, что он так долго искал. Само собой разумеется, что изложение событий надо было немного переписать. Чтобы комиссар Вальк остался доволен, требовалось совершенно бессмысленную гибель людей превратить в громогласную победу. Все необходимые

элементы теперь были у него под рукой, наго было только слезка подкорректировать детали, так чтобы события в секторе 1-13 наилучшим образом соответствовали его цели. «Да-га, это именно то, что мне нужно! — думал Делиас, лихорадочно перебирая целую серию возможных заголовков. — "Десант из костоса срыгает атаку врага!" "Победный прорыв по всему сектору!" "Беспорядочное отступление орков!"»

Затем новый заголовок пришел ему в голову, и по пробежавшим по шее мурашкам он понял, что попал в десятку.

«Разгром орков в секторе 1-13: победоносное прибытие 14-го Джутаэльского!»

С блаженной улыбкой на лице Делиас взял в руки стилус и принялся писать духопогубный репортаж об этом яростном сражении, умело вплетая в повествование весь свой набор дежурных выражений и фраз, который накопился у него за долгие годы работы пропагандиста. «Героическое сопротивление! Самоотверженная оборона! Триумф веры и

праведного гнева над гниотью ксеносов!»
Правда, иногда, когда он задумывался над
конструкцией нового предложения, так
чтобы придать ему больше риторической
выразительности и агитационного пыла,
неясный, едва слышимый голос совести все
же тревожил его очерстевшую душу, но
Делиас уже давно научился не обращать на
это внимания. «Не моя же в том вина, —
говорил себе он, — что мне приходится
лгать и искажать факты. Всем ведь
известно, что правда погибает на войне
первой». Как офицер службы информации,
он просто обязан был подходить к своей
работе творчески, иначе рисковал сыграть
на руку неприятелю. Да, он всего лишь
исполнял свой долг, не более...

И в конце концов, разве не главным
было сейчас поддержать в солдатах боевой
дух, используя все возможное, что только в
человеческих силах?

— Пожар... — с нескрываемой злобой
произнес Давир, когда они уже сидели в
стрелковой траншее. — Вот что я хотел
бы увидеть! Пожар, который бы выжег все

здание ставки, а также всех тех тупых
ублюдков, кто там находится! А если бы
пламя охватило штаб командования
сектора, было бы еще лучше! Это, в общем-то,
не так уж и трудно сделать... Дали бы
мне только гранатомет да пару
зажигательных зарядов, а б в одно
мгновение сжег оба этих проклятых
объекта!

Ошеломленный, боясь поверить
собственным ушам, Ларн молча выслушал
его очередную тираду. С тех пор как они
короткими перебежками наконец
достигли траншеи, прошло уже полчаса, и
незаметно неусыкаемый поток жалоб
Давира вдруг сменился пространными
рассуждениями, в которых он открыто
разбирал варианты уничтожения высшего
командного состава при ставке,
ответственного за ход военной кампании в
Брушереке. Однако еще более невероятным
для Ларна оказался тот факт, что все
остальные в траншею просто сидели и
слушали, как будто это была самая
обычная в мире вещь — свободно говорить
об убийстве командиров и открыто

призывать к тяжёлу. Чем больше глится
монолог Давира, тем меньше и меньше
оставалось у Ларна сомнений в том,
отчего война за этот город идет столь
плачевно. Если такие настроения
характерны для всех его защитников ---
чему удивляться?

--- Конечно, я признаю, что
поговорить к ним на выстрел
гранатомета будет не просто, --- между
тем продолжал Давир. --- Что сделаешь с
усиленными патрулями по периметру?..
Но я уже вижу возможное решение. Надо
только как-то выкрасть официальные
пропуска. Вы бы и глазом моргнуть не
успели, как я был бы уже в пределах
периметра и перебил бы всех
командующих ставки.

«Нет, эти люди не могут быть
гвардейцами, --- думал про себя Ларн,
вглядываясь в лица четырех бойцов,
сидящих вокруг него в траншее. ---
Положим, они неплохо отбили атаку орков
часа два назад... Но где же их дисциплина?!
Где преданность Императору? Это что
же, все традиции, все предписания устава

Гвардии для них ничего не значат? Как могут они сидеть сложа руки и спокойно слушать, как этот человек открыто призывает к измене?»

— У тебя все равно ничего бы не вышло, Давир, — задумчиво произнес сидящий напротив него варганец.

Это был высокий худой человек, сильно за тридцать, которого все здесь называли Учитель. То ли он на самом деле был когда-то учителем, то ли это была лишь кличка, данная ему за сутулые плечи и свиное лицо, но похоже, что прозвище это его вполне устраивало.

— Боюсь, проблема заключается в том, что в твоём модус операнди имеется ряд существенных недостатков, — продолжил Учитель, машинально проведя пальцами по подбородку, будто поглаживая несуществующую бороду. — Даже если предположить, что ты сумеешь заполучить необходимые пропуска, сомневаюсь, чтобы караульные службы периметра стали бы равнодушно смотреть, как ты стреляешь гранатами по их генералам. В конце концов, есть же в

Гвардии установление против нецелевого использования боеприпасов. Кстати, даже если бы тебе каким-то образом удалось ускользнуть от охраны, неужели ты думаешь, что здания ставки и командования сектора были построены без широкого применения огнеупорных материалов? Не говоря уже об их оснащении различными системами безопасности, бронированными щитами, противопожарными устройствами и так далее? Нет, Давир, думаю, тебе придется найти какой-нибудь другой метод достижения своей цели.

«Может, они все-таки шутят? — подумал Ларн. — А вдруг? Может, это нечто вроде развлечения, смысл которого лишь в том, чтобы поточь скоротать время? Но они говорили об убийстве офицеров! Как можно над этим смеяться?»

— Тогда нужно просто захватить контроль над какой-нибудь из артиллерийских батарей, — не сдался Давир. — Несколько мощных зарядов, пущенных в здание ставки, и парочку генералов я точно убью!

— Но ты же не на самом деле хочешь это сделать, — серьезно произнес до сих пор молчащий третий гвардеец, Булавен.

Обладатель огромной неуклюжей фигуры, почти медвежьего телосложения, с толстой шеей и буграми мышц на руках, Булавен в стрелковом расчете специализировался на тяжелом вооружении. К тому же он казался единственным в группе, кто сохранил в себе нечто вроде пиетета к жизни своих командиров.

— Если ты, Давир, начнешь убивать генералов, кто же тогда будет отдавать нам приказы?

— Ты говоришь так, свиная башка, будто тогда случится что-то ужасное! — с презрением бросил Давир. — А ведь начатое с того, что именно по вине этих задниц в ставке и из-за их приказов у нас теперь тут такой бардак! Ты понимаешь... Не то чтобы я думал, что стоит их всех убить, и все чудесным образом изменится, и мы начнем побеждать в войне. Нет. Но если их кто-то убьет, хуже от этого здесь точно не станет. Но крайней мере, это даст мне

хоть какое-то удовлетворение. Приказы? Ха! Будто их чертовы приказы хоть раз приводили к цели, а не к тому, что положение становилось во сто раз хуже. Хочешь побольше узнать о приказах? Спроси Рензика. Если бы во время последней атаки какой-то высокопоставленный дурак не приказал батарейному командованию задержать поддержку артиллерией, он все еще был бы жив, наверное. А вот вам еще пример. Как насчет нашего нового друга? Все видели, что недавно случилось с десантным модулем? Спросите-ка салажонка, что он думает о приказе, который заставил его пролететь пол-Галактики для того только, чтобы участвовать в высадке не на ту планету.

Внезапно глаза всех, кто сидел в траншее, обратились к Ларну. Абсолютно уверенный в том, что выглядит сейчас как заяц, случайно попавший в свет фар проезжающей машины, молодой человек лишь беспомощно таращился на них, не зная, что сказать в ответ.

--- Может, он все еще в шоке? ---

участливо предположил Булавен. — Ты как, салажонок? Ты в шоке?

— Больше похоже, что штаны обмочил от страха, — съязвил Зиберс, четвертый гвардеец в траншее.

Худой и жилистый, среднего телосложения, Зиберс выглядел моложе остальных, — быть может, ему было лет двадцать пять, тогда как Давиру и другим было точно давно за тридцать. Рыжеволосый, с изъеденным оспой веснушчатым лицом, Зиберс, ехидно улыбаясь, презрительно смотрел на Ларна:

— Вы только поглядите на него! Если бы его кожа была еще чуть посрее, вы бы его на фоне грязи и не заметили! Хотите знать мое мнение? Он вам не скажет то, что думает, потому что боится, что его услышит какой-нибудь злой комиссар и тут же прикажет расстрелять!

— Хм... На этот счет тебе нечего волноваться, — сказал Давир. — Слышишь меня, салажонок? Можешь говорить свободно. Было, конечно, время, когда комиссары приходили на передовую, водили нас в атаку и все такое... Слава богу, наши

грудь орки положили этому концу довольно быстро. Последний комиссар, у которого хватило ума пожелать войти в состав боевого соединения, давным-давно себя угробил по глупости. У тех же комиссаров, что остались, похоже, неплохо развит инстинкт самосохранения. Развит достаточно, чтобы любой ценой держаться от передовой подальше. Так что давай, салажонок, не стущайся. У тебя ведь должно быть собственное мнение? Вот мы его и послушаем...

— Да, в самом деле... — присоединился к просьбе Учитель. — Мне тоже было бы интересно узнать, что ты думаешь.

— Давай, салажонок, — стал грубо подначивать его Зиберс. — Чего ты ждешь? Гретч тебе, что ли, язык оторвал?

— Да не торопите вы его так, — куда более мягким голосом попытался урезонить их Булавен. — Как я уже сказал, он все еще в шоке. Уверен, со временем он нам все расскажет.

С выражением терпеливого ожидания на лицах гвардейцы успокоились, но все еще

надеялись, что Ларн ил ответит. Чувствуя себя крайне неуютно от мучительного сознания того, что четыре пары глаз уставились на него в тишине, тот какое-то время просто сидел, открыв рот: слова застревали у него в горле и он не мог их произнести. Затем, вспомнив обо всем, что он видел и слышал за последние несколько часов, хриплым от горя голосом юноша дал ил ответ, на какой только был сейчас способен.

--- Я... Я ничего не понимаю, --- выдавил он из себя. --- Ровным счетом ничего. Все, что случилось со мной сегодня, не имеет никакого смысла.

--- А что тут понимать, салажонок?! --- воскликнул Давир. --- Мы застряли в этом чертовом городе. Нас окружают миллионы орков. Каждый день они пытаются нас убить. Мы же стараемся не дать ил в этом преуспеть. Вот тебе и вся история.

--- Только если принять это как очень сжатую версию изложения, Давир, --- в свою очередь вступил в разговор Учитель. --- Вот хотя бы то, что ты забыл упомянуть

о протетии... О сложившейся патовой
ситуации... Не говоря уже о некоторых
более сложных изтерениях проблемы.

--- Вот и отлично, Учитель, --- пожал
плечами Давир. --- Думаю, ты напрасно
потратишь время, но, если хочешь,
расскажи ему обо всем этом. А когда
разговоритесь, не забудь его также
просветить на предмет, как чистить
зубы и подтирать зад, а то я бы не хотел
увидеть тут у нас последствия его
неумения справляться с исполнением этих
двух жизненно важных функций. Короче,
делай что хочешь, только делай это у
бруствера, со стрелковой ступени. Сейчас
все еще твоя очередь караулить. И помни
то, что нам теперь придется нянчиться с
необстрелянным юнцом, совсем не значит,
что орки отказались от своего намерения
нас убить.

--- Видишь их? --- спросил у Ларна
Учитель несколько минут спустя, когда
стоял рядом с ним на стрелковой ступени,
указывая куда-то в сторону нейтральной
полосы, в то время как Давир с

остальными, удобно расположившись на дне траншеи, азартно играли в карты. --- Ту темно-серую рваную линию тетрах в восьмистах отсюда? Это передовая орков.

Взяв полевой бинокль, который продолжил ему Учитель, Ларн направил его туда, куда указывал ему этот высокий человек, и стал напряженно взглядываться в раскинувшиеся перед ними просторы пустоши. Вот! Он увидел ее. Извилистую линию траншей, которая протянулась по всей длине сектора на той стороне нейтральной полосы. Скользя по ней взглядом, он замечал, как время от времени в его поле зрения попадает то орк, то гретчин. Вернее, их головы, которые высывались лишь на мгновение и затем быстро исчезали, поскольку их обладатели тут же скрывались за бруствером, протянувшимся вдоль всей линии.

--- Не пойму, как я не видел этого раньше? --- удивился Ларн. --- Полевой бинокль, конечно, помог, но теперь мне все так отчетливо видно... Как я мог этого не заметить?

--- Все дело в восприятии, --- начал

объяснять Учитель. --- Ты заметил, насколько серый здесь ландшафт? Грязь, скалы, небо, даже постройки? Когда человек впервые сюда попадает, детали окружающего мира легко сливаются для него в один монотонный цвет. Но есть и оттенки. Кто проживет в этом городе подольше, тот постепенно начинает их различать. Ты слышал, что в языках жителей некоторых заросших джунглями районов существует около сорока различных слов для зеленого цвета? На самом деле все эти сорок слов соответствуют различным оттенкам зеленого. Оттенкам, которые для нас ничем друг от друга не отличаются. Однако восприятие тех, кто проживает в этой зелени, так обострилось, что для них разница между ними так же очевидна, как разница между черным и белым. То же самое и здесь, в Брушероке. Поверь, ты сам удивишься, насколько хорошо твой глаз станет различать все оттенки серого, стоит тебе прожить в этом городе несколько месяцев.

Конечно, --- продолжал он, похоже

находясь в восторге от того, что наконец-то нашел аудиторию, готовую слушать его многословные лекции, — в обычной ситуации ты, проявив известную наблюдательность, не пропустил бы линию обороны орков. Ряды наспех возведенных стен, земляных валов и частоколы штандартов их вожаков тянутся от одного сектора к другому. Еще могут быть искусственные завалы из сожженной техники и горы трупов, которые они используют для защиты от пуль вместо мешков с песком. Детали различаются от сектора к сектору. Месяц назад мы размещались в секторе 1-11. Там орки применяли большие импровизированные баррикады, которые они сами же разметывали, когда бросались на нас в атаку. Затем они их снова устраивали, но только для того, чтобы в следующее же крупномасштабное наступление опять разрушить. И так снова и снова... Видишь ли, у орков нет единой централизованной командной структуры, какая есть у нас. Допускаю, что когда их вожаки не слишком заняты

грызней грыз с грызот, они объединяются
пог властью какого-нибудь одного
военачальника. Но если взять положение в
каком-то отдельном секторе, то там
локальный вожак волен делать все, что
ему заблагорассудится. И как иногда
случается, противостоящий нам вожак,
похоже, решил взять с нас пример — он
приказал своим подчиненным копать и
строить подземные блиндажи со
скрытыми переходами и глубокими
траншеями, а не типичные для орков
неленые крепости. Возможно, что он
подареннее любого обычного лидера орков.
Но также возможно, что он просто
обезьянничает, копирует нашу тактику,
не держа в голове никакого продуманного
плана. На самом деле, применительно к
оркам это всегда трудно определить.
Даже мне, после десяти лет, что я здесь
провел, все еще сложно бывает понять, с
глубоким орком я имею дело или с умным.

— Так что, вы тоже здесь уже десять
лет? — удивился Ларн. — Когда Пензик
сказал мне, что он здесь так давно, я едва
смог в это поверить.

--- Мы все здесь с того времени, ---
ответил Учитель. --- Я, Давир, Булавен,
Владек, Челкар, Свенк, Келл... Все, кто из
нашей роты. Все, кто с Вардана, по
меньшей мере. Конечно, многие прибыли
сюда как пополнение. Как ты или Зиберс...
Эти прибыли здесь значительно меньшее
время.

--- Так, значит, Зиберс не с Вардана?

--- Он? Нет, как я уже сказал, он
прибыл с пополнением. Присоединился к
нам около двух месяцев назад, плюс-минус
несколько дней.

--- А в остальном полку как обстоит
дело? Там, среди них, много новичков из
пополнения?

--- В остальном полку? Ты не понял
меня, салажонок, --- с грустью сказал
Учитель. --- Рота «Альфа» это и есть
Девятьсот второй Варданский. Мы --- всё,
что осталось здесь от варданцев. Все
остальные мертвы.

--- Вы хотите сказать, что полк
уничтожен?! --- в ужасе воскликнул Ларн. ---
От целого полка остались в живых только
две сотни человек?!

— Все еще хуже, салажонок. Когда мы только высадились в Брушеровке, Варганских полка было три. Но с тех пор мы понесли большие потери. В первую же неделю нашего здесь пребывания мы потеряли Семьсот двадцать второй Варганский, который был почти полностью уничтожен, когда ставка приказала нам пойти в теперь уже легендарную безумную атаку на позиции орков. Те немногие, кто после нее уцелел, влились в ряды Восемьсот тридцать первого Варганского, который, в свою очередь, довольно быстро вошел в состав Девятьсот второго. Затем, когда в последующие годы потерь стало еще больше, количество рот в Девятьсот втором все время сокращалось, а сами они постоянно переукомплектовывались. И так до сегодняшнего дня, пока от нас наконец не осталась лишь одна рота «Альфа». По последним данным, если не ошибаюсь, вся наша боевая мощь состоит из двухсот сорока четырех человек, из которых только три четверти, возможно, прибыли из Варгана. Получается, что из шести

тысяч, которые десять лет назад участвовали в высадке на планету, всего в этом городе осталось около ста восьмидесяти варданцев. На самом деле это не слишком уж отличается от того, что произошло с твоей родной родиной. Видишь, идет война на истребление. То же самое происходит с любым другим гвардейским полком в этом городе. Конечно, раз мы так долго находимся на передовой, то и досталось нам больше, чем другим, но сомневаюсь, что в городе есть хоть один полк, где удалось сохранить больше тридцати процентов его первоначального боевого потенциала. Это Брушерок. Здесь все истребляется. Хотя, учитывая название места, едва ли стоит удивляться.

--- Название? --- не понял Ларн, все еще потрясенный мыслью, что люди, которых он видел вокруг, --- это все, что осталось от шести тысяч гвардейцев.

--- Да, название. Некоторое время назад нам целый месяц пришлось безвылазно провести в одном старом здании, разрушенном бомбами, которое,

как оказалось, прежде было хранилищем каких-то древних городских архивов. Кое-что оттуда мне удалось прочесть, прежде чем Давир и остальные разобрали их на тысячелетнюю бумагу. Дело в том, что в прежние дни, еще до того, как здесь основали город, это место называлось Батчере Рок, или Бушере Рок — на диалекте этой планеты. Со временем, пока город рос и строился, его название постоянно коверкали, и постепенно оно стало таким, каким мы его знаем сейчас: Бруше-рок. А по изначальному названию легко понять, что первое основанное здесь поселение было известно на всю планету как центр мясной промышленности. В некотором смысле оно и теперь им является, конечно.

— И теперь? — удивился Ларн. — Что вы имеете в виду? Я не понял.

— Он имеет в виду то, салажонок, что весь этот проклятый город на самом деле есть одна большая мясорубка, — проворчал Давир со дна траншеи. — А мы все — мясо!

— Учитель, ты бы рассказал

салажонку о прометии, --- попросил
сидящий рядом с Давиром Бүлавен. ---
Лучше, если он будет знать, за что мы
сражаемся.

--- Ах да, прометий... --- задумчиво
произнес Учитель, забирая у Ларна
бинокль и помещая его обратно в футляр у
себя на поясе. --- Это то, из-за чего здесь
идет война... в общих чертах. --- Затем,
живнув в сторону Давира, он добавил: ---
Конечно, если ты спросишь Давира, он
тебе скажет, что все это лишь борьба за
выживание, что в общем тоже верно.
Однако, ничего не зная о прометии, ты не
сможешь понять более широкие аспекты
стратегии...

--- Стратегия! Поцелуйте меня в мою
широкую варганскую задницу! --- с
негодованием воскликнул Давир. --- Что
значит для всех нас эта стратегия?! Вы
полагаете, человек думает о стратегии,
когда его живот вспарывает топор орка?!
Вы с Бүлавеном, Учитель, просто
торочите себе голову! Что же вы думаете,
если бы не прометий, орки тотчас бы
отсюда ушли? Да будь это так, я бы

первый постарался найти способ отгнать его ит, забыв на время о соблазнительной идее покушения на генералов! Ты, как обычно, все усложняешь, Учитель. Орки хотят нас убить лишь по одной простой причине. Потому что они орки! Вот и весь секрет! Нет, ты обязательно расскажи салажонку о своих грандиозных теориях... Уверен, их знание придется ему весьма кстати, когда в следующий раз опять засвистят пули и он снова окажется один на один с ордой визжащих зеленокожих. Хотя, исходя из того, что я видел, ты оказал бы ему куда большую услугу, если бы подсказал, как веревкой подвязать к поясу плазган, чтобы не потерять.

С гримасой раздражения на лице Давир решительно отвернулся и вновь переключил внимание на игру в карты.

— Прометий, салажонок, — начал Учитель. — Вот почему здесь орки и вот почему город так же важен для нас, как и для них. Помнишь, я сказал тебе, что поселение начинало свое существование как центр мясной промышленности? Все так, но это было тысячи лет назад. Уже

не в столь далекие от нас времена Брушерок стал центром планеты по добыче прометия. Было время, когда весь город представлял собой один гигантский завод, куда из пробуренных южнее полевых скважин перегоняли для очистки сырой прометий. Даже теперь, когда качающий сюда сырец трубопровод давно перекрыт, город все еще очень богат прометием. Миллиарды баррелей содержатся в огромных подземных хранилищах практически по всеи его району.

— Но почему орки так его добиваются? — спросил Ларн.

— Топливо, — кратко ответил Учитель. — Десять лет назад, когда мы здесь высадились, казалось, что орки вскоре захватят всю планету. Так было до тех пор, пока у их техники не начались перебои с горючим. Когда это случилось, они осадили Брушерок, надеясь захватить городские запасы топлива. Но нам удалось сдержать их натиск, и без горючего наступление орков по всей планете началось пробуксовывать. И вот с тех пор сложилась патовая ситуация, где есть мы,

запертые в осажденном городе, и орки, которые, обложив город со всех сторон, стараются прорваться в его пределы. Эта ситуация длится уже очень давно, и нет никаких признаков, что мы из нее скоро выйдем.

— А что же имперские силы в других частях планеты? — удивился Ларн. — А за пределами этого мира? Почему они ничего не предпринимают, чтобы снять осаду?

— Что до имперских сил, разбросанных по всей планете, то, возможно, салажонок, они и стараются нам помочь, — начал Учитель. — Конечно, если спросить кого-нибудь из ставки, то тебе тут же скажут, что мы стоим на пороге снятия осады. Однако, учитывая то, что они уже лет десять говорят нам одно и то же, никто из нас им больше не верит. Ты скоро узнаешь, что наши командиры много чего нам говорят: что мы выигрываем войну, что у орков нет лидеров и что они уже на грани, что великий перелом, который они нам обещают уже лет десять, вот-вот наступит... Со временем ты также

узнаешь, что если изю дня в день слушать
одно и то же, то просто приучаешься не
обращать на это внимания. Лично я
подозреваю, что положение, в котором
находятся наши братья-гвардейцы в других
частях этой забытой Богом-Императором
планеты, ничуть не лучше нашего. Ты
пойми, не то чтобы я мог с уверенностью
сказать, так ли это, ведь Брушерок ---
единственное место на планете, которое я
видел. Однако среди прочих теорий эта
кажется мне ничуть не хуже любой другой.

Но все это, конечно, не вполне
отвечает на поставленный тобой вопрос, ---
продолжал Учитель, уже совершенно
потерявшись в потоке собственного
красноречия. --- А если вернуться к вопросу
о том, почему не вмешиваются имперские
силы за пределами этого мира... Я
подозреваю, что война здесь просто не
настолько важна, чтобы стратегически
оправдать полномасштабную десантную
операцию. Правда, время от времени
предпринимались отдельные, довольно
незначительные высадки --- десантными
модулем или, скажем, единичным

десантным кораблем, — но ничего, что хотя бы с натяжкой можно было бы назвать серьезной попыткой прорвать блокаду. Иногда, как в твоем случае и в случае твоей роты, высадки оказывались всего лишь следствием грубой ошибки командования. В других случаях это выглядело, как если бы какой-то очень далекий от нашей планеты бюрократ вдруг решил отправить нам небольшое подкрепление в виде живой силы или снаряжения только для того, чтобы уверить нас, что о нас до сих пор еще не забыли. Но большей части все эти случайные выброски десанта и снаряжения столь же бессмысленны и стехотворны, как и все другие аспекты жизни здесь, в Брушереке. В прошлом нам выбрасывали целые грузовые отсеки, и когда мы с боями к ним пробивались, то обнаруживали внутри ящики, полные самых бесполезных вещей, какие только можно себе представить. Канцелярские скрепки, противотоскитные сетки, слабительные пилюли, шнурки для ботинок и все такое прочее.

— А помнишь, когда они прислали нам грузовой отсек, полный презервативов?! — воскликнул сидящий рядом Давир. — Я так и не смог для себя решить, что же они хотели: чтобы мы их надули и использовали как заградительные аэростаты? Или они думали, что у орков инстинктивный страх перед резиной?

— Хороший пример того, о чем я уже говорил, — сухо сказал Учитель. — Но как бы то ни было, салажонок, думаю, что самое главное я тебе сейчас осветил. Может, у тебя есть вопросы?

— К черту его вопросы! — неожиданно оторвался от карт Зиберс, глядя на Ларна с хитрой и злобной ухмылкой. — Ты еще не все осветил салаге, Учитель. Осталась одна вещь, о которой ты все же забыл ему рассказать!

— Забыл? — слутился Учитель. — В самом деле? Не думаю, что упустил что-то важное...

— Да, упустил! — твердо произнес Зиберс, теперь уже глядя на Ларна с неприкрытой холодной злобой. — Ты забыл ему объяснить, почему Давир сказал, что

ты лишь понапрасну потратишь время, если станешь салажонку все тут расписывать. Почему все те вещи, о которых ты ему только что рассказал, будут для него, скорее всего, абсолютно бесполезны. Почему, когда придет завтрашний день, нас в этой траншее будет наверняка сидеть четверо, а не пятеро! О да, Учитель! Я думаю, ты все же забыл ему кое-что рассказать! Ты забыл ему рассказать одну вещь, которая из всех вещей для него самая важная!

На какое-то мгновение Зиберс умолк, и, пока он смотрел на Ларна, другие гвардейцы поежились, будто всем итало не по себе в этой напряженной и жуткой тишине. Затем уголки губ у Зиберса дрогнули и расплзлись в злорадной победной улыбке. Не сводя глаз с Ларна, он ухмыльнулся и заговорил снова:

— Ты забыл рассказать ему про пятнадцать часов!

Некоторое время все молчали. Учитель и Булавен, заметно смутившись, смотрели в землю, и даже Давир старался избежать взгляда Ларна, словно, как и

другие сейчас, ощущая все то же неясное беспокойство. Только Зиберс упорно не отводил глаз. Взглянув на него в ответ, Ларн сразу же почувствовал его неприязнь к себе. Зиберс явно его ненавидел, но почему или по какой причине... Такие вопросы юный гвардеец даже еще не начал себе задавать.

— А что означают эти «пятнадцать часов»? — прервав наконец неловкое молчание, спросил Ларн. — Рензик что-то говорил мне перед последней атакой. У капрал Влагек также упоминал об этом. Он сказал, что выдаст остальное полагающееся мне снаряжение, если я снова зайду к нему через пятнадцать часов.

Секунды медленно тянулись одна за другой, но ответа на его вопрос не было. Вместо этого вновь воцарилась тишина, во время которой Давир, Учитель и Бүлавен неловко переглядывались между собой, будто мысленно бросая жребий, который и должен был определить, кому из них придется взять на себя выполнение этой неприятной обязанности. Так это и продолжалось, пока наконец, все еще не

желая встречаться с Ларном глазами,
Давир решительно не прервал молчание:

--- Скажи ему, Учитель!

Учитель в ответ немого замылся, но
затем, пару раз кашлянув, прямо взглянул
Ларну в лицо.

--- Тут все дело в статистике,
салажонок, --- с болью в голосе начал он. ---
Ты пойми, любой генерал и маршал в
ставке такой же бюрократ, как и самый
последний переписчик в Административе.
Война для них --- это не кровь и смерть. У
даже не вопрос стратегии и тактики...
Для них она, как и все другое, подлежит
бухгалтерскому учету. А учет этот
основан на информации, которую они
получают из донесений о потерях, с
темпах износа снаряжения, о количестве
боеспособных соединений, о
приблизительной оценке военной мощи
противника, ну и так далее. Короче, на
тириадах фактов и цифр, которые,
взятые вместе, и определяют высшую
математику этой бойни. Ежедневно по
всему Брушероку эти данные
записываются, проверяются и затем

отсылаются в ставку, где наг нимит колдует целый штат счетоводов. Вот одним из результатов этих ежедневных вычислений и есть те самые пятнадцать часов, о которых упомянул Зиберс.

--- Учитель, ты снова все усложняешь! --- вмешался Давир. --- Напрасно ты хочешь подсластить ему пилюлю. Он ведь задал прямой вопрос --- ну так и отвечай соответствующе!

--- Это, салажонок, касается продолжительности жизни, --- тяжело выдохнул Учитель. --- Пятнадцать часов --- это средняя продолжительность жизни гвардейца, который прибыл с пополнением в Брүшерок и вступил в боевое соединение на передовой.

--- Гвардеец, который прибыл с пополнением? --- повторил Ларн, не совсем уверенный, что до конца понял то, что сказал ему Учитель. --- Как я, Хотите сказать? Об этом вы мне говорите? На этот срок, полагаете, я могу здесь рассчитывать? Вы что, думаете, меня убьют в ближайшие пятнадцать часов?

--- Еще быстрее, салага! ---

издевательски воскликнул Зиберс. — Ты
здесь уже никак не меньше трех часов. А
это значит, что тебе осталось только
двенадцать. Почему, думаешь, Владек
сказал тебе вернуться к нему через
пятнадцать часов? Да он просто не хотел,
чтобы уйма хорошего снаряжения пропала
даром!

— Заткнись, Зиберс! — прогремел
голос Булавена.

Лишь на мгновение Зиберс
встретился с ним глазами, но, видя гнев
на лице великана, тут же ступенно
притих, вперив взгляд в грязное месиво на
дне траншеи.

— Скажи ему, что все это совсем не
так, Учитель... — снова начал Булавен,
чьи черты смягчились, а в голосе вдруг
прорезались почти утешающие нотки. —
Объясни ты ему... Скажи, что каждый из
нас верит, что завтра он еще будет жив!

— Так что же, думаешь, мы должны
ему лгать? — возразил Булавену Давир. —
Возможно, Зиберс — кусок злобного дерьма
и слишком часто раскрывает свой позаный
рот, но он, по крайней мере, говорит

Правда? Ты думаешь, мы должны относиться к салажонку как к ребенку? Говорить ему, что все будет хорошо? Что добрые взрослые дяди Давир, Учитель и Бұлавен уберегут его от гнусных орков? Я уже десять лет наблюдаю, какой ты тупоголовый болван, Бұлавен, но ты все еще не переставешь меня изумлять!

— Это не была бы ложь, Давир, — угрюмо сказал Бұлавен. — Нет ничего плохого в том, чтобы дать человеку немного надежды.

— Надежды? Вот задница! — в раздражении плюнул Давир. — Я не устану повторять, болван ты этакий: надежда — это сучка с кровавыми клыками! Уж такой простой урок тебе следовало заучить после десяти лет пребывания в этой адской дыре!

— И тем не менее не так уж Бұлавен и не прав, — вступая в дискуссию, произнес Учитель, вновь повернувшись лицом к остальным. — На самом деле у салажонка все же есть небольшой повод надеяться. Правда! В ставке, конечно, могут высчитать, что в среднем новобранцы

живут на передовой не более пятнадцати часов. Но ведь это же средняя цифра. Кто знает, может, салажонок будет более удачлив. Может, он продержится дольше. Пережив аварийное приземление, он уже один раз победил законы статистики.

— Ха! Иногда, Учитель, ты становишься ничем не лучше Булавена, — покачал головой Давир. — Только там, где он телет чепуху о надежде и оптимизме, ты рассуждаешь так, будто все еще не вышел из стен схоластики! Ты бы вспомнил лучше, что все мы здесь живем в реальном мире. Все, что ты сказал здесь о законах статистики и средних цифрах, очень хорошо, но не забывай: это Брюшеров. То, что салажонок пережил высадку, не имеет уже никакого значения. Равно как и то, будете ли вы с Булаvenом его опекать. Считайте, он уже трүн. Ходячий мертвец! Поверь мне, орки сразу это почувствуют. Нет ничего, что понравилось бы им больше, чем вспороть живот салаге, у которого еще молоко на губах не обсохло.

— Я только хочу сказать, что,

возможно, ты слишком уж буквально все понимаешь, когда речь заходит об этом абстрактном сроке в пятнадцать часов, — не сдавался Учитель, причем в пылу спора все трое, похоже, забыли, что Ларн, с которым шла речь, стоит рядом и внимательно слушает. — Но ведь это не абсолютная величина. Это лишь среднее арифметическое. Что бы ты сейчас себе ни думали, салажонки в результате может прожить и дни, и месяцы, и даже годы.

— Годы?! — воскликнул Давир. — Ну, знаешь, Учитель, ты для меня действительно загадка! Никогда не видел, чтобы человек мог так долго и красиво говорить, и все через задницу! Ты действительно думаешь, что салажонку удастся прожить в этом месте долгие годы?! В следующий раз ты нам скажешь, что командование сектора вот-вот произведет Булавена в генералы! Да ты, наверное, еще не видел салажонка в бою...

— Прекратите! — спокойным, но твердым голосом сказал Ларн, не желая больше терпеть, чтобы о нем говорили

как о ком-то отсутствующем. -- С меня хватит. Прекратите называть меня салажонок. Меня зовут Ларн!

Все, кто был в транше, мгновенно повернулись и, будто не в силах поверить, что кто-то постел вмешаться в их разговор, молча на него уставились.

-- Что?! Тебе не нравится, что мы тут все называем тебя «салажонок», не так ли? -- с изрядной долей сарказма воскликнул Давир несколько секунд спустя. -- Возможно, мы тебя обидели? Ранили твои чувства?

-- Нет, -- неуверенно начал отвечать Ларн. -- Я... Вы меня не поняли. Я только подумал, что вам лучше употреблять в разговоре мое имя. Мое настоящее имя... Ларн, а не «салажонок».

-- Да что ты говоришь! -- устехнулся Давир, стерев его холодным взглядом, в то время как Зиберс смотрел на него враждебно, а Булавен и Учитель с грустью. -- Нет, салажонок, это ты еще не понял, что здесь к чему. Думаешь, мне есть дело до того, как тебя зовут? Да моя голова уже и так забита! Какой смысл

заполнить то, что напишут на
могильном знаке еще до заката дня. Ты
хочешь, чтобы я запомнил твое имя?
Прекрасно! Скажи мне его опять через
пятнадцать часов!.. Может, к тому
времени оно и будет того стоить!

Глава девятая

15:55 по центральному времени
Брушерака

со стороны нейтральной
полосы что-то движется
в карауле с булавленным
размышления о меткости
людей и гретчинов
цветное пятнышко посреди
серой пустоши
урок того, как лучше быть
пристанкой

Его медленное движение по пустоши
длилось уже часы.

Осторожно продвигаясь по
сантиметру, с лапышки головы до ногтей
ног выкрашенный в серый цвет глины, с
глинноствольной, древнего вида бластой, в

несколько слоев замотанной тряпьем, он полз на брюхе сквозь мерзлую грязь по местности, которую среди презренных хумти было принято называть нейтральной полосой. Медленно, подобно оркү-ловцү, вооруженному палкой-хваталкой и охотящемуся за сквигот, он каждый раз, едва переместившись на дюйм, снова застывал в ожидании. Переместился на дюйм --- и замер. Переместился на дюйм --- и замер. И так снова и снова, всегда с опаской, что его добыча за ним наблюдает.

Далеко впереди что-то блеснуло, и он остановился. Абсолютно уверенный, что один из караульных хумти его заметил, он весь напрягся, в любую секунду ожидая ощутить боль от прожигающего плоть лазерного луча или услышать выстрел гробовика, однако ничего из этого не случилось. Он лежал не шелохнувшись, пока по прошествии нескольких минут не убедился, что все обошлось и можно вновь продолжить опасное путешествие. Медленное движение возобновилось: дюйм за дюймом, по мерзлой грязи, неуклонно в сторону своей цели.

Наконец где-то на середине нейтральной полосы он достиг края небольшой воронки. Некоторое время он ее разглядывал. Затем, подчиняясь внутреннему инстинкту, который и сам вряд ли смог бы себе объяснить, нырнул вниз. Оказавшись вне зоны видимости противника, он стал двигаться на много ближе и, проворно вскарабкавшись на противоположную стену воронки, начал сквозь оптический прицел бласты искать себе цель. Сначала он не увидел ничего. Но затем, когда на некотором расстоянии заметил, как высунулась из земли голова в подбитой мехом каске, он понял, что инстинкт его не подвел. Он нашел себе жертву.

Дыша через нос и избегая резких движений, которые могли бы спугнуть добычу, он прицелился сквозь свою оптику и стал плавно нажимать пальцем на спусковой крючок бласты. Когда он делал это, приятная теплота разлилась у него по телу до самой макушки и ясная, отчетливая мысль пришла ему в голову.

Если он произведет этот выстрел,

Божак бүдет доволен...

--- Не стоить принимать близко к сердцу то, что сказал Давир, салажонок, --- успокаивал его Бүлавен. --- На самом деле он так не думает. Это у него просто такая манера общаться.

Заступив в караул, Бүлавен стоял сейчас на стрелковой ступени рядом с Ларном и окидывал взглядом просторы нейтральной полосы. К тому времени остальные гвардейцы, расположившиеся пог нити на дне траншеи, уже притихли. Завернувшись, как в одеяло, в еще одну шинель и натянув шарф на большую часть лица, Давир грелся, привалившись спиной к запасным топливным канистрам для огнемёта. Сидящий рядом с ним Учитель не издавал ни звука, погрузившись в чтение пожелтевших страниц какой-то потрепанной, зачитанной до дыр книги. Лишь Зиберс производил некоторый шум. Было видно, как, сидя на дне траншеи, он затачивает оселком края своей саперной лопатки. Низкий скребущий звук, который производило трение камня о металл,

зловецъ соответствовал тем враждебным
взглядам, что время от времени бросал
молодой гвардеец в сторону Ларна.

— Да, салажонок, это хороший трюк, —
одобрительно заметил Булавен, увидев,
как Ларн смотрит на Зиберса. — Если ты
заточил края своей саперной лопатки, —
считай, у тебя есть отличное оружие на
случай ближнего боя с орком. Уж точно
лучше, чем штык. Конечно, нужно быть
осторожным, чтобы не заточить края
слишком остро. Иначе лопатка треснет,
когда тебе придется окапываться.

— И часто у вас такое случается? —
спросил его Ларн, невольно вздрогнув при
вспоминании о своей недавней схватке с
гретчином. — Ближние бои с орками,
хотел я сказать.

— По возможности старается, чтобы
не очень часто, — ответил Булавен,
похлопывая выступающую часть
громадного огнемёта, что стоял рядом. —
Но мне так если убивать орков, то лучше
уж с помощью моего старого доброго друга.
Хотя иногда, когда орки навязывают нам
ближний бой, тут уж ничего не

поделаешь... Тогда приходится
использовать все, что только под руку
попадет: лезвистолет, нож, саперную
лопатку... Но тебе, салажонок, не стоит
уж так беспокоиться. Ты держись меня,
Учителя, Давира... -- и все будет в порядке.

-- Простите меня, Бұлавен, --
возразил здоровяку Ларн, -- но все это не
слишком вяжется с тем, что вы говорили
раньше...

-- Эх... я же тебе сказал, салажонок: не
стоит принимать это близко к сердцу, --
ответил Бұлавен. -- Давир и сам не
слишком верит в то, что порой говорит.
Просто у него такая манера -- время от
времени выплескивать на людей свое
раздражение, а тут ты ему подвернулся...
Между нами говоря, я думаю, это из-за
того, что он такой коротышка... Знаешь,
любит порассуждать... Думает, это
придает ему значимости. Поверь, тебе
надо выбросить все это из головы, словно
никогда не слышал.

-- А пятнадцать часов? -- спокойно
спросил Ларн. -- Как быть с этим?

В ответ Бұлавен утолк, и на

несколько мгновений его широкое
простодушное лицо неожиданно приобрело
почти глубокомысленное выражение.
Затем, после некоторого раздумья, он
заговорил снова:

--- Знаешь, салажонок, порой о
некоторых вещах лучше не задумываться.
Порой лучше просто иметь веру...

--- Веру? --- переспросил Ларн. --- Вы
хотите сказать, веру в Императора?

--- Да... Или нет. Может быть... ---

Слова Булавена вдруг стали такими же
неуверенными и задумчивыми, как и
выражение его лица. --- Я уже не знаю,
салажонок. Когда я только стал
гвардейцем, я верил во много разных
вещей... Верил в генералов. Верил в
комиссаров... Больше всего я верил в
Императора. В людей из первых двух
категорий теперь я точно больше не верю.
А что касается Императора... Знаешь, во
всей этой мясорубке порой очень трудно
разглядеть Его милосердие к людям. Но
человек ведь должен во что-то верить...
Так что --- да. Как ни странно, да, я все
еще верю в Императора. Я в Него верю. А

также я верю в сержанта Челкара. Эти
двое, собственно, и составляют два
главных пункта моей веры.

--- Но есть и еще кое-что,
салажонок... --- после некоторой паузы
продолжил Бүлавен. --- И это кое-что не
менее важно, чем вера. Надежда!
Понимаешь, в этом Давир не прав. У
человека должна быть надежда, иначе он
все равно что уже мертвый. Она так же
важна для нас, как воздух, которым мы
дышим. Поэтому запомни, салажонок, как
бы плохо ни шли у тебя дела, какими бы
беспросветными они тебе ни казались, ты
ни в коем случае не должен переставать
надеяться. Поверь мне, будешь надеяться ---
все у тебя будет хорошо.

Сказав это, Бүлавен снова утолк, а
Ларну вдруг пришел на память его
разговор с отцом, который в последнюю
ночь перед отъездом состоялся в
подвальной мастерской их фермерского
дома. «Доверься Императору», --- наказывал
тогда ему отец. И вот теперь Бүлавен
советует ему довериться надежде... Хотя
в сердце своем он и понимал, что и тот и

другой вполне хорошие, искренние советы, но от вида пустынного сурового ландшафта на душе у него становилось все тревожнее.

Над пустошью вдруг раздался одиночный выстрел, звук которого после почти полной тишины показался Ларну неестественно громким. Машинально ища укрытие, юноша спрыгнул со стрелковой ступени на дно траншеи, но, как оказалось, для того только, чтобы повалиться на Давира, заставив коренастого коротышку мгновенно проснуться и разразиться потоком грязных ругательств.

--- Чертова задница маршала Керчана! --- взревел Давир, спихивая с себя Ларна. --- Нет, у нас никак нельзя соснуть часок, без того чтобы какой-нибудь идиот не спрыгнул на тебя в сапогах! Ты что, салага, спутал меня со своей маточкой? Захотел, чтоб тебя приласкали? А ну, вали от меня к черту!

--- Был выстрел, Давир, --- объяснил Булавен, который все еще стоял на стрелковой ступени и, пригнув голову, осторожно выглядывал поверх бруствера. ---

Со стороны нейтральной полосы. Снайпер, я думаю. Вот потому салажонок так и среагировал...

--- Ну знаешь ли, пусть он реагирует, как хочет, только не прыгает на меня, --- проворчал Давир и, схватив лазган, встал рядом с Бұлавенот, как волк в поисках добычи озирая просторы нейтральной полосы. --- Так... снайпер, говоришь? Ну-ка, Учитель, передай мне бинокль. Сейчас мы посмотрим, можно ли его засечь...

Уже через несколько мгновений Учитель с Зиберсом присоединились к Давиру и Бұлавену на стрелковой ступени. Затем, передав бинокль Давиру, Учитель оглянулся через плечо и встретился взглядом с Ларном, который стоял у него за спиной на дне траншеи.

--- Тебе стоит подняться и посмотреть на это, салажонок, --- сказал он. --- Важно, чтобы ты знал, как обращаться со снайпером.

Заняв свое место на ступени рядом с Учителем, Ларн выгел, как другие гвардейцы встатриваются в просторы нейтральной полосы, стараясь заметить

малейшие изменения в хорошо знакомом им ландшафте. Но вот взгляд Давира остановился на воронке от взрыва метрах в трехстах от их траншеи, и волчий роскал стенился широкой, довольной улыбкой.

--- Там... --- произнес он тихо. --- Я его вижу. Пригните головы --- этот маленький ублюдок-гретч уже выматривает себе цель для следующего выстрела. Он, между прочим, далеко не из самых способных. Хоть он и выкрасил себя с головы до ног, чтобы слиться с грязью, но, видимо, ему забыли сказать, что не стоит снайперу дважды стрелять с одной и той же позиции.

Как будто в ответ на его слова раздался еще один выстрел, и слева, метрах в трех от их окна, снайперская пуля выбила из почвы комок грязи.

--- Ха! Да он к тому же и стрелок неважный, --- ухмыльнулся Давир, передавая бинокль стоящему рядом Булавену. --- Черт, думаю, не написать ли нам письмо оркам с жалобой на некомпетентность гретчина, которого они выбрали себе в

снайперы. Уж этот такой лазила, что на него и заряда лазгана жалко.

--- Это, салажонек, еще одна из множества существующих здесь опасностей, --- стал объяснять Ларну Учитель. --- Время от времени орки снабжают какого-нибудь своего наиболее уравновешенного гретчина длинноствольной винтовкой и отправляют его на нейтральную полосу как снайпера. Конечно, гретчины едва ли когда-нибудь славились своей меткостью и в большинстве случаев представляют для нас лишь досадную помеху, но устранять ее все-таки нужно. К сожалению, это означает, что кому-то из нас сейчас придется выступить в роли приманки.

--- Я голосую за салажонка, --- заявил Зиберс, со злой утешкой глядя на Ларна. --- Он все равно погибнет, а кто знает, вдруг гретчу повезет.

--- Как мило с твоей стороны сразу записать его в добровольцы, --- опять ухмыльнулся Давир, прижав приклад лазгана к плечу и направив его ствол в сторону подозрительной воронки. ---

Особенно сейчас, когда, если мне память не изменяет, именно твоя очередь быть приланкой для снайпера. Так что заткни свой позаный рот и милости прошу из траншеи. Позаботься также о том, чтобы у гретча была куча возможностей в тебя выстрелить. Чтобы стрелять наверняка, мне нужно ясно видеть цель.

Невесело пробормотав себе что-то под нос, Зиберс взял лазган и положил лагони на бруствер ближайшей к нему оконной стены. Подарив Ларну на прощание полный ненависти взгляд, он подтянулся на руках и выпрыгнул из окна. Как только его ноги коснулись земли, Зиберс очертя голову бросился бежать. Низко пригнувшись, выписывая зигзаги, он рванул в сторону ближайшего стрелкового окна и, как только стог, бросился в глубину спасительного укрытия.

--- Нет, --- пробормотал Давир, не переставая сквозь оптику прицела взглядывать в воронку. --- Он так и не высунулся. Возможно, наш приятель умнее, чем мы думали. Или, может, он подумал, что Зиберс для него слишком костлявая и

невзрачная цель? Как бы то ни было, а возможности выстрелить я не получил.

--- Зиберс! Еще раз! --- крикнул Учитель, махнув рукой в сторону соседнего окопа.

Изобразив на лице крайнее недовольство, что было видно даже на расстоянии, Зиберс повторно выпрыгнул из окопа и, снова петляя, побежал к следующей линии траншей.

--- Он шевельнулся, --- сообщил Булавен, глядя на воронку в бинокль. --- Похоже, заглотнул наживку.

--- Спокойно, --- прошипел Давир. --- Ты меня отвлекаешь...

Затем медленно, так что это едва можно было заметить, он нажал на спусковой крючок; в тишине раздался отчетливый одиночный щелчок, и лазерная винтовка выстрелила.

--- Ты попал в него! --- ликующе воскликнул Булавен, передавая бинокль Ларну. --- На, салажонок, взгляни. Ты видел? Он попал в него!

--- Конечно попал, --- спокойно подтвердил Давир.

Затем он щелкнул затвором и поставил лазган на предохранитель. Хищная улыбка вновь исказила его лицо.

— И должен вам сказать, это был замечательно меткий выстрел, уж поверьте мне на слово!

Глядя в бинокль, Ларн старался увидеть нечто в воронке, но сначала на однообразном сером ландшафте не смог разглядеть и следа гретчина. Затем он все же его увидел — маленькую красную точку на сером валуне у самого края воронки. Желая рассмотреть ее получше, юноша навел в бинокле резкость и сразу же понял, что ошибся. То, что он принял за валун, на самом деле было головой гретчина, а красная точка оказалась мозгами твари, которые медленно вытекали из дыры в его расколотом черепе и тонкой струйкой сползали на землю. Мерзкая тварь была мертва, и единственным свидетельством ее смерти было это красное пятнышко на фоне всепоглощающего серого цвета здешнего мира. Яркое цветочное пятнышко посреди серой пустоши.

--- Вигел, салажонок, как действовал Зиберс? --- спросил Булавен. --- Вигел, как он, пригнувшись, бежал зигзагами от одного окна к другому, чтобы не дать гретчину как следует прицелиться?

--- Да, вигел, --- сказал Ларн, почувствовав что-то недоброе в твоей серьезности, с какой здоровяк обращался к нему сейчас; его слова прозвучали так, будто Булавен предупреждает его о чем-то. --- Но почему ты спрашиваешь?

--- А как ты сам думаешь, салажонок? --- хмыкнул Давир. --- Да потому, что Зиберс был сейчас настолько добр, что показал тебе, как это все надо делать. В следующий раз, когда мы засечем снайпера, придет твоя очередь быть приманкой.

Глава десятая

16:33 по центральному времени
Брушерака

ЕЖЕДНЕВНАЯ ДОЗА АДА И
СНОВА ТРАЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
НА ПЕРЕДОВОЙ

ОГОНЬ ПО СВОИМ
СТРАШНАЯ ДОГАДКА О
ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫХ ПОХОРОНАХ
ЕЩЕ ОДНА КОНСУЛЬТАЦИЯ С
ОФИЦЕРОМ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ
СВЕНКОМ

КАПРАЛ ГРУШЕН И НЕКОТОРЫЕ
ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

СЕРЖАНТ ЧЕЛКАР ЗНАЕТ, КАК
НАСТОЯТЬ НА СВОЕМ

--- Батарея, к бою! --- услышал он в
своем наушнике голос сержанта Дюма. ---

Орудийным расчетам: снять камуфляжные чехлы и приготовиться открыть затворы!

В одно мгновение артиллерийский парк своей активностью стал похож на потревоженное гнездо насекомых. Куда ни глянь — повсюду команды орудийных расчетов бежали на свои боевые посты, срывали камуфляжные брезенты и в экстренном режиме готовили орудия к бою. Наблюдая, как из-под сброшенных чехлов на свет появляются огромные сверкающие стволы его батареи — дюжина орудий типа «Разверзатель», — капитан Альваро Валерий Мерак позволил себе несколько секунд безмятежного созерцания. Еще бы! Дополнительные учения, которые он запросил для своих людей, шли как нельзя лучше. В действиях его орудийных расчетов не было и намека на расхлябанность, недостаток дисциплины или какую-либо несогласованность. Вся батарея работала эффективно и слаженно, как один настроенный, хорошо смазанный механизм.

— Зарядить орудия... — проревел сержант Дюма, и пронзительные

интонации его команды через
коммуникационные динамики, встроенные
в звукозащитные наушники
артиллеристов, были услышаны каждым
на батарее, --- ...фугасными зарядами!

Стоя в тени выгоревшего изнутри
здания, которое де-факто служило ему
командным пунктом, капитан Меран с
удовлетворением наблюдал, как
специальные заряжающие бригады ---
каждая из которых состояла из четырех
человек и была прикреплена к своему
орудийному расчету --- все, как одна,
устрелились к складу боеприпасов,
расположенному за орудиями, и скрылись
под брезентовым навесом. Еще через
мгновение они появились снова, и каждая
заряжающая бригада нежно, как ребенка,
несла на руках смертельный груз ---
блестящий, в метр длиной фугасный
снаряд. Затем, поднеся снаряды к орудиям,
заряжающие подняли их на высоту
открытой казенной части, после чего уже
другие артиллеристы затолкнули их в
каналы стволов.

--- Заложить пороховые заряды!

Снова прыгая в восторг как от до автоматизма заученных движений своих подчиненных, так и от безупречности их действий, Меран наблюдал, как заряжающие команды поспешно вернулись к складам, чтобы достать оттуда тяжелые, похожие на цилиндрические бочонки пакеты с кордитом, которые использовались здесь в качестве пороховых зарядов для артиллерийских выстрелов. Ныхтя под тяжестью груза, обращение с которым требовало даже большей осторожности, чем со снарядами, члены заряжающих команд проворно поднесли пакеты со взрывоопасным кордитом к казенной части орудий и затем снова заняли свое место у ящиков с боеприпасами.

— Закрывать затворы! Установить следующие прицелы... Угол горизонтальной наводки: пять градусов двадцать шесть минут. Повторяю: ноль, пять градусов; двадцать шесть минут. Вертикальная наводка: семьдесят восемь градусов тридцать одна минута. Повторяю: семь, восемь градусов; три, одна минута. Поправка на ветер:

ноль целых пять десятых градуса.

Повторяю: ноль, занятая, пять градуса...

И голос сержанта в наушниках вновь повторил параметры стрельбы, в то время как артиллеристы оружейных расчетов лихорадочно подкручивали колесики и зубчатые передачи систем наведения, чтобы навести «Разверзатели» по новым прицельным данным. Наконец все приготовления были закончены, и оружейные расчеты, отступив на шаг от своих пушек, застыли в ожидании дальнейших инструкций.

«Да, -- подумал капитан Меран, -- действуют как единый механизм! Эти артиллеристы и впрямь демонстрируют отменное мастерство. Как жаль, что никто из батарейного командования не видит этого. Будь они здесь, наверняка вынесли бы мне благодарность».

На какое-то мгновение ему вдруг пришло в голову, что неплохо бы за отличную службу отблагодарить оружейные расчеты и выдать им дополнительную порцию рекафа, но так же быстро он эту идею отбросил. Это

могло стать опасным прецедентом того, что бойцы за простое исполнение своих обязанностей получили от него дополнительное вознаграждение. Нет! Довольно с них будет и того удовольствия, что вечером, отходя ко сну, они смогут сказать себе, что долг свой сегодня исполнили с достойным восхищения мастерством. Заметив, что артиллеристы, повернув головы, с нетерпением ждут его приказа начать стрельбу, Меран с нарочитой театральностью достал из кармана хронометр на цепочке и, открыв его, проверил время. «Ровно шестнадцать-тридцать», — подумал он с улыбкой, и рука его потянулась к коммуникационному микрофону на форменном воротнике. Он уже был готов передать по воксу сержанту Дюма, чтобы тот отдал приказ дать залп из всех орудий.

Пришло время выдать оркам их ежедневную дозу ада.

Наверное, прошло полчаса с тех пор, как они уничтожили снайпера. Полчаса...

Вернувшись в свой окон, но еще пребывая в состоянии нервного напряжения, которого потребовала от него роль приланки, Зиберс угрюмо сидел в углу, с убийственной ненавистью глядя на Давира и остальных. Но больше всего он смотрел на Ларна. В такие моменты его глаза просто переполнялись ненавистью. Уже не первый раз Ларн задавал себе вопрос, почему этот человек без всякой видимой причины так плохо к нему относится. Хотя, учитывая теперешнее состояние Зиберса, уже было в пору спросить, за что тот его так ненавидит.

В остальном же все, кто был в окне, вернулись на места, которые они занимали, еще до того, как снайпер открыл по ним стрельбу. Привалившись спиной к запасным баллонам для огнемета, Давир вновь задремал, укрывшись второй шинелью, Учитель вернулся к своей книге, а Булавен продолжил нести вахту и, стоя вместе с Ларном на стрелковой ступени, неусыпно всматривался в просторы нейтральной полосы. Теперь, после того как миновал краткий период вызванного

снайпером всеобщего возбуждения, этот здоровяк стал тих и задумчив, как и все остальные.

«Как же сильно все изменилось! --- подумал Ларн, решив, что мрачная тишина последнего получаса, по крайней мере, дает ему возможность прийти в себя и спокойно поразмышлять о своем положении. --- Всего каких-то несколько часов назад мы вместе с Дженксом и другими ребятами нашего полка готовились к своей первой высадке на планету. Гадали, что там и как... Но даже в самых ужасных ночных кошмарах никто из нас не мог увидеть такого. Уж Дженкс-то точно не ожидал, что погибнет в своем кресле, даже не сумеет покинуть десантный модуль. А мог ли подумать сержант Феррес, что будет убит внезапно выстрелившим в него разрывным болтом? Не менее ужасная судьба постигла Халлана, Ворранса и Ледена... Все как говорил мне однажды один старый проповедник: "Никогда не знаешь, какая смерть тебя ожидает, пока ее не встретишь. А когда это произойдет,

бюджет уже слишком поздно что-либо исправлять"».

Немного отрезвленный этой мыслью, Ларн поежился от холода и еще раз задумчиво окинул взглядом просторы нейтральной полосы, тщетно стараясь найти хоть какой-то смысл в том, что он сюда попал. Однако, как он ни старался, никакого смысла увидеть не мог. Какой смысл может быть в той диспетчерской ошибке, что привела его в это место? Какой смысл в нелепой смерти его грузей и товарищей по оружию? Какой смысл в том, что ему фактически вынесли смертный приговор и он будет приведен в исполнение в ближайшие пятнадцать часов? Во всем этом не было никакого смысла. Ну просто никакого!

Обернувшись, чтобы взглянуть на остальных с высоты стрелковой ступени, Ларн краем глаза заметил, как блеснула истершаяся позолота букв на кожаной обложке старой, потрепанной книги, что читал Учитель. «Под знаком орла» — таким был ее заголовок. И ниже: «Славные свидетельства доблести из истории

Имперской Гвардии». Ларн вспомнил, что об этой книге им однажды говорили во время базовой подготовки. Это был сборник подвигающих боевой дух свидетельств о героических походах и былых победах лишь нескольких из многих миллионов полков армий Императора.

Наблюдая за погруженным в чтение Учителем, Ларн видел, как время от времени, при чтении некоторых эпизодов, лицо того светлеет, а по губам пробегают саркастическая улыбка. И снова юноша задал себе вопрос о прошлом Учителя. Давир как-то упомянул, что тот был призван из схолариума. «Может, все дело в том, что Учитель проходил обучение в каком-то высшем учебном заведении? — размышлял Ларн, ведь тот определенно имел тягу к знаниям и казался куда более просвещенным, чем все остальные, кто находился сейчас в траншее. — А если он и в самом деле учитель, то что он делает здесь, на передовой, на линии огня?» Это оставалось загадкой. Как было загадкой все, что касалось поведения и мотивации окружающих теперь Ларна людей.

С внезапно нахлынувшей на него грустью, порожденной, вероятно, чувством одиночества, Ларн понял, что ничего толком не знает о людях, с которыми ему приходится делить траншею. Так же, впрочем, как и о любом из тех, с кем ему уже довелось встретиться в Брушероке. Капрал Влагек, офицер медицинской службы Свенк, сержант Челкар, Вигмир, Давир, Зиберс, несчастный покойный Рензик — ни один из них даже отдаленно не был похож на людей, которых он знал до того, как прибыл на эту планету. Представ перед ним по очереди, все они оказались грубыми, циничными, злорадными, усталыми от жизни. Их манеры и поведение пугали Ларна, не говоря уже об их в высшей степени презрительном отношении ко всем учреждениям и традициям, в почтении к которым юноша был воспитан. Даже в разговоре с Булавеном, который был ему симпатичнее других варданцев, Ларн не мог не почувствовать некоторой сдержанности, как будто этот здоровяк побаивался слишком близко с ним

сходиться. Но это было больше, чем просто сдержанность. Это было больше, чем отстраненность в общении или недостаток эмоций. Эти люди казались Ларну совершенно непостижимыми — в некотором смысле почти как обитатели других миров, как орки. Слово это суровое, мрачное место далю жизни абсолютно новому, странному, далекотупревосходящему его понимание виду людей.

«Новый вид людей... — подумал он, и по его телу пробежала дрожь, которую сейчас никак нельзя было приписать морозному воздуху. — Новый вид, выкованный в адском огне и возвращенный на полях, залитых кровью».

— Похоже, салажонок, тебя совсем поглотили заботы, — произнес стоящий рядом Бүлавен, и звук его голоса после столь долгой тишины чуть не заставил Ларна подпрыгнуть. — Стоишь так, будто тяжесть всего мира легла на твои плечи. Хотя... может быть, не все так плохо? Как, не одолжишь мне одну-две из своих мыслей?

Несколько мгновений притихший

Ларн дұмал, можно ли выразить словами весь тот переполняющий его сұмбұр из мыслей и чұвств, но, когда он уже собирался ответить на вопрос Бұлавена, оба они вдруг услышали далеко позади грозный гром артиллерийских орудий.

--- Хм... Сұдя по звұкұ, стреляют «Звери», --- пробормотал Бұлавен, повернув голову в сторону доносящихся залпов.

--- «Звери»? --- удивился Ларн.

--- «Разверзатели», --- пояснил Бұлавен. Немного рассеянно, --- местная модификация «Сотрясателей», только побольше. А теперь бұдь добр, салажонок, помолчи. Здесь нұжно прислушаться...

И тұт Ларн услышал, как откұда-то издали до них донесся жұткий пронзительный свист летящих артиллерийских снарядов. По мере их приближения звұк становился все громче и громче. Когда же его источник, казалось, был прямо у них над головой, свист снарядов резко изменился, и в момент их финального, несущего смерть подлета к земле достиг ұжасающего по резкости крещендо.

— Ложись! — гикнул заорал Булавен и, схватив Ларна за воротник, неожиданно прыгнул вниз, утягивая того за собой на дно окна.

Неудачно приземлившись, Ларн со всего маху ударился животом о патронный ящик и, только уже лежа в грязи, понял, что здесь он не один. Дело в том, что разбуженные криком Булавена Давир и остальные также бросились на дно окна и уже распластались там, обняв землю так крепко, как обнимают только любимых после долгой разлуки. Оказавшись в куче тел лицом вниз, причем каблук чьего-то сапога пребольно давил ему на ухо, Ларн сделал попытку подняться, но тут же понял, что не в силах даже шевельнуться, так как сверху его придавила неподъемная туша Булавена. Впрочем, сколько бы у Ларна ни было вопросов о причинах столь странного поведения новых товарищей, он довольно быстро получил ответ на все. Ужасный свист над ними разом прекратился, и его мгновенно стенили разрывы снарядов, которые дождем просыпались на землю вокруг их траншеи.

— Тупые сүкины дети! — проревел Давир, но его крик почти полностью поглотил в оглушительном грохоте. — Это уже третий раз за месяц!

Тело Ларна вздрагивало в такт сотрясающейся от многочисленных взрывов земле, и он, закрыв глаза, в ужасе вжался лицом в грязь, хотя его губы не переставали шептать литанию о спасении. Но и во время молитвы в голове у него роилось множество новых вопросов, порожденных гневом и отчаянием. «Как это может быть? — думал он. — Булавен ведь сказал, что это наши пушки. Почему же они стреляют по нам?» Но ответа не было — лишь все новые и новые взрывы да фонтаны грязи, которые без конца поднимал продолжающийся обстрел.

Но тут, к счастью для них, взрывы вдруг как-то сразу прекратились.

— А ну, живо-живо-живо! Всем из окопа! — истошно закричал Давир. — Давайте быстрее, пока ублюдки не перезарядили орудия!

С трудом поднявшись на ноги, когда другие уже взбирались на заднюю стену

окна, Ларн быстро, как только мог, последовал за ними. Перетахнув через стену, он увидел, что все они рванули вниз по склону, в сторону линии блиндажей, и пробежали уже больше половины пути. Отчаянно бросившись вслед, Ларн поначалу не слышал ничего, кроме шума крови в ушах и бешеного биения собственного сердца. Но затем, медленно и неотвратно, как в ночном кошмаре, к нему пришло ясное осознание того, что он снова слышит свист подлетающих к земле снарядов и что ему не успеть добежать до спасительных блиндажей.

Оглушительный взрыв, внезапно раздавшийся совсем рядом, сбил его с ног и засыпал сверху потоками грязи. Когда же Ларн пришел в себя и почувствовал, что лежит на спине, под тяжелым слоем земли, жуткий страх от мысли, что он похоронен заживо, мгновенно охватил все его существо. Только открыв глаза и увидев над собой свинцовое небо, он понял, что все еще на поверхности. Отплевывая набившуюся в рот землю, Ларн, шатаясь, снова поднялся и продел несколько долгих,

стерпительно опасных для себя секунд в
бесстысленном брожении, растерянно
озираясь по сторонам и ощущая, как
колеблется под ним почва, сотрясаясь от
все новых и новых взрывов. Каким же
облегчением было для него услышать
знакомый голос, который сумел
докричаться до него не только сквозь
раскаты взрывов, но и сквозь шум, который
стоял сейчас у него в голове.

— Сюда, салажонок! — раздался
громкий крик. — Мы здесь! Давай сюда!

Это был Булавен. Стоя в укрытии, у
входа одного из блиндажей, стены которого
были надежно укреплены мешками с
песком, здоровяк отчаянно тахал ему.
Увидев его, Ларн не то побежал, не то
заковылял в его сторону, и когда наконец
достиг спасительного укрытия, то
лишился сил и почти рухнул на
протянутые к нему руки. Без промедления
подставив плечо, Булавен помог ему
спуститься по ступеням, в то время как
какой-то другой, чрезвычайно угрюмый
варганец поспешно захлопнул за ними
дверь блиндажа.

--- ...жонок... --- доносились до него
сквозь шум в ушах обрывки слов Бұлавена,
--- ...совсем рядом... думали... теря... тебя...

--- ...жонок... --- снова что-то сказал
Бұлавен, и те слова, которые Ларн
разобрал, прозвучали неясно и приглушенно,
будто голос здоровяка был затухающим
эхом в глинном тоннеле. --- Ты ка... в...
рядке?..

--- ...жонок!.. --- Лицо Бұлавена
покраснело от волнения, но тут Ларн
вдруг почувствовал ужасную слабость, и
мир вокруг стал далеким и тусклым.

--- ...жонок!..

В глазах Ларна потемнело, и он
потерял сознание.

Следующее, что он воспринял, были
трав и запах сырой почвы. Напрягая глаза,
Ларн посмотрел вверх и увидел над собой
узкий прямоугольник серого неба, со всех
сторон окруженный стенами из черной
земли. Когда же он попытался подняться,
то обнаружил, что конечности его не
слушаются. Он не мог пошевелиться,
однако факт паралича был воспринят им с

удивительным смирением и покорностью. Вдруг он увидел, как с какой-то головокружительной, как ему показалось, высоты к нему вниз заглянули четыре скорбленные фигуры в лохмотьях. По чертам и морщинам высохших лиц он их тут же узнал. Это были те самые старухи, которые возили трупы после сражения. Глядя на него с усталым безразличием, они начали говорить, причем одна продолжала речь там, где только что остановилась другая, следуя, похоже, некому ритуалу, который они выполняли до этого уже тысячи раз.

--- Он был героем, --- начала первая старуха, и тут Ларн начал медленно сознавать, что происходит какая-то ужасная ошибка. --- Все они герои. Все гвардейцы, которые погибли здесь.

--- Они --- мученики, --- продолжила другая, стоящая рядом. --- Проливая свою кровь, чтобы защитить нас, они превратили почву, на которой стоит этот город, в священную землю.

--- Брушерок --- это наша святая, неприступная твердыня, ---

продекларировала третья. --- Оркам
никогда им не завладеть. Сначала мы
готовим их атаку. Затем перейдем в
наступление и возьмем под контроль всю
планету.

--- Так говорят нам комиссары, ---
добавила четвертая, без особой
уверенности в голосе.

Затем старухи отвернулись и,
шурша надетым в несколько слоев рваным
тряпьем --- чем немало напомнили Ларну
хлопающих крыльями черных ворон, ---
снова исчезли из поля зрения. Юноша же
продолжал спокойно лежать на спине, но,
вглядываясь над собой в узкий
прямоугольник серого неба, ощутил, как
прежняя безмятежность постепенно
сменяется предчувствием чего-то
непоправимого и ужасного. «Здесь что-то
неправильно, --- подумал он. --- Они говорят
так, будто я уже умер! Слепые они, что
ли? Не видят, что я еще жив?» Он хотел
крикнуть им, позвать, сказать, чтобы они
вернулись и помогли ему вылезти из этой
странной ямы, в которой он оказался, но
слова отказывались слетать с его уст.

Оказалось, что и губы его, и язык были так же парализованы, как и все другие части тела. Тут до Ларна донесся резкий скребущий звук, будто совок лопаты вошел в сырую землю, и он сразу понял, что все ужасные предчувствия, которые зародились у него мгновением раньше, вот-вот станут реальностью.

«Это не яма! — сказал он себе уверенно, и его разум вскипел от отчаяния. — Это могила! И они собираются похоронить меня заживо!»

— Не стоит скорбеть по этой отлетевшей душе, — услышал он сверху строгий и ровный голос, когда первые комки земли упали на него. — Человек, рожденный от женщины, не создан для вечности. А раз жизнь ему дает наш бессмертный Император, то значит, и смерть в Его воле.

Почувствовав, как комья земли бьют его по лицу, Ларн предпринял отчаянную попытку подняться на ноги. Заполнить. Закричать. Позвать на помощь. Все напрасно. Он был не в силах даже пошевелиться.

— Убо, хотя душа бессмертна, телу
надлежит покинуть этот мир, — ровно и
невозмутимо продолжал вещать голос. —
Так пусть же останки этого человека
будут преданы разложению, ведь только
Император может жить вечно!

Бессильный что-либо сделать, Ларн
почувствовал, как еще одну лопату земли
бросили ему на лицо, после чего он будто
ослеп. Затем, когда частицы влажной
почвы стали проникать ему в рот и
ноздри, он ощутил еще один удар ковшей
земли по телу. С каждой лопатой земли,
что безжалостно бросали на него
невидимые, ни на мгновение не
прекращавшие свою работу могильщики,
тяжесть становилась все более
невыносимой. Очень скоро чудовищная
масса, что лежала у него на груди, сгавила
ему легкие, а рот и нос забило землей так,
что он не мог больше дышать. Биение
сердца стало замедляться, и его, теперь
уже немого и слепого, охватил
предсмертный приступ бессильного
отчаяния. Последним, что он услышал, был
бесконечный поток слов, который

скороговоркой произносил над ним
спокойный, безжалостный голос в жуткой
тишине:

--- Пепел к пеплу. Прах к праху. Все...
конец жизни. Да примет земля тело этого
человека!

--- Вот видишь! Видишь теперь, что
я был прав, --- услышал он голос Давира. ---
Говорил я тебе, что он не умер! Я, Свенк,
конечно, признаю твой авторитет в том,
что касается медицины, но, насколько я
понимаю, крайне редко бывает так, чтобы
покойник еще дышал!

Едва прыгав в себя, Ларн открыл глаза
и сначала был очень смущен, обнаружив,
что лежит на полу какого-то незнакомого
ему блиндажа, в то время как над ним
склонилась сухощавая фигура офицера
медицинской службы Свенка. Некоторое
время он не мог понять, куда же исчезли
открытая могила и та невыносимая
тяжесть, с которой земля давила ему на
грудь. «Наверное, мне все это в кошмаре
привиделось», --- решил он наконец. Затем
от резкого запаха у него заслезились глаза.

и он понял, что это Свенк, откупорив пузырек с нюхательной солью, поднес его к самому его носу. Вальм движением оттолкнув пузырек, Ларн попробовал было подняться, но твердая рука Свенка решительно легла ему на грудь.

— Не спеши, салажонок, — сказал медик и, подняв руку, выставил перед лицом Ларна три пальца. — Сколько пальцев видишь?

— Три, — ответил Ларн и тут заметил Булавена, который с озабоченным видом склонился над ним с другой стороны.

— Мы, салажонок, признаться, уже подумали, что тебя потеряли, — заговорил здоровяк. — Когда ты рухнул на землю, я был уверен, что снаряд, который разорвался совсем рядом, разжижил взрывной волной все твои внутренности! Такое иногда происходит от взрывов, даже если они не поражают твое тело шрапнелью. Ну, как бы то ни было, рад видеть, что ты до сих пор в полном порядке.

— Сколько теперь? — спросил Свенк, поменяв количество выставленных пальцев

и вновь поднеся их к лицу Ларна.

--- Два.

--- Хорошо, --- сказал Свенк. --- Умя свое можешь вспомнить?

--- Ларн. Арвин Ларн.

--- И откуда ты, Ларн?

--- Как откуда? С поверхности. Там обстрел...

--- Верно. Но я хотел от тебя услышать, Ларн, название твоего родного мира. Ты где родился?

--- На Джүмаэле, --- ответил Ларн. --- Джүмаэле Четыре.

--- Превосходно, --- сказал Свенк, и его лицо расплылось в широкой улыбке. --- Прими мои самые сердечные поздравления, салажонок. Поскольку контузии у тебя не обнаружено, ты, таким образом, признаешься годным к несению строевой службы. Если в ближайшие двенадцать часов вдруг почувствуешь тошноту или головокружение, прими, пожалуйста, два стакана воды и вызови меня утром. Да, и что касается головной боли, которую ты, без сомнения, в данный момент ощущаешь... Не волнуйся, это хороший знак.

Он означает, что ты все еще жив.

--- Ваше чуткое отношение к раненым просто удивительно, Свенк, --- раздался голос Давира, который неожиданно появился из-за плеча медика и теперь с любопытством глядел на Ларна. --- У даже достойно восхищения. Вы действительно делаете честь своей профессии!

--- Благодарю вас, Давир, --- ответил на его любезность Свенк, после чего встал и закинул медицинскую сумку на плечо. --- Такие неформальные проявления уважения всегда казались мне крайне трогательными. А теперь прошу прощения, господа, будет лучше, если я пойду и проверю другие блиндажи --- нет ли там раненых. Принимая во внимание плотность артобстрела, которому наша сторона нас сейчас подвергает, все шансы за то, что есть кто-то, кто больше вас нуждается в применении твоих талантов. Между прочим, должен предупредить тебя, салажонок, --- добавил он, глядя на Ларна с напускной серьезностью, --- несмотря на то что два ранения в один день едва ли могут считаться здесь чем-

то из ряда вон выходящим, все же это говорит о некоторой беспечности, которую ты проявляешь по отношению к собственной безопасности. Короче, обратишься ко мне еще раз сегодня за помощью, и я начну брать с тебя плату!

С этими словами Свенк повернулся назад, на каблуках и бодрым шагом направился к зданию в противоположном конце блиндажа. Только теперь, наблюдая, как военный врач открыл дверь и стал по лестнице подниматься на поверхность, Ларн обратил внимание на то, что приглушенные звуки взрывов не прекращаются, поскольку снаряды не переставая утюжат землю у них над головой. «Нас все еще обстреливают, — подумал он, когда туман у него в голове прояснился и он постепенно пришел в себя. — А офицер медицинской службы Свенк, посреди всего этого ада собирается выйти из блиндажа и отправиться на поиски раненых, нуждающихся в его помощи... Невероятно! Какими бы странными ни казались его манеры, он или безумец, или храбрейший человек, которого я когда-либо

увидел в жизни».

--- Ты все еще не очень хорошо выглядишь, --- нахмурившись, сказал Бұлавен, который до сих пор стоял нагнит на коленях. --- Лицо очень бледное...

--- И что?! --- воскликнул Давир. --- Откуда ты знаешь, может, теперь это его нормальный цвет, после того как из него все дерьмо вышибло?! Ты что, Бұлавен, не слышал, что сказал Свенк? Салажонок в полном порядке! Перестань кудахтать нагнит, как какая-нибудь глупая маташа-наседка, а лучше помоги встать. Если салажонок не утирает, у него нет права вот так валяться, занимая в блиндаже койку!

--- Ладно, салажонок, вставай, --- сказал Бұлавен, помогая тому подняться, и Ларн, оказавшись на ногах, в первый раз увидел внутреннюю обстановку незнакомого блиндажа. --- Только будь осторожнее. Если почувствуешь, что колени подгибаются, смело опирайся о мое плечо.

Внутри этот блиндаж был значительно меньше, чем тот, в котором

Ларн уже успел побывать прежде, — не более трети от площади той подземной казармы, где он впервые встретил сержанта Челкара и капрала Владака. Окинув взглядом толпу из десятка стоящих невдалеке гвардейцев, Ларн заметил в углу весь заставленный передающей аппаратурой стол. Рядом на стуле сидел небритый варганец-капрал изможденного вида, который одной рукой прижимал к уху наушник, а пальцем другой нажимал на кнопку «отправить» стоящего перед ним вокс-передатчика.

— Да, это я понимаю, капитан, — убеждал кого-то в микрофон капрал. — Но что бы там ни было на ваших тактических картах, уверяю вас, мы все еще удерживаем сектор 1-13...

— Это капрал Гришен, — объяснил Ларну Булавен, как только увидел, что тот смотрит на связиста. — Наш офицер связи. Сейчас он ведет переговоры с командиром батареи, что нас обстреливает.

— Что?! Вы хотите сказать, что они знают, что они по нам стреляют? — не

веря своим ушам, переспросил Ларн.

--- Я бы не слишком этому удивлялся, салажонок, --- ответил Давир. --- В конце концов, это ведь Брушерок. Такие СНАФы здесь отнюдь не редкость. Ты, полагаю, уже слышал такое слово? СНАФ? Говорю тебе: нет лучшего слова для описания всего того, что происходит на этой проклятой войне!

--- Насколько я понимаю, обычно всемувиной износ оружейных деталей, --- погодя немного, вступил в разговор Учитель. --- Я имею в виду причину тех инцидентов, когда наша собственная артиллерия начинает по нам стрелять. Старые детали изнашиваются, а новые зачастую бывают неверно откалиброваны. Или же они так много раз полировались и обтачивались, что после очередного подновления становятся почти нефункциональными. Однако какой бы ни была истинная причина, уверен, как только командир батареи войдет в наше положение, обстрел тут же прекратится.

--- Ха! Еще одна порция беспочвенного оптимизма! --- плюнул с досады Давир. ---

Да, Учитель, ты и верно становишься
таким же, как этот жирный болван
Бұлавен! Вот уже двадцать минут, как
Гришен вышел на связь со всей цепочкой
командования батареи, и все, чего он смог
до сих пор добиться, — это онемение в
задне от чрезмерно долгого сидения на
стуле! Нет, я бы не ждал, что этот
артобстрел в ближайшее время
закончится. Для того чтобы это
произошло, нужно, чтобы тот идиот,
который по нам стреляет, признал, что он
допустил ошибку. А зачем, скажите на
милость, ему это делать? Да может,
если он нас убьет, какая-нибудь
высокопоставленная задница в ставке
повесит ему медаль!

— Да, капитан, я понимаю, что вы
отдали приказ и он выполняется... — сказал
в вокс-передатчик капрал Гришен и умолк,
чтобы выслушать ответ.

Каждый в блиндаже притих,
напряженно вслушиваясь в рваные ритмы
этого разговора, вернее, той его части,
которая принадлежала Гришену. Капрал
начал снова:

--- Да, я все это сознаю, капитан. И вы правы, первая обязанность гвардейца --- беспрекословное подчинение. Но даже если допустить, что вы отдали приказ и он должен быть выполнен, в том случае, если приказ ошибочен...

Пауза.

--- Нет, сэр, конечно, вы правы. Божественная структура командования Имперской Гвардии исключает любую возможность того, что отданный вами приказ ошибочен. Однако позвольте переформулировать все то, что я сказал ранее. На самом деле я хотел сказать только то, что, возможно, проблема заключается не в самом приказе, а в практических аспектах его исполнения...

Еще одна пауза.

--- О нет, сэр. Я ни на секунду не ставлю под сомнение вашу компетентность...

И еще одна.

--- Да, сэр... Все, как вы сказали, --- ваша батарея работает как хорошо смазанный механизм. Но вы должны признать, что, если принять во внимание,

что мы, несомненно, находимся сейчас под
обстрелом, ошибка все же где-то имела
место...

Еще одна пауза.

--- Да, сэр, конечно... Вы ничего не
должны. Да, я все понял... Нет, сэр, вы
абсолютно правы. Всем известно, что
ставка не производит дураков в чин
капитана...

Казалось, этому не будет конца,
между тем сверху до Ларна, ни на минуту
не прекращаясь, продолжал доноситься
далекий гул взрывов. Но тут он услышал,
как за спиной у него открылась дверь, и в
помещение блиндажа, с лицом трагиче-
ска, вошел сержант Челкар. Группа
набившихся в блиндаж варганцев молча
расступилась перед своим сержантом, и
Ларн увидел, как Челкар решительно
направился в сторону сидящего у
передатчика Гришена.

--- Да, сэр, -- в очередной раз сказал в
микрофон Гришен, но тут, подняв глаза,
увидел подходящего Челкара. --- Конечно, вы
правы. Если здесь и произошла ошибка, то
только с нашей стороны, поскольку мы

находимся в секторе, предназначенном для обстрела, но... Прошу прощения, не могли бы вы задержаться еще на секунду. Только что вошел мой командир. Возможно, будет лучше, если вы прямо с ним обсудите этот вопрос...

--- Что происходит, Гришен? --- недовольно спросил Челкар, выложив перед собой на стол гробовик. --- Почему, черт возьми, эти идиоты продолжают по нам стрелять?

--- Я как раз сейчас на линии с капитаном, который командует данной батареей, сержант, --- ответил Гришен, дипломатично отпустив кнопку «отправить» на вокс-передатчике, так чтобы их больше не было слышно на другом конце линии. --- Я пытался ему объяснить, но, что бы я ни говорил, он и слушать не хочет. Он утверждает, что согласно его тактическим картам весь наш сектор уже три дня как перешел в руки орков, а это значит, что он вправе обстреливать его, даже если у него на это еще нет письменного приказа батарейного командования... Когда закончится обстрел?

Он говорит, что в соответствии с его приказанием обстрел прекратится ровно через один час двадцать семь минут, и ни секундой раньше. Он очень щепетилен в этом вопросе, сержант. Честно говоря, его можно было бы даже назвать немногим пертым.

--- Я понял, --- ответил Челкар. --- Освободите место у передатчика, Гришен. Я хочу сам поговорить с этим сукиным сыном!..

--- С вами говорит Юджин Челкар, --- начал он, взяв в руку наушники и нажав на кнопку, активизирующую вокс-передатчик. --- Действующий командир Девятым второго Варданского стрелкового полка. С кем я разговариваю?

На некоторое время, как и до него Гришен, Челкар умолк, прислушиваясь к голосу с другого конца линии, доносившемуся из наушников. Затем он заговорил снова, стараясь придать своему голосу максимум убедительности и серьезности.

--- Капитан Меран? Шестнадцатый Ландранский артиллерийский? ---

переспросил сержант. — Я понял. Ну так вот, слушай, что я тебе скажу, капитан... Нет-нет, я отлично знаю, что ты выше меня по званию, но тебе все равно придется меня выслушать. Я даю тебе две минуты, капитан. Две минуты. И если к тому времени обстрел не закончится, я прыгну к тебе, в какую бы дыру ты ни спрятался, и так пробью тебе с ноги в задницу, что ты каждый раз при глотании будешь чувствовать вкус кожи моих сапог! И ты знаешь, не думаю, что тебя это будет долго беспокоить, потому что пинок в зад — это так, для забавы. После я намерен взять гробовик и прострелить тебе череп. Я понятно излагаю?

Снова возникла пауза, пока Челкар выслушивал ответ капитана.

— Нет, капитан, это ты не понимаешь всей серьезности положения, — несколько секунд спустя сказал он. — Мне наплевать на твое звание и твои приказы. И мне все равно, сообщишь ты обо мне в Комиссариат или нет. В общем-то, пожалуйста, сообщай. Если они что и смогут для тебя сделать, так только

накрыть саваном на похоронах! Ты все никак не поймешь, что, даже если меня арестуют, вокруг меня целый полк, готовый выполнить мой приказ. А если ты думаешь, что Комиссариат ради твоей безопасности пожелает арестовать и снять с передовой целое боевое соединение, то, полагаю, ты несколько переоцениваешь свою фигуру в этой жестокой войне за город. Да, и, между прочим, капитан... Мой хронометр уже начал отсчет. У тебя осталась всего минута и двадцать секунд, чтобы принять решение. Челкар сказал все. Конец связи.

Вернув Гришену наушники, Челкар встал из-за стола и затер, как и все в блиндаже, напряженно вслушиваясь в раскаты раздающихся у них над головой взрывов.

— Я не понимаю... — прошептал Ларн. — Разве сержант не подписал себе смертный приговор тем, что так разговаривал с офицером?

— Может быть... — прошептал в ответ Булавен. — Хотя ты еще не знаешь Челкара, салажонок. За те семнадцать

лет, что я его знаю, ни разу не видел, чтобы он был хоть чем-то напуган. Если нужно что-то сделать, то он именно тот, кто сделает это! Чего бы ему это ни стоило. И все же не зашел ли он в этот раз слишком далеко, хотел бы я знать. Если только капитан переключит свой вокс и пожалуется на него в Комиссариат...

— Эх... Вы оба как малые дети, которые боятся собственной тени, — пробормотал стоящий рядом Давир. — Уж тебе-то, Булавен, следовало бы знать! Было хоть раз, чтобы Челкар нас погвел? Сержант знает, что делает! Начать с того, что эти обезьяны-артиллеристы всегда считали ребят с передовой сумасшедшими. Обратиться в Комиссариат? Да этот гданный капитан не постыет! Поверьте мне, пока мы тут с вами разговариваем, он, наверное, уже обделался от страха и теперь отдает приказ прекратить огонь!

И тут, словно в подтверждение слов Давира, пушки наверху разом столкнулись. Первые мгновения никто в блиндаже не проронил ни слова, с тревогой

прислушиваясь, не возобновятся ли залпы орудий. Но секунды без взрывов переросли в минуты, и всем стало ясно, что обстрел закончился.

— Ты понял, Гришен? — криво устехнулся Челкар. — Тут просто надо знать, как говорить с такими людьми, чтобы донести до них свою точку зрения.

Снова взяв в руки гробовик, сержант повернулся спиной к капралу и только сейчас заметил, что глаза всех, кто был в блиндаже, устремлены на него и на лице у каждого застыло выражение благодарности и священного ужаса.

— Не так уж это было и трудно, — сказал, обращаясь к ним, Челкар. — И все же, наверное, неплохая мысль — дать понять нашему другу капитану, что, если он не прекратит огонь, целый полк придет по его душу. Если бы он только знал, что Девятьсот второй Варганский состоит из одной роты! Тогда у него, возможно, хватило бы духу продолжить по нам стрельбу. Не такая уж и редкость, когда эти герои тыла обладают чрезмерно завышенным мнением о своих

возможностях.

После этих слов люди в блиндаже заулыбались, а некоторые даже расстелились, сбрасывая нервное напряжение. Видя, что атмосфера почти религиозного почитания успешно рассеяна, сержант избрал для разговора с подчиненными более деловой тон.

--- Ну ладно, --- сказал он. --- Довольно нам прятаться под землей. Возвращайтесь на свои позиции. Мы ведь не хотим оставить без защиты стрелковые траншеи, чтобы орки подумали, что сейчас самое время начать атаку? Так что вперед. Давайте все... пошевеливайтесь!

В то время как люди в блиндаже успешно двинулись к выходу, Ларн в последний раз бросил взгляд на Челкара и увидел, что тот, повернувшись к капралу Гришену, дает последние указания.

--- Гришен, я хочу, чтобы ты связался со ставкой, --- услышал он голос сержанта. --- Доложи им со всей возможной определенностью, что сектор 1-13 не находится в руках орков! Дай им понять,

что мы будем крайне обязаны, если они внесут соответствующие изменения в свои тактические карты. Да, и вот еще... Попробуй также связаться по воксу с батарейным командованием... Узнай, не будут ли они столь любезны, чтобы воздержаться в будущем от изданий приказов стрелять по нам. Это, конечно, скорее всего, не сработает, но должны же мы хотя бы сделать вид, что верим в то, что люди, которым поручено вести эту войну, имеют о ней хоть какое-то представление!

Интерлюдия

Что наверху, то и внизу, или
Гросстаршал Керчан и гений командования

По любым принятым в военной науке
критериям война шла из рук вон плохо.

Сидя трагичнее тучи на очередном
бесконечном совещании высшего
командного состава, его
превосходительство гросстаршал Турнас
Керчан, герой Варентийской кампании и
верховный главнокомандующий (всех родов
войск) наиславнейших армий Императора в
Брушероке, рассмотрев все факты,
которые в тот день довели до его сведения
подчиненные, не смог найти ничего, что
могло бы его порадовать. Прошло уже без
малого два часа, как он со своего места во
главе глиняного стола в Центральном зале
совещаний номер один был вынужден

слушать, как его командиры один за другим громко зачитывают перед собранием ставки последние доклады о положении дел на фронте. И во всех этих докладах, как и на одутловатых лицезмерных лицах докладчиков, ясно проступало одно очевидное, отчаянное желание переложить всю вину и ответственность за свои неудачи на других, тогда как, по сути, речь каждого из них сводилась к одному и тому же.

Они проигрывали войну.

--- Гросстаршал!.. --- услышал он шепот сидящего с ним рядом адъютанта полковника Влина, который, нагнувшись к его уху, неожиданно прервал ход его мыслей.

Отвлекившись от своих невеселых раздумий, гросстаршал вдруг понял, что давно уже перестал следить за ходом совещания. Подняв взгляд, он увидел, что глаза всех сидящих за столом направлены в его сторону и что каждый из присутствующих нервно ожидает его реакции по существу последнего доклада. Тщетно пытаясь вспомнить имя стоящего

перед ним офицера -- того самого, который только что докладывал, -- Керчан несколько мгновений пребывал в замешательстве.

-- Да, хорошо... Очень хорошо, -- пробурчал он себе под нос, но тут же ловко вышел из затруднительного положения: -- Очень убедительно и сжато... Превосходный анализ сложившейся ситуации, генерал... э...

-- Дюшан, -- произнес Блин полголоса, одновременно как бы невзначай подняв стопку бумаг до уровня губ, тем самым маскируя свою подсказку.

-- Да... генерал Дюшан, -- повторил за ним гросстаршал и, повернувшись в сторону обсуждаемого офицера, слегка кивнул тому в знак одобрения. -- Ваша оценка положения дел на фронте будет отмечена должным образом.

С явным облегчением на лице, похожий на хорька Дюшан едва не просиял от такой похвалы и, в глубоком поклоне выразив начальству свою признательность, весь нагнувшись от гордости, вновь уселся на свое место.

«Нет, вы только на него посмотрите, — с горечью подумал гросстаршал. — Этот человек явно идиот! У него ли он здесь такой одинок. Да я просто окружен идиотами! Похоже, весь этот проклятый город, от генерала до последнего рядового, набит трусами, идиотами и прожектерами!»

На какое-то мгновение гросстаршалу даже пришла в голову шальная мысль, а не лучше ли ему примерно наказать Дюшана? Прямо здесь и сейчас развенчать его перед всеми? Отдать приказ о его аресте, так чтобы он предстал перед военным трибуналом по обвинению в некомпетентности? «Пусть на время, но это могло бы вселить в остальных ужас перед Императором, — размышлял он. — Заставить их держаться при себе своими идиотскими идеями из страха, что и они могут столкнуться с тем же самым!» Однако какой бы заманчивой ни была для него эта идея, он все же вынужден был ее отбросить. В конце концов, он ведь только что прилюдно похвалил этого человека! Если бы он так быстро пошел на понятную,

то неизбежно показал бы себя нерешительным и непоследовательным руководителем. Нравится ему это или нет, но по меньшей мере в этот день идиот Дюшан никак не может подлежать аресту, почти столь же неуязвимый для grosстаршала, как тело какого-нибудь имперского святого. Теперь это уже был вопрос поддержания уважения ко всей командной цепочке. Раз уж grosстаршал Керчан огласил свое мнение о человеке, никаких других суждений на этот счет быть уже не могло.

«И потом, -- думал Керчан, -- начать с того, что именно я был тем человеком, который назначил Дюшана на его должность. Накажи я его сейчас за несоответствие, это тут же было бы воспринято как признание того, что я был не прав, когда выдвигал его на столь высокий пост. Что бы grosстаршал ни сделал, он никогда не должен признавать ошибок. В глазах других он всегда должен выглядеть безупречным и непогрешимым! Даже допущение мысли, что это не так, губительно действует на том

благозовейный, природный страх, который испытывает каждый гвардеец по отношению к своим мудрым командирам. Конечно, этот страх большинство из них будут испытывать в любом случае, но такова уж природа войны — она с неизбежностью порождает разного рода еретиков и отступников».

И тут с тупой болью, которую обычно сопровождала в его душе холодная ярость, гросстаршал вдруг вспомнил офицера, чье место занял Дюшан в ставке. «Как же его звали? — стал напрягать он память. — Минар? Минарис? Минован?» Он почти уже повернулся к полковнику Влину, чтобы у того спросить имя предшественника Дюшана, но в этот миг оно само пришло ему в голову. «Минован! Вот как звали этого человека!» Всплывшее в памяти имя принесло с собой и яркий индивидуальный образ того, кому оно принадлежало, и гросстаршал Керчан тут же почувствовал, что его унылое, безрадостное настроение стало еще более мрачным.

Из всех его штабистов Минован

всегда казался самым выдающимся и перспективным. Будучи образцом боевого офицера, с уже имевшимся у него блестящим послужным списком, куда, помимо прочего, входили и награды за храбрость, Миорован достиг генеральского чина в удивительно короткий срок. Если у этого человека и был недостаток, то он заключался лишь в одном-единственном его качестве, с которым, однако, превыше всего ценивший субординацию Керчан никак не мог смириться.

Дерзость.

Миорован и вправду был дерзок. Дерзок настолько, что две недели назад, на общем штабном собрании, у него хватило безрассудства оспорить одно из предложенных гросстаршалом военных решений! Пришедший в ярость Керчан тут же на месте лишил его всех званий, разжаловав в рядовые пехотинцы, и приказал немедленно отправляться на передовую, в какую-нибудь действующую боевую часть. Затем впопыхах он принял решение, о котором теперь горько сожалел. Он повысил в звании Дюшана.

тогдашнего полковника, человека, который по своим способностям едва ли соответствовал роли помощника командира, и приказал ему занять место Мирована при совете ставки. И вот теперь, хоть он и оставался в уверенности, что приструнить Мирована было, без сомнения, делом правильным, в то же самое время гросстаршал не переставал испытывать какое-то неясное тревожное чувство. «Во многих отношениях Мирован был достоин восхищения, — думал он с грустью. — И уж точно был чертовски более компетентным, чем большинство этих подхалимов и никчемных лакеев, которые изо дня в день, сидя за этим столом, приводят меня в бешенство. Хотел бы я знать, что с ним сейчас...»

— В свое роде человек он был хороший... — задумчиво произнес гросстаршал. — Было бы досадно узнать, что он погиб.

Все, кто сидел за столом, с недоумением воззрились на него. Керчан понимал, что невольно вырвавшимся

словами он, должно быть, прервал бурную дискуссию, которую вели вокруг него члены ставки, о том, имеет или нет значение только что прочитанный доклад Дюшана. В растерянных взглядах сидящих по обе стороны стола генералов, которые будто не знали, как и на его слова реагировать, застыла целая гамма чувств — от неуверенности и недоумения до благоговейного трепета. Даже всегда преданный Влин смотрел на него как-то странно. Керчан, однако, ничуть не смутился. Если жизнь, большую часть которой он прокомандовал солдатами, его чему-то и научила, то только одной довольно нехитрой истине. Человеку с абсолютной властью, дающей ему право даровать жизнь или посылать на смерть, совсем не нужно извиняться за свое поведение.

— Я тут вспомнил Мирована, — сказал он, повернув голову к Дюшану. — После того как его разжаловали, он ведь был передан под ваше командование, не так ли? Ну и что с ним с тех пор произошло?

— Я... Я не совсем в курсе, ваше превосходительство, — начал Дюшан, сконфузившись под пристальным взглядом гросстаршала. — Я поручил одному из моих адъютантов назначить его на новую должность... Чтобы сказать, куда именно он был направлен, мне нужно свериться с батальонным расписанием дежурств...

Однако дрожь в голосе не позволила несчастному Дюшану скрыть свое замешательство, и постепенно он утолкнул, что в данных обстоятельствах было почти равносильно признанию вины.

«Вероятно, он направил этого человека в самую худшую часть и заставил выполнять там самые опасные поручения, какие только смог для него найти, — подумал Керчан. — Куда-то туда, без сомнения, где проходили самые жестокие бои и где Мирован без особой доли везения не смог бы протянуть и недели. Ничего удивительного! Ведь, в конце концов, пока их бывший генерал еще жив, всегда есть опасность отступничества и лаятежа среди людей, которые прежде служили под его началом.

Сак что Мирован, вероятно, уже мертв. Не то чтобы я винил Дюшана за это решение, конечно... Отступничество -- это раковая опухоль. Будь я на его месте, я бы и сам, наверное, сделал то же самое».

Но глазам сидящих вокруг него людей гросстаршал понял, что упоминание имени Мирована повлекло за собой совершенно непредвиденные последствия. Казалось, что каждого находящегося за столом, как и Дюшана, охватило то же странное замешательство, будто воспоминание о внезапной опале Мирована лишило всех дара речи. Глядя на них, гросстаршал вдруг стал сознавать, что пусть и совсем неумышленно, но все же достиг своей изначальной цели. «Упоминание о Мироване сделало свое дело, -- радостно подумал он. -- Похоже, оно вновь вселило в них страх перед Императором!» Уже не в первый раз Керчан был ошеломлен масштабом собственного гения, когда дело касалось придания нужной мотивации подчиненным. «Я даже не сознавал, что сделаю это, -- восторженно думал он. -- И все же, благодаря какой-то счастливой

случайности, я, кажется, добился ровно того эффекта, который был мне нужен! Но нет, это была не случайность... Тот факт, что я достиг своей цели, означает, что бессознательно или как-то еще, но все это время я шел к ней! Когда ты гростаршал, у тебя в жизни не может быть случайностей!» Затем, силась вызвать у себя на лице как можно более загадочную и зловещую ухмылку, гростаршал вновь вернулся к разговору с Дюшаном.

— Не стоит, Дюшан, — сказал он, с удовлетворением отметив, что подчиненный, похоже, слегка ободрился при виде такой перемены в его настроении. — Я спросил лишь из любопытства, не более. Так... перейдем к другим вопросам. Полковник Влин, чье сообщение у нас на повестке следующее?

— Магоса Гарана, ваше превосходительство, — ответил адъютант. — Он желает сообщить нам данные о месячной выработке городских оборонных мануфактуров.

Хорошее настроение, которое лишь на краткое время посетило гростаршала,

мгновенно улетучилось, и теперь он с
упавшим сердцем наблюдал, как медленно
у его ног вырастает мрачная фигура
брюшеровского архимагоса из Agentus
Механикус, закутанная в плащ с
капюшоном. Настолько же человек,
насколько и машина — весь в гудящих
приборах, которые намного больше
отведенного природой срока поддерживали
жизнь в их владельце, — древний, иссохший
архимагос под своей сутаной уже давно не
выглядел как нормальные люди. Наиболее
неприятное впечатление производили
механогендриты — четыре тонкие,
похожие на щупальца механические руки,
которые периодически появлялись из
складок сутаны магоса, когда нужно было
подрегулировать один из множества
покрывающих его плоть приборов.

Гросстаршал всегда находил внешний
вид этого существа отталкивающим,
однако истинные причины его неприязни к
магосу Гарану лежали более в
практической плоскости, чем в столь
спорной и трудно определяемой области,
как эстетика. В отличие от всех

остальных сидевших сейчас за столом
совещаний, магос Гаран не обязан был
исполнять любую прихоть гросстаршала.
Будучи старейшим членом Агентус
Механикус в городе, Гаран присутствовал
здесь не как его подчиненный. Без агенто
машин, которые ежедневно поддерживали
работу всех городских мануфактуров,
гросстаршал просто не имел бы
боеприпасов для своих войск. Никаких новых
лазганов. Никаких реактивных установок.
Никаких зарядных энергобатарей. Ни
гранат, ни мин для минометов, ни
артиллерийских снарядов, ни соеи других
вещей, которые нужны были каждый день
гвардейцам, чтобы сдерживать орков на
подступах к городу. В таких
обстоятельствах гросстаршал вынужден
был вести переговоры с магосом Тараном,
будто тот являлся представителем
какого-то иностранного государства. Он
мог с ним договариваться, упрашивать, но
приказывать — никогда. Тот говорил с
ним на равных, а не как подчиненный.
Керчан же, по своей природе бывший
человеком, совсем не склонным к тонкой

дипломатии, давно уже понял, что с
трудом выносит общение с высокомерным
магосом.

--- За последние тридцать дней
производство городских мануфактуров
упало на четыре целых тридцать четыре
сотых процента... --- сухим, монотонным
голосом начал читать свой доклад магос,
который, похоже, уже так давно забыл,
что он человек, что даже не делал
попыток смягчать дурные новости. ---
Причины такого падения производства
следующие... Первое: потеря пяти
мануфактуров в секторе 1-49, данный
сектор был большей частью опустошен
орками. Второе: разрушение еще одного
мануфактура в секторе 1-37,
произошедшее в результате рейда
небольшого отряда орков, которому по
неизвестной причине удалось прорваться
внутрь охраняемого городского периметра.
Третье: ущерб, нанесенный дальнобойной
артиллерией орков еще пятнадцати
мануфактурам в секторах с 1-22 по 1-25.
Четвертое: дополнительный ущерб трем
из вышеперечисленных мануфактуров

от бомбовых атак гретчинов-стертников.
Пятое: задержки в восстановлении и
ремонте поврежденных оборонных объектов
из-за хронической нехватки
квалифицированного персонала. Шестое:
вспышка эпидемии неизвестного вирусного
заболевания среди неквалифицированных
рабочих одного из мануфактуров в
секторе 1-19, в результате чего, по
причине смертей и нетрудоспособности
персонала, произошла потеря 180 757
рабочих человеко-часов. Седьмое: потеря
162 983 рабочих человеко-часов, которая
произошла из-за беспорядков среди
гражданского населения, вызванных
недостаточным питанием
неквалифицированных рабочих одного из
мануфактуров в секторе 1-32. По
имеющимся данным, в результате
подавления беспорядков, по причине
ранений и смертей, было потеряно еще 34
234 рабочих человеко-часа...

Без всяких эмоций на лице магос
продолжал монотонно зачитывать,
казалось, нескончаемый перечень
произошедших за последний месяц

несчастий. Слушая его, гросстаршал Керчан вновь почувствовал, что впадает в отчаяние. Прошли уже недели, если не месяцы, с того момента, как согласно его стратегическим расчетам битва за Брушерок должна была быть выиграна. Более того, к сегодняшнему дню по этим планам они должны были бы уже вырваться из этого забытого Императором города и по всем фронтам далеко отбросить противника. Однако каким-то непостижимым образом орки после долгих десяти лет сражений все еще не выказывали никаких признаков скорого краха или истощения, в то время как гросстаршал, напротив, из дня в день, каждый час, на каждом своем шагу сталкивался с проявлением пораженческих настроений. С раннего утра до поздней ночи почти все свое время проводил он в окружении десятков ноющих гилетантов, и у каждого из них, как правило, было свое оправдание и своя горестная история.

Агентус Механикус жаловались, что у них для работы мануфактуров нет ни запасов сырья, ни достаточного числа

рабочих. Офицеры медицинской службы жаловались, что им для своих апотекариумов все время не хватает то медикаментов, то хирургов. Командующие отрядами гражданского ополчения, которых он сам назначил для руководства городской инфраструктурой, жаловались, что им катастрофически не хватает ресурсов для обеспечения населения продовольствием и питьевой водой. А хуже всего было то, что его собственные генералы ему постоянно жаловались! То на нехватку людей, то на дефицит оружия, то на недостаточную поддержку артиллерией, то еще черт знает на что. Одна жалоба за другой, после которой следовала еще одна чертова жалоба. И при всем при этом гросстаршал прекрасно понимал, для чего на самом деле нужны были все эти жалобы. Они так оправдывались! Поэтому ничего удивительного, что порой он чувствовал в себе такую ярость и едва сдерживал в себе желание выбрать наугад одного из таких генералов и в назидание другим прожечь ему голову лучом из своего лазеристолета!

«Один выстрел... — подумал он, и его лапоть машинально легла на гладкую, филигранно отделанную рукоять пистолета, который, как символ власти, висел у него на боку. — Прямо здесь и сейчас. Вот это и в самом деле вселило бы в них страх перед Императором!»

— ...Пятнадцатое: потеря 38 964 рабочих человеко-часов по причине нехватки электроэнергии в секторах с 1-42 по 1-47, — неумолимо продолжал вещать магос, в то время как извивающиеся механогендриты, словно живя собственной жизнью, регулировали вживленные в его тело приборы. — Шестнадцатое: в результате взрыва потеря мануфактурта в секторе 1-26. Сообщается, что взрыв произошел из-за сбоя в системе электроснабжения, который случился по причине ошибок, допущенных при монтаже изоляционной трубки.

Семнадцатое...

И так далее, и так далее... Гросстаршал почувствовал облегчение, когда звук отрывающейся за его спиной двери отвлек его от угнетающе-

заунывного доклада магоса. Слегка повернув голову, он краем глаза увидел, как один из агьютантов Влина прошел из приемной в зал собраний. Подойдя к столу совещания, он вручил полковнику инфопланишет, после чего отдал честь и, ловко повернувшись на каблуках, быстро ушел. Нажав на дисплее кнопку и выведя на экран доклад, хранящийся в инфопланишете, Влин целую минуту молча его изучал. Затем его лицо заметно побледнело, и, подняв глаза, он робко взглянул на гросстаршала.

--- Что там такое, Влин? --- прозвучал вопрос на фоне речи магоса, которая неутомимо продолжала течь.

--- Я только что получил генешу с последними данными из отдела стратегического анализа, ваше превосходительство, --- неуверенно произнес Влин, чей голос сейчас заметно дрожал. --- Но здесь, должно быть, какая-то ошибка...

--- Дайте-ка мне посмотреть, --- сказал гросстаршал и властно протянул к Влину руку, явно желая, чтобы тот передал ему инфопланишет.

Несколько мгновений Влин колебался, словно не вполне уверенный, что ему следует это сделать, но привычка подчиняться, которая за пятнадцать лет службы у гросстаршала воцелась в его плоть и кровь, оказалась слишком сильна, чтобы ей противиться, и он с неохотой послушался. Охваченный любопытством относительно того, что же могло так потрясти его адъютанта, Керчан взял инфопланишет и пробежал глазами текст содержащегося в нем доклада. На первый взгляд там не было ничего, о чем бы не рассказывал ему Влин, — просто очередной сухой анализ от счетоводов из ОСА с множеством фактов и цифр... Но вот наконец взгляд гросстаршала дошел до заключения...

— Проклятие! — взревел Керчан.

Словно в каком-то угаре, даже не успев понять, что делает, гросстаршал в ярости швырнул инфопланишет, который, пролетев через весь зал, с грохотом ударился о стену. Плексигласовый экран покрылся трещинами. Ошеломленные такой вспышкой гнева, все, кто сидел за

столом, застыли, по-игуотски открыв
рты. Даже магос Гаран не стал
исключением: его механогендриты вдруг
затерли, а сам он, прервав доклад,
неподвижно уставился на Керчана, будто
не зная, как лучше на все это реагировать.
Все молча смотрели на гроссмаршала, и в
настороженных взглядах почти физически
ощущалась одна их общая мысль.

«Они думают, я сошел с ума, — сказал
себе Керчан, буря гнева которого утихла,
как только он выместил всю свою ярость
на несчастном инфопланишете. — "Старик
начал терять рассудок", — вот что они
себе сейчас говорят!»

— Оставьте меня, — спокойно сказал
он с неподвижной, мертвой маской на лице,
когда вдруг почувствовал, что устал и не
желает больше смотреть им в глаза.

— Оставьте меня! — приказал он
снова. — Уйдите все! Убирайтесь отсюда
немедленно!

Заметно испуганные, низко опустив
головы, чтобы лишний раз не встретиться
с ним взглядом, члены совета при ставке
встали, поклонились своему начальнику и

В знемирующей тишине поспешно покинули зал
совещаний. Все, кроме Влина. В то время
как другие двинулись к дверям, адъютант
осторожно подошел к валяющемуся на полу
инфопланшету и, подняв его, уже собирался
унести с собой.

— Оставьте это здесь, Влин! —
твердо сказал гросстаршал. — Положите
на стол и можете идти с остальными.

Вскоре он остался один. Теперь, когда
люди покинули торжественный зал
собраний, огромное пространство вокруг
показалось ему пугающе пустым и унылым.
Гросстаршал стал думать о том, не
слишком ли он увлекся и что впредь ему,
пожалуй, следует лучше держать себя в
руках. Известно ведь, что генералы по
своей природе неисправимые сплетники.
Можно не сомневаться, что в течение
часа новость о его беспричинной вспышке
гнева станет известна всей ставке, а к
завтрашнему дню, вероятно, разлетится
по всему городу. А в эти дни испытаний
даже гросстаршал должен держаться
настороже. Что бы ни говорилось в уставе
Имперской Гвардии, а положение

командующего в осажденном городе крайне ненадежно. Досужие сплетни об инциденте с инфопланишетом легко могли привести к обсуждениям состояния его психического здоровья, а такие обсуждения, в свою очередь, подорвали бы его авторитет, готовя богатную почву для произрастания отврагительных, родственных груг гругү цветов инакомыслия и тятежа. Нет, он не боялся. Многолетний опыт наүчил его, что у гросстаршала всегда есть надежный способ для поддеержания порядка.

«Пришло время для новой чистки! --- дүтал он. --- Сегодня вечером я скажү Влину, чтобы он связался с Комиссариагом. Пусть они пришлют список всех выше чина майора, кого они подозревают в измене. Несколько показательных сүгов и расстрелов покончат с проблемой такого рода еще в зародыше. А пока мы бүдем работать со списком, я попрошү Влина добавить түда Дюшана. Да, еще одна чистка. Это именно то, что сейчас нүжно».

Теперь спокойный и собранный, он

Вновь обратил внимание на объект, который изначально вызвал у него столь сильное неприятие. Взяв со стола инфопланишет, положенный туда Влином, гросстаршал еще раз пробежал глазами текст и графики доклада, которые с трудом, но еще можно было разглядеть на разбитом экране дисплея. Заключение было едва читаемым. В докладе на основании последних оценок темпов рождаемости орков, а также темпов убыли находящихся в городе людей и истощения их ресурсов делался вывод о том, что Брушерок сможет продержаться в лучшем случае еще шесть месяцев.

«Шесть месяцев! — трачно подумал гросстаршал. — Надо не забыть сказать Влину, чтобы он также добавил к списку того, кто подготовил этот доклад. Подумать только, утверждать, что городу осталось жить всего шесть месяцев, когда любой дурак знает, что блокада вот-вот рассыплется и победа практически у нас в руках!»

Отметив про себя еще одну причину, по которой о докладе следует молчать,

Керчан отбросил в сторону инфопланшет и несколько минут в полной тишине неподвижно сидел в кресле. Ощущая на своих плечах тяжкий груз ответственности, он и сам не заметил, как к нему вернулись его прежние невеселые мысли. «Нет мне покоя! — горько подумал он. — Набежали тревоги со всех сторон. Вообще, довольно скверно, когда в завершение долгой и славной карьеры тебя переводят на никому не нужную войну на не имеющей никакого стратегического значения планете. А еще того хуже, когда тебя обрекают на долгую осаду без всякой надежды на освобождение со стороны. Впрочем, все это ерунда. Военный гений, что помогал мне одерживать победы в прошлом, меня не покинул. Я все еще великий военный лидер, и мой план хорошо продуман. Вскоре я прорву блокаду и верну Императору эту планету! А когда я сделаю это, тем дуракам из Верховного совета боевых генералов, что были ответственны за мой перевод в это ужасное место, придется ступенно наблюдать за моим триумфом и

славословить меня за каждую из моих побед! Я — гросстаршал Турнас Керчан! Моя судьба все еще в моих руках. Я выиграю эту войну и довольно скоро смогу прибавить к моим и без того многочисленным титулам еще один — герой Брушерака! Да я просто не допущу, чтобы события здесь развивались как-то иначе!»

Потом, заметив одинокий лист, особняком лежащий посреди вываленных на стол документов и карт, гросстаршал обнаружил нечто, что возбудило в нем живой интерес. Это был последний выпуск «Веритас» — выходившего дважды в день городского новостного листка, и Керчан, как и частенько в прошлом, в минуты, когда ему под грузом навалившихся проблем становилось особенно тяжело, обратился к бюллетеню в надежде почерпнуть там порцию уверенности и оптимизма.

«Разгром орков в секторе 1-13, — гласил заголовок. — Победоносное прибытие 14-го Джумаэльского!»

«Да, — думал гросстаршал, читая

статью под заголовком. --- Не важно, что
говорят другие, --- вот доказательство
того, что я во всем прав! Доказательство
неминутного приближения победы, а также
того, что мой план ведения войны
оправдывается. Мы одерживаем победы.
Мы разбиваем орков. Мы побеждаем в
этой войне! Как же в новостях все верно
описано!»

Глава огуннагцатая

17:54 по центральному времени
Брушурока

МАЛЬЧИК И ОТНОШЕНИЕ К
ДЕТЯМ В БРУШУРОКЕ
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТРАНШЕИ,
ЧАСТИ 1, 2 и 3
НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ПО
ПРОБЛЕМЕ ВЫЖИВАНИЯ
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СЕМЕЙНОЕ
ПРЕДАНИЕ

Его звали Мальчик. Конечно, его Ма
при рождении гала ему какое-то другое
имя, но она уже года три как умерла, а он
тогда был слишком мал, чтобы удержать
в памяти то, как она его тогда называла.
Вместо этого он стал реагировать на
обращение, которое использовали

городские ополченцы, когда пытались его поймать, чтобы отвести к люгитамашинам, в их огромные, вселяющие в него ужас сборочные цеха. «Уди сюда, мальчик! -- запыхавшись от бега, кричали ему люди с тупыми красными лицами, когда он, петляя среди развалин, убежал от них. -- Мы не сделаем тебе ничего плохого!» Некоторые из них -- наверное, как он думал, самые умные -- даже пробовали пускаться на хитрость. «У нас есть еда! -- кричали они. -- Уди к нам, мы с тобой поделится!» Но и так и не удалось его одурочить. Для всех он был Мальчик, и он продолжал жить в руинах разрушенного города своей дикой, опасной, но свободной жизнью. Как ополченцы и люгитамшины ни старались, у них никогда не получалось его схватить.

Кутаясь в накидку, которую он, чтобы спастись от холода, смастерил из крысиных шкурок и найденного на свалках тряпья, Мальчик сидел притаившись в одном из каменных завалов, ожидая, не подойдет ли к его приманке кто-нибудь из детей Капитана Крысы. Обьедков в эту

неделю было много, и Капитан Крыса ежедневно присылал по крайней мере одного из своих сыновей, чтобы Мальчик мог его убить и съесть. За это Мальчик сделал все, как он обещал Капитану: забыв всех прочих богов, возносил ему молитвы наг телом каждой посланной ему жертвы. До сих пор такое соглашение казалось Мальчику весьма выгодным, вот только сегодня, несмотря на то что он уже несколько часов просидел на одном месте, Капитан, похоже, не слишком торопился выполнять свою часть сделки.

Но вот Мальчик наконец увидел, как что-то стало меняться. Соблазнившись запахом, который обещал ей легкий доступ к свежим объедкам, из своей норы в ближайшей гряде щебня вылезла крыса. Направляясь в сторону пританки, она быстро пересекла каменные завалы, однако, не добежав до жирного кусочка мяса, который специально оставил там Мальчик, крыса вдруг замерла. Будто подчиняясь внутреннему инстинкту, который предупреждал ее об опасности, она стала настороженно шевелить

усаками.

«Теперь уже слишком поздно шевелить усами, Братец Крыса, — подумал Мальчик, и хищная улыбка заиграла на его потрескавшихся губах. Он прицелился из своей рогатки и, спустив тугую тетиву, выстрелил двухдюймовым стальным гвоздем. — Не надо быть таким жадным, чтобы вот так, среди бела дня, вылезать на открытое место!»

Сильно и точно пущенный гвоздь попал крысе точно в загривок и, пронзив позвонки, пробил череп. Вскочив на ноги еще до того, как гвоздь достиг своей цели, Мальчик выпрыгнул из укрытия и стремглав бросился по битому щебню за своим охотничьим трофеем. Схватив мертвую крысу за хвост, он тут же повернулся и кинулся назад, снова ища убежища в облюбованном им потайном месте. Вытащив затем из мертвой тушки гвоздь и проведя себе пальцами по щекам две кровавые полосы, он встал на колени и молча вознес благодарственную молитву своему невидимому благодетелю.

«Хвала тебе, Капитан Крыса, —

говорил он про себя, глядя на добычу и оценивая лежащую на земле тушку. --- Хвала за то, что ты производишь на свет столько детей. Хвала за то, что все они такие большие и толстые. А также хвала за то, что ты каждый раз посылаешь их мне и не даешь умереть с голоду!»

На этот раз ему попалась большая крыса. У нее была красивая гладкая шерстка, а ее задняя, филейная, часть была особенно мясистой, что обещало ему сегодня --- он это точно знал --- скорую сытную трапезу. Но этим польза от убитых крыс для Мальчика не ограничивалась. Из их шкурок можно было сделать одежду, из сухожилий сплести веревку, а из костей, зубов и ногтей изготовить иглы и крючки для ловли тех же самых крыс. Ни одна из частей тела грызуна не пропадала напрасно. Благодаря особым навыкам выживания, которые он приобрел, сначала наблюдая за матерью, а потом, когда ее не стало, самостоятельно, Мальчик почти всему научился находить применение.

Ему вдруг вспомнилось, как было,

когда жила его Ма. Он вспомнил погвал,
где они жили, ее доброе, изнуренное
постоянной заботой лицо, тихие
колыбельные, которые она ему пела, когда
он засыпал. Вспомнил, как он сидел у нее
на коленях, а она рассказывала ему, почему
им надо скрываться. «Это все генералы, ---
объясняла она тогда. --- Они говорят, что
дети в военное время --- это обуза, что все
люди, которые живут в Брюшереке,
должны служить в ополчении, а за их
детьми пусть приставляют в
орфанариумах. Но я им не верю! Я думаю,
они хотят отгнать детей Агентус
Механикус --- людям-машинам, --- так
чтобы они стали рабочими в
мануфактурах, в этих больших и
опасных сборочных цехах. Но я не позволю
им это с тобой сделать, мой маленький. Я
не позволю им забрать тебя. Знай, что бы
ни случилось, твоя Ма всегда сумеет тебя
уберечь!»

Тут на душе у него стало тяжело,
потому что Мальчик также вспомнил и
другое. Он вспомнил, что однажды ночью,
когда они тихо сидели, укрывшись в

погвале, у них над головой прозрел
оглушительный взрыв, раскаты которого
прокатились по земле, и все, что
случилось с ними после. Он вспомнил, как
осел потолок и как потом он с ужасом
глядел на лежащее среди камней
раздавленное тело матери. Он вспомнил
ее лицо, покрытое густым слоем пыли, и
холодные, неподвижно уставившиеся на
него глаза. Он вспомнил, как, испуганный и
одиноким, он часами ревел, не понимая, как
же она могла его оставить... Потом в
уголках глаз у него защипало, и Мальчик
понял, что больше не хочет ничего
вспоминать.

Жадно втянув холодный воздух и
размазав запястьем по лицу непрошеные
слезы, Мальчик решил, что пришло время
идти назад, в свой район, где он собирался
перекусить Братцем Крысой. Слишком
хитрый, чтобы идти напрямик, он на
случай, если за ним следят, избрал более
длинный и запутанный путь, пробираясь
сквозь завалы и огибая множество стоящих
вокруг разрушенных зданий. И вот,
взбираясь на один из таких завалов и уже

почти достигнув его вершины, он вдруг почувствовал нечто, что заставило его остановиться. Это было почти как запах. Что-то тревожное и враждебное, что, казалось, принес с собой ветер...

Ощувив, как по его спине пробежал холодок, Мальчик какое-то время неподвижно смотрел на восток. Раскинувшийся перед ним город казался спокойным; его пустынные улицы выглядели столь же мрачными и безжизненными, как и обступаящие их со всех сторон выгоревшие руины зданий. Мальчик не морочил себе голову. После трех лет, что он провел один посреди местных развалин, у него развилось нечто вроде шестого чувства, которое безошибочно предсказывало ему перемены в жизни города. И это чувство только что подсказало ему быть сегодня особенно осторожным.

«Надо вернуться под землю и переждать там какое-то время, — подумал он, когда наконец повернулся, чтобы идти к дому. — Назревает что-то ужасное — ветер сказал мне это сейчас громко и ясно.

Плохой день наступает, и много людей должны будут теперь погибнуть».

— Слушай, а какая жизнь там, где ты родился? — зачерпнув саперной лопаткой землю, спросил Ларн Бұлавена, когда здоровяк встал с ним рядом. — В твоём родном мире, хотел я сказать.

— На Варгане? — переспросил Бұлавен, сделав паузу в работе ровно настолько, чтобы успеть стереть пот с потрескавшейся кожи лба, пока она не покрылась ледяной коркой. — Полагаю, там было довольно хорошо, салажонок. Из всех планет далеко не самая плохая, где можно было родиться.

Держа саперные лопатки в руках, они стояли на дне траншеи рядом с Давиром и Учителем, в то время как Зиберс на стрелковой ступени нес вахту. Гвардейцы пытались загладить повреждения в стенах траншеи, которые причинили снаряды во время обстрела. После прекращения огня они вернулись в свою траншею и тут же обнаружили, что взрывом одного из упавших рядом снарядов обрушена

значительная часть ее задней стены, а сама траншея наполовину засыпана комьями мерзлой земли. Теперь, после получаса изнурительного труда, дно траншеи было в основном очищено, а вся лишняя земля была переброшена в другой ее угол.

--- Лично я бы сказал, что ты очень предвзято относишься к нашему миру, Булавен, --- произнес Давир, опершись на черенок лопаты и наблюдая, как его товарищи убирают со дна траншеи последние комки насыпавшейся туда земли. --- Честно говоря, мои собственные воспоминания говорят мне, что Варган в точности такая же вонючая дыра, как Брушерок. Если не учитывать, конечно, что нам там не приходилось гратся с орками. Да и столько копать в земле дома тоже не было необходимости.

--- Что-то я не заметил, чтобы ты здесь в ней много копался, --- проворчал Булавен. --- Фактически большую часть времени ты стоишь в сторонке, оставляя всю работу другим.

--- Ха! Это всего лишь вопрос

разумного распределения труда, ---
отозвался Давир. --- Каждый человек
должен выполнять ту работу, к которой он
наиболее приспособлен. В нашем случае
это означает, что тебе, Учителю и
салажонку следует выполнять грубую,
ослиную работу, а мне, с моей природной
способностью к управлению, всю вашу
деятельность контролировать. Кроме
того, должен же кто-то следить, чтобы
салажонки с нужной стороны за лопату
взялся!

--- Вы еще забыли вашу роль в
поддержании тепла! --- сказал вдруг Ларн,
который был настолько раздражен
бесконечными оскорблениями безобразного
карлика, что ответил ему сейчас, даже не
сдвигая. --- Будет Император, если бы не
пар, который идет от вас по всей траншее,
мы бы давно уже все замерзли!

Какое-то время, пораженные его
ответом, все молча на него глядели, но
затем Учитель и Булавен разразились
смехом. Даже лицо Давира, несмотря на
все его недовольство, расплылось в улыбку.
Лишь на Зиберса эта шутка, казалось,

никак не подействовала, и, стоя на стрелковой ступени, он с тем же враждебным, как и всегда, выражением злобно смотрел на Ларна.

--- Ха! Ну ты и сказанул --- «пар»! --- давился от смеха Бұлавен. --- Хорошо сказал! Тебе придется признать, Давир, может, салажонок здесь и недавно, но твою манеру он перенял довольно быстро!

--- Так-так-так... Смейся, смейся, свинная башка, --- отозвался Давир, к которому сразу же вернулась его привычная грубость, как только он повернулся и со злой ухмылкой на сжатых губах вновь взглянул на Ларна. --- Похоже, что у нашего щеночка прорезались зубки... Очень хорошо, салажонок. Отлично! Отколол шутку. Ха-ха-ха --- очень смешно. Но ты не слишком-то задирай нос. Нет ничего лучше для орков, чем увидеть салагу с поднятой головой. Тогда им есть куда целиться!

Восстановительные работы продолжались. Полностью очистив траншею, они устало положили на землю

свои лопатки. Затем Ларн увидел, как Булавен с Учителем подняли со дна траншеи широкий металлический лист и приложили его к рваным краям образовавшегося в стене пролома. Удерживая лист в вертикальном положении, они терпеливо ждали, пока Давир, взяв деревянную подпорку, не забил ее своей саперной лопаткой в землю, так чтобы она удерживала лист в нужном ил положении.

— Вот, — довольно сказал Давир, убедившись, что пролом полностью закрыт, и затем навалился всем телом на вбитую в землю подпорку, испытывая ее на прочность. — Должно держаться, пока мы не закончим работу.

— И что теперь? — спросил его Ларн. — Дно мы очистили. Как теперь будем заделывать пролом?

— Как будем его заделывать? — переспросил Давир. — Ну, во-первых, салажонок, ты снова возьмешь в руки свою саперную лопатку. Вон видишь эту гору земли? — указал он на промерзшие котья, которые они только что перебросили в

другой угол траншеи. --- Ты самую, что ты сам туда набросал? Так вот, бери теперь свою лопатку и перетаскивай землю обратно! Потом мы ею заполним образовавшуюся дыру. Знаю, знаю... Можешь ничего не говорить. Все время такие эмоции, будто кто-то тебе сказал, что жизнь в Гвардии будет скучной!

--- Все равно не понимаю, как это будет работать, --- сказал Ларн позже, когда они уже почти заполнили землей пробоину, и его руки, даже под перчатками, покрылись мозолями, а спина ныла от работы саперной лопаткой. --- Даже после того, как мы заполним пролом землей, разве стена не рухнет снова в ту самую секунду, когда мы вытащим из подпорок подпорку?

--- А мы, салажонок, не будем вынимать подпорку, --- сказал таскающий с собой землю Булавен. --- Во всяком случае, не сразу. Сначала мы загелает дыру. Потом увлажним землю. Затем утрамбуем и оставим ее замерзать. Затем, через пару часиков, мы наконец

уберет погноркү, и, поверь, стена будет
как новая! Поверь мне, салажонок, это
всегда работало! Ты даже не
представляешь, как часто нам
приходилось чинить эту траншею с тех
пор, как мы ее выкопали.

— Увлажним землю? — переспросил
Ларн. — Тогда нам понадобится ведро,
чтобы принести воды. В наших канистрах
ее осталось не так уж много.

— Какое ведро?! Какие канистры?! —
поднял брови Булавен, прервав свои труды
и с недоумением глядя на Ларна. —
Салажонок, мы чиним стену в траншее!
Для этого мы не используем питьевую
воду!

— И что же вы тогда используете? —
спросил Ларн, который, сознавая, что
остальные над ним смеются, чувствовал
себя по-дурацки.

— Он спрашивает, что мы
используем! — закатив глаза к небу,
воскликнул Давир. — Моя широкая
варданская задница! Клянусь, салажонок, в
то самое время, когда я уже начал думать,
что ты не совсем полный идиот, ты

лянул нечто настолько глупое, что тут же испортил мое хорошее мнение о тебе! Если это поможет ответить на твой вопрос, то вот тебе две подсказки. Первая: когда на морозе чинишь стены траншей, всегда лучше использовать теплую жидкость. Второе: каждое человеческое существо носит при себе уже готовую порцию требуемого вещества.

--- Теплую жидкость? --- переспросил Ларн, чувствуя, что к нему медленно приходит понимание. --- Вы хотите сказать, что вы...

--- Эй, глядите-ка, наконец-то он понял! Да, салажонок, все верно. И угадай, что я сейчас скажу... Теперь твоя очередь! Так что вставай сюда и начинай журчать! Я только чертовски надеюсь, что твой точевой пузырь не слишком зависит от нервов. А то, вудит Император, у меня есть лучший способ скоротать время, чем вот так стоять и ждать, пока ты отольешь!

--- А как насчет твоего собственного тира... А, салажонок? --- спросил его

Бұлавен, когда они уже сидели в траншее в ожидании, когда мороз скрепит восстановленную стену. -- Ты меня прежде спрашивал о Варгане. А на что похож твой родной мир?

Стараясь обдумать свой ответ, Ларн какое-то время молчал. Он вспомнил родительскую ферму, бескрайние поля золотистой пшеницы, колышимые легким ветерком. Вспомнил своих доточагцев -- как они в ожидании вечерней трапезы рассаживались по своим местам вокруг кухонного стола. Вспомнил тот изумительный последний закат, который он видел дома, когда огненный шар заходящего солнца медленно опустился за горизонт и окрасил все небо в багровые тона. Вспомнил весь свой прежний мир, который теперь остался далеко позади, и все те вещи, которые ему уже никогда не увидеть снова.

«Каким же все это теперь кажется далеким и давно ушедшим! -- подумалось ему. -- Будто до всего до этого теперь миллион километров. И печальнее всего то, что на самом деле оно еще дальше! Не

просто миллион, а миллионы миллионов километров -- как это ни далеко, но военный костотранспорт нас все же сюда доставил!»

-- Я не знаю... -- тихо произнес он наконец, не в силах найти слова, чтобы описать то, что на самом деле чувствовал. -- Он был совсем другой... Совсем не похожий на это место.

-- Хм... Думаю, наш салажонок начинает тосковать по дому, -- заметил Давир. -- Не то что бы я его за это упрекал... Понятное дело, любое место в сравнении с этой проклятой дырой будет восприниматься в розовом свете. Но знаешь, салажонок, раз уж я сейчас в таком редком для себя великодушном настроении, позволь мне дать тебе один совет. Какие бы возвышенные чувства ты ни питал к этому миру, где родился, -- забудь о них! Это -- Брушерок! Здесь нет места сантиментам. Здесь человек должен жестко держать себя в руках, если он хочет жить и увидеть завтрашний день!

-- Так, значит, вот что здесь нужно! -- воскликнул Ларн. -- Я помню, как

Учитель сказал, что вы единственные, кто выжил здесь из более чем шести тысяч человек! Вы так этого добились? Все время жестко держали себя в руках?

— Эй, здесь, салажонок, ты затронул очень интересный вопрос, — вступил в разговор Учитель. — Как вышло так, что вы выжили, а многие наши товарищи — нет? Можешь быть уверен, тут это у нас одна из главных тем для разговора. Причем каждый имеет на этот счет свое собственное мнение. Некоторые говорят, что мы так долго продержались в Брушереке прежде всего потому, что, вероятно, изначально были генетически предрасположены к выживанию в экстремальных условиях. Другие считают, что иела место комбинация счастливого стечения обстоятельств и верно выбранной нами тактики поведения или что, возможно, это вообще слепой случай. Как я уже сказал, у каждого собственная точка зрения. Своя собственная теория. Что касается меня, то я не уверен, что стал бы слишком полагаться на любую из них. Мы выжили

там, где остальные погибли. Это все, о чем я могу сказать тебе с уверенностью.

— Я всегда думал, что Император приложил к этому руку, — сказал Булавен, чье лицо было сейчас спокойно и задумчиво. — Возможно, потому что Он бережет нас для какой-то великой цели. На крайней мере, я привык так думать. После стольких лет в Брушереке человек поневоле начинает в это верить.

— Император! — воскликнул Давир и в неописуемом раздражении всплеснул руками. — На этот раз, Булавен, ты и в самом деле превзошел самого себя! Из всех несусветных глупостей, которые за семнадцать лет вылетели из твоего рта, — с той поры, как нас призвали в Гвардию, — эта, без сомнения, самая глупотская! Император! Ха! Ты что же, думаешь, Императору больше нечем заняться, кроме как наблюдать за твоей толстой задницей и следить за тем, как бы с ней чего не стряслось?! Очнись, ты, куча навоза! Император даже не знает, что мы с тобой существуем! А если и знает, ему все равно!

— Нет! — закричал Ларн, и его звонкий голос, неожиданно громко разнесшийся по траншее, напугал всех, кто в ней находился. — Вы не правы! Вы не знаете, о чем говорите!

Видя, что остальные смотрят на него в замешательстве, Ларн заговорил снова, и теперь спокойные, проникновенные слова, казалось, сами полились из его уст.

— Извините, — начал он. — Я не хотел кричать. Но я услышал, что вы говорите, Давир, и... Вы не правы! Императору не все равно. Он наблюдает за всеми нами. Это я точно знаю. И я могу доказать. Если бы Император не был хорошим, добрым и справедливым, он никогда бы не спас жизнь моему прадеду!

И пока остальные молча сидели и слушали, Ларн рассказал им предание, которое в последний вечер перед его отъездом поведал ему отец в подвале их фермерского дома.

Он рассказал им о своем прадедушке. О том, что его звали Огаст и что он родился в мире, который на звездных

картах имеет название Аркас V. Он рассказал им про то, как его призывали в Гвардию, и о том, как грустно ему было покидать родной мир. Он рассказал о тридцати годах службы и о том, как у его прадедушки пошатнулось здоровье. Он рассказал об устроенной лотерее, а также о человеке, кто отдал прадеду свой счастливый билет. Он им сказал, что это было чудо. Пусть чудо не громкое, но все же чудо! Рассказав гвардейцам слово в слово историю, услышанную от отца, Ларн сразу почувствовал облегчение и стал с нетерпением ждать их реакции.

--- И все? --- сухо спросил Давир, и это было первое, что услышал Ларн после бесконечного, как ему показалось, молчания. --- Это и есть твое доказательство? Предание, что тебе рассказал отец?

--- Это была интересная история, салажонок, --- вытолвил Учитель, выглядевший немного смущенным.

--- Ха! История что надо! --- воскликнул Зиберс, с ехидством глядя на Ларна со стрелковой ступени. --- Сказка

вроде той, что родители рассказывают
детям перед сном! Ты больше в это дерьмо
верь, салага! А еще лучше пойди и
расскажи эту историю оркам. Посмотрим,
спасет ли тебя твое чүдо!

--- Заткнись, Зиберс! --- равкнул
Бүлавен. --- Тебя не гля того в караул
поставили, чтобы ты там губами шлепал!
И твое мнение никто вроде как не
спрашивал! Оставь салажонка в покое.

Убедившись, что своей резкой
тирадой он заставил Зиберса затолчать,
Бүлавен вновь повернулся к Ларнү:

--- Учитель прав, салажонок. Это была
интересная история, и ты нам хорошо ее
рассказал.

--- И это все? --- удивился Ларн. --- Вы
говорите так, будто думаете, что здесь
что-то нечисто. Будто вы не верите.

--- Мы не верим, салажонок, ---
подтвердил Давир. --- Учитель и Бүлавен,
конечно, постараются тебе все это
стягчить, но и они не поверили. Никто из
нас не поверил. Но правде говоря, если та
история, что ты нам сейчас рассказал,
является источником твоей веры в чүдо,

то ты даже еще наивнее, чем кажешься.

— Что вы, Давир, мне это скажете, я мог бы догадаться, — сказал Ларн. — Вы вообще ни во что не верите. Но что с остальными? Учитель! Булавен! Неужели вы не видите, что произошедшее с моим прадедом было чудом? Что это доказательство того, что Император наблюдает за нами?

— Дело не в том, что мы тебе не верим, — беспомощно пожал плечами Учитель. — Просто даже если допустить, салажонок, что все детали рассказанной тобой истории правдивы, возможны самые различные толкования.

— Толкования?! — воскликнул Ларн. — О чем вы говорите?

— Он говорит, что ты наивен, салажонок, — вмешался Давир. — О, конечно, говорит он это в своей обычной профессорской манере, когда ходят вокруг да около, вместо того чтобы прямо сказать, что у них на уме, но думает он, что ты наивен. Мы все так думаем.

— Ты должен нас понять: весь наш жизненный опыт заставляет нас

смотреть на эту историю иначе, ---
пояснил Учитель.

--- Да как же можно на нее смотреть
иначе? --- удивился Ларн. --- Вы слышали
историю. Как вам человек, который отдал
твоему прагедушке свой счастливый
билет? Неужели вы не видите во всем
этом руки Императора?

--- Не хотел я развеивать твои
иллюзии, салажонок, --- начал Давир, --- но
только сомневаюсь, что рука Императора
имела к этой истории хоть какое-то
отношение. Нет, похоже, что
единственные руки, которые были во всем
этом замешаны, принадлежали твоему
прагеду!

--- Я... Что вы хотите этим сказать?

--- Он убил его, салажонок, --- просто
сказал Давир. --- Человека со счастливым
билетом. Твой прагедушка убил его и
забрал у него билет. Вот и все чудо.

--- Нет... --- почти прошептал Ларн, с
недоверием глядя ему в глаза. --- Вы
ошибаетесь.

--- Конечно, я даже вижу, как все это
произошло, --- убежденно произнес Давир. ---

Вот твой прадед. Он болен. У него все болит. Он знает, что победить в лотерее -- его единственный шанс уйти из Гвардии живым. Потом, когда кто-то другой получает счастливый билет, он понимает, что между ним и долгожданной свободой стоит всего одна человеческая жизнь. А ведь он солдат. Он уже убивал прежде. «Что такое одна забранная у кого-то жизнь в масштабе Вселенной?» -- говорит он себе. Мы живем в волчьей толпе, салажонок, и похоже, что твой прадед был свирепее большинства других волков.

-- Нет, -- твердо сказал Ларн. -- Вы меня не слушаете. Говорю вам, вы ошибаетесь. Вы больны, Давир. Как вы только могли такое подумать?!

-- Все дело в имени, салажонок, -- грустно сказал Учитель. -- Или, вернее, в отсутствии имени, хотел я сказать.

-- Да, в имени, -- подтвердил Давир. -- В этом вся загвоздка.

-- Да что вы все... Я не понимаю!

-- Они, салажонок, говорят об имени того человека, который отдал твоему

прагеду свой лотерейный билет, — со вздохом сказал Булавен. — Твоя история о нем умалчивает. Ты сам-то разве не видишь, что это все меняет? Очень сожалею, но должен тебе сказать: это доказывает, что твой прагед его убил.

— Умя? — совсем сбитый с толку, пробормотал Ларн, чувствуя, как в животе у него все сжалось, а в голове помутилось, из-за чего мир вокруг вдруг странно, как на оси, стал вращаться.

— Ты подумай сам, салажонок, — убеждал его Давир. — Предполагается, что этот человек спас твоему прагеду жизнь. Твой прагед должен был знать его имя. Он ведь был его товарищем, ты не забыл? Человек, который плечом к плечу прошел с ним все эти тридцать лет службы в Гвардии! И тем не менее годы спустя, когда твой прагед рассказывал своему сыну эту историю, он почему-то даже не упомянул имени человека, который спас ему жизнь! Как-то это, салажонок, одно с другим не складывается. Особенно если учесть, что, по твоим словам, человек он был набожный. А такие люди, если им кто

что хорошее сделает, до конца дней своих
поминают того в молитвах Императору.

— Да, есть тут нечто похожее на
чувство вины, салажонок, — сказал
Учитель. — Впрочем, если это тебя хоть
как-то утешит, это также говорит о
том, что твоему прагеду нелегко было
пойти на убийство. Бүдь он более
хладнокровен, то, вероятно, сказал бы
своему сыну иля этого человека, а потом
бы и думать о нем забыл.

— Не думаю, что это так, Учитель, —
не согласился Давир. — Даже если с той
поры прошли годы, он все равно мог
тревожиться, что правда о его
преступлении выплывет наружу.
Возможно, он подумал, что лучше не
будить лихо, пока оно тихо, и потому не
стал упоминать это иля. В любом случае
суть дела это не меняет. Твой прагедушка
убил человека, салажонок, и украл его
лотерейный билет. Это все, что можно
сказать. Вот тебе и все чудеса!

— Нет. Вы все не правы... — начал
было Ларн. — Здесь должно быть какое-то
другое объяснение... О котором вы не

подумали. Неужели вы верите, что мой прадедущка мог сделать что-то подобное?

Однако стоило ему только на них взглянуть, как тут же стало ясно, что это как раз то, во что они все, несомненно, верят. Давир, Учитель, Булавен, Зиберс. Все без исключения. Глядя на лица тех, кто был с ним сейчас в траншее, Ларн ясно видел, что у каждого из них на уме. Не было никакого чуда. Не было никаких проявлений милости Императора. Для них все было просто: его прадедущка убил человека и потом всю свою жизнь лгал об этом.

--- Нет, --- выговорил наконец Ларн, ненавидя себя за то, что голос его слаб и несколько раз предательски дрогнул. --- Нет. Вы не правы. Вы все не правы... Я вам не верю!

Глава двенадцатая

18:58 по центральному времени
Брушерака

СЕКТОРНОЕ КОМАНДОВАНИЕ И
ПРЕДВЕСТИНИКИ НАДВИГАЮЩЕЙСЯ
БУРИ

ЛАРН ДУЕТСЯ
ДАВУР НАКОНЕЦ НАХОДИТ
ПРИЧИНУ ДЛЯ ПОДНЯТИЯ
НАСТРОЕНИЯ

ОБЕДЕННОЕ ВРЕМЯ В
КАЗАРМЕННОМ БЛИНДАЖЕ

НОМЕР ОДИН
КУЛИНАРНОЕ ИСКУССТВО В
ПОНИМАНИИ РЯДОВОГО СКЕНЧА

ДИСКУССИЯ О
ПРЕИМУЩЕСТВАХ ПРИМЕНЕНИЯ
АРТИЛЛЕРИИ ВО ВРЕМЯ ОХОТЫ НА
БОЛЬШИХ ЯЩЕРИЦ

--- Вот свежие донесения о боевых столкновениях с противником за последние полчаса, сэр, --- доложил сержант Валтис, держа в руке плотную, толщиной с палец стопку бутаг. --- Вы сказали, что хотите видеть их немедленно, еще прежде, чем они будут проверены и обобщены.

Сидя за рабочим столом в своем маленьком кабинете в Секторном командовании «Бета» (восточные дивизионы, сектора с 1-10 по 1-20), полковник Каллаг Дрезлен повернулся и, взяв у Валтиса бутаги, принялся их читать. «Здесь по меньшей мере две сотни донесений, --- подумал он. --- И в каждом из них сообщается об инциденте, в котором имел место боевой контакт с неприятелем. Две сотни, тогда как обычно в это время суток мы всегда регистрировали не более восьмидесяти контактов в час. Все выглядит так, будто орки тут у нас чем-то встревожены, а это никогда не было добрым знаком. Что-то надвигается...»

--- Насколько плохи дела, Джаак? ---

спросил он, оторвав глаза от донесений и испытующе глядя в лицо сержанту.

--- Достаточно плохи, сэр, --- ответил Валтис, который все еще стоял, вытянувшись по струнке, перед столом полковника, словно полагал, что находится на парадном смотре. --- В пяти секторах докладывают, что они находятся под плотным артиллерийским огнем орков. В двух других --- об инцидентах, переросших в массированные атаки неприятеля. Кроме того, мы получили где-то около сотни различных донесений со всех секторов о различного рода боевых контактах с врагом: от легких рейдов небольших групп до участвовавших обстрелов наших позиций гретчинами --- снайперами и разведчиками --- со стороны нейтральной полосы. Похоже, назревает вонючая буря, полковник, если вы простите мне мой армейский язык.

--- Хм... Считайте, что вас простили, Джаан, --- сказал Дрезлен, со спокойной ухмылкой глядя на землистое лицо сержанта, поскольку уже давно был знаком с его манерами. --- Как обстоят дела в Секторных командованиях «Альфа» и

«Гамма»? У них с летающим дерьмом те же проблемы?

— Ну как нет, сэр, и должен признаться, это-то меня больше всего и пугает. В соседних с нами секторах говорят, все тихо. Слишком уж тихо, если вы хотите знать мое мнение.

— Так, словно орки что-то замышляют, ты это имел в виду? — спросил Дрезлен, и теперь, когда он высказал мысль, которая незримо витала меж ду нити в воздухе, его лицо стало крайне серьезным. — Концентрируют свои силы и готовятся начать здесь свое главное наступление?

— Так точно, сэр. Конечно, я понимаю, считается, что этого не может быть. Я знаю, в ставке говорят, что орки недостаточно слышны, чтобы скоординировать нечто подобное, но... Знаете, у меня в теле есть металлический штырь. Он скрепляет мое левое колено, после того как орки прострелил в нем дыру величиной с кулак. Ну так вот, с тех пор как он в моем теле, всегда, когда орки что-либо замышляют,

этот штырь начинает зудеть. И вот
сейчас он зудит сильнее, чем красный зад у
мартышки, если бы она вдруг сдуря села на
муравейник!

— Я понимаю, о чем ты говоришь,
Джаак, — сказал Дрезлен. — Своим нутром
я чую то же самое. Вместе с тем я бы не
хотел идти к генералу Пронану и просить
его объявить тревогу, основываясь лишь на
обобщенных свидетельствах твоего штыря
и моего пищевого тракта. Тут нужно что-
то более весомое. Принеси-ка мне
обобщенную статистику и сводки о боевых
контактах с неприятелем по донесениям
АБАР. Потом я схожу к генералу и
посмотрю, нельзя ли его нам подвигнуть
на какие-то действия.

— Прошу прощения, сэр, но генерала
сейчас нет на месте. Он еще не вернулся с
совещания в ставке.

— Замечательно! — в раздражении
выдохнул Дрезлен. — Первый раз, когда он
нам действительно нужен, а старик ушел
на лепешки с рекафом к гросс-маршалу
Керчану! Ну ладно... Похоже, мне придется
стать тем, кто кладет свою голову в

насть льву. Прикажи радистам связаться по воксу со ставкой. Скажи им, что полковник Дрезлен желает объявить в секторах с 1-10 по 1-20 «красную» степень тревоги.

--- Постарайся не принимать это слишком близко к сердцу, салажонок, --- сказал Булавен, решив присоединиться к Ларну, когда тот сидел один в уголке траншеи. --- Пусть твой прадед убил человека и украл у него лотерейный билет. Что с того? Едва ли это имеет теперь какое-то значение, не так ли? В конце концов, когда это было! Если для кого это все и было важно, его давно уже и на свете нет!

--- Мы совсем не хотели тебя обидеть, салажонок, --- продолжил Булавен, как только стало ясно, что Ларн не собирается ему отвечать. --- Мы просто трепались. Надо ведь как-то скоротать время в траншее. Вот мы иногда и рассказываем друг другу истории, а потом каждый высказывает о них свое мнение. Ты пойми, в этом не было ничего личного!..

--- Допускаю, что нам не следовало
быть столь прямолинейными... --- не
унижался Бүлавен, в то время как Ларн
продолжал молча сидеть, неподвижно
глядя куда-то перед собой и явно не желая
на него смотреть. --- Для тебя все это
очень важно, теперь я это вижу. Наверное,
нам надо было быть к тебе подобрее, что
ли...

--- Возможно, ты и прав, салажонок! ---
выпалил наконец Бүлавен. --- Возможно,
это было чудо, а мы тут все жуки
навозные. Я не проповедник! Я о таких
вещах ничего не знаю. Но одно, салажонок,
знаю точно: от того, что ты вот так
будешь молча сидеть, легче тебе точно не
станет!

--- Эй, Бүлавен! Оставь его! --- крикнул
Давир. --- Хватит вокруг него вертеться.
От твоего сюсюканья у меня аж голова
разболелась. Хочет --- пусть дуется!
Видит Император, без его глупых вопросов
тут стало куда как спокойнее!

Время шло. Сидя один в углу
траншеи, пока Зиберс стоял на часах, а

другие играли в карты, Ларн чувствовал, что гнев его понемногу угасает, а другие вещи -- прежде всего физические ощущения, скрытые от него за бурлящим потоком эмоций, с тех пор как варданцы опорочили память его прадеда и выстеляли его чудесную историю, -- постепенно доходят до его сознания.

«Слезы Императора, как же холодно!» -- подумал Ларн, неожиданно сообразив, что от долгого сидения на одном месте у него затекла спина. Он уже готов был встать, потянуться, пройтись туда-сюда по траншее, чтобы восстановить кровообращение, но остатки гнева, что еще гнездились в его душе, заставили его сидеть на месте.

«Если я сейчас встану, они решат, что я их простил, -- подумал он, в ужасе от того, в какого ребенка превращает его эта мысль, и все же не в силах ей противиться. -- Это будет, как если бы я сдался. Как будто я допускаю мысль, что можно поверить во всю ту чушь, которую они наплели про кражу лотерейного билета прадедушкой!»

Тут, при мысли, что другие могут подумать, что он слабак, его гнев разгорелся снова, и он решил еще какое-то время посидеть на прежнем месте в молчании.

«Хотя, конечно, не все ли равно, что они там думают? — сказал он себе по прошествии некоторого времени. — Какое имеет значение, что они решат, будто я сдался? Какое имеет значение, что они вообразили, что мой прадед украл билет и кого-то там убил? Сам-то я знаю, что это неправда. Вот только это и имеет значение! А раз я это знаю, пусть они верят во все, что им хочется!» И все же он был не совсем удовлетворен таким ходом своих мыслей. Что-то глубоко внутри все еще не позволяло ему сдвинуться с места.

«Они так гавно в этом глупом месте! — решил он наконец. — Вот почему они во всем видят только темную сторону и не могут принять свидетельства о чудесах. На самом деле их даже не за что прощать. Мне пожалеть их надо, а не сердиться!»

И вот, когда Ларн уже почти призвал

всю свою волю, чтобы отбросить гордость и встать, он вдруг услышал пронзительный свист, который, казалось, доносился со стороны казарменных блиндажей.

— Эх, ну наконец-то! — воскликнул Давир, тогда как все вокруг него поднялись и стали разбирать оружие. — Кажется, дождались! А то я, сидя здесь, так проголодался, что уже стал подумывать, не съест ли мне ботинки Учителя!

— В самом деле? — мягко спросил Учитель, проверяя, на месте ли его любимая книга. — И может, ты нам расскажешь, Давир, по каким таким особым причинам ты собрался съесть именно мои ботинки, а не свои?

— Что? Ты думал, я, рискуя отморозить ноги, съем собственные ботинки? — удивился Давир. — Ну нет, спасибо, Учитель. Кроме того, тебе с твоими ножищами найти дрягую пару было бы совсем не трудно... К счастью, этой специфической катастрофы нам, похоже, все-таки удалось избежать. Что ж, пора идти в казарму и проверить, какие

кулинарные изыски нас там ожидают!

--- Пошли, салажонок, --- возвышаясь над Ларном, сказал Бұлавен. --- Если покажешься последним в очереди в столовую, тебе мало что останется.

--- Хотите сказать, обеденное время? --- спросил Ларн.

--- Да, обед, --- подтвердил Бұлавен. --- И вдобавок двухчасовой отдых. Нас меняют на передовой группами по десять стрелковых расчетов. Один свисток означает, что пришла очередь казарменного блиндажа номер один. Наша очередь. Так что давай, салажонок... пошли. Еда стынет.

--- Да, салажонок, пошли, --- включился в разговор Давир. --- Ты думал, сегодня уже достаточно натерпелся? Как бы не так, уж поверь мне! Ты еще не пробовал страппи рядового Скенча!

На этот раз, после долгого сидения в холодной траншее, помещение казарменного блиндажа номер один показалось Ларну теплым и уютным. Уютным настолько, что Ларн едва

замечал угрюмый печной угар и терпкий запах пота, которыми пропитался воздух казармы. Ко времени их прибытия внутри уже выстроилась очередь гвардейцев. Все они, держа в руках оловянные тиски, терпеливо ждали, когда долговязый, чем-то похожий на крысу варганский рядовой со скорбным выражением на лице вывалит из своей единственной рукой их законную порцию овсянки, которую он черпал ковшом из огромного побитого котла на раскаленной печи.

— Эй, наш бесценный Скенч! — проурчал Давир, когда дождался своей очереди. — Скажи мне, добрый друг Скенч, каким восхитительным деликатесом ты попытаешься отравить нас сегодня?

— Кх-х... Это овсянка, Давир, — кисло сказал Скенч. — Зачем спрашиваешь? Разве не похожа?

— Между нами говоря... не вполне уверен, — сказал Давир, глядя, как Скенч выливает в его оловянную тиску какую-то подозрительную кипящую массу. — Овсянка, говоришь? И если я правильно понял, ты точно следовал своему обычному рецепту?

Плевки, опилки и все органические отбросы сомнительного происхождения, какие только попали в твои руки?

--- В основном, --- без меня юмора ответил Скенч. --- Хотя можешь быть уверен, я постараюсь, чтобы лично ты в свою порцию получил плевков побольше!

--- Ну спасибо тебе, Скенч! --- воскликнул Давир, подарив однорукому товару одну из своих самых язвительных улыбок. --- Ты меня прямо балуешь... Надо будет не забыть написать гросстаршалу Керчану, чтобы тебя к награде представили. Получишь красивую медальку, так сможешь еще и ее в суп бросить!

--- Кх-х... Стесной ты человек, Давир, --- глядя ему вслеп, пробормотал Скенч.

Затем, повернувшись к Ларну, который стоял в очереди следующим, Скенч бросил на него настороженный косой взгляд.

--- Что-то я не видел тебя прежде, --- сказал он. --- Ты что, салага?

--- Да, --- кратко ответил Ларн.

--- У-гу... И ты уже слышал нечто забавное о моей страпне, салажонок?

--- Мм... нет.

--- Это хорошо, --- сказал Скенч, выливая в миску Ларна целый ковш клейкой коричневой каши, после чего кивнул ему на стопку пищевых пайков, которые лежали на соседнем столе. --- Не забудь туда подойти. Вместе с овсянкой тебе полагается один паек. Огун! Умей это в виду, салажонок. Они у меня все сосчитаны, так что даже не пробуй взять двва... Да, и если тебя сегодня ночью пронесет, не вздумай, как другие, бежать сюда со мной ругаться! С моей страпней все нормально!.. Договорились?

--- Мм... да, договорились.

--- Ну, вот и хорошо. Теперь иди, салажонок, не задерживай очередь. И помни, что я тебе сказал. С моей страпней все нормально!

--- Это отвратительно! --- сказал Ларн. --- По-настоящему отвратительно, хочу я сказать! Я-то считал плохой еду, что давали нам на Джумаэле во времена

базовой подготовки, но эта еще в десять раз хуже!

--- Я же тебя предупреждал, салажонок, --- откликнулся Давир, запихивая себе в рот очередную ложку овсянки. --- В этом и заключается уникальный кулинарный дар Скенча. В его исполнении и без того плохая еда становится еще хуже!

Забрав свой пищевой паек, Ларн уселся на одну из казарменных коек рядом с Давиром, Булавеном и Учителем. Между тем, словно желая напомнить, что его враждебные чувства к нему ничуть не остыли, Зиберс устроился у стенки, отдельно от всех, и время от времени злобно сверкал на Ларна глазами. Однако надо сказать, что, хотя вопрос об истинной причине столь странного к нему отношения всегда занимал Ларна, в данный момент все его внимание было направлено на маленькое белое тельце, которое извивалось в буре, наполнявшей его оловянную тарелку.

--- Кажется, у меня тут какая-то личинка... --- пробормотал юноша.

--- Личинка тулланского жука, ---
спокойно сказал Учитель. --- Они тут
повсюду, салажонок. Отличный источник
протеина.

--- Их даже добавляют как приправу, ---
подтвердил Булавен. --- Только постарайся
как следует пережевывать пищу. Если
личинка, когда ты ее проглотишь, будет
еще живой, она может отложить в твоём
желудке яйца.

--- Яйца?!

--- Да не беспокойся ты так,
салажонок, --- успокоил его Булавен. --- Не
так это все страшно, как звучит. Ну
пронесет тебя пару дней, подумаешь...
Хотя, конечно... если бы Скенч готовил
как следует, личинки попали бы к нам в
миски уже дохлыми.

--- Сладчайший Император! Не могу
поверить... Вы говорите, что это
нормально: вот так есть червей?! ---
вскричал Ларн.

--- Нормально?! --- переспросил Давир,
так широко открыв рот, что в нём
обнаружился целый комок непрожёванной
пищи. --- Ты в Имперской Гвардии.

салажонок, на случай, если ты еще не заметил. А в Имперской Гвардии едят все, что дают! Между прочим, если ты находишь этих личинок ужасными, тебе следовало бы взглянуть на личинок жука-зубонила, которых нам приходилось жрать на Бангар Майорис!

— Ну, насколько я помню, они, вообще-то, были довольно вкусными, — вмешался Учитель. — Чем-то напоминали мясо цесарки...

— Я, Учитель, сейчас говорю не о том, какие они были на вкус, — перебил его Давир. — Я говорю о том факте, что они были размером с твою ногу и имели язык в метр длиной, покрытый острыми как бритва шипами. Не говоря уже о том, что они облагали силой, достаточной, чтобы оторвать человеку руку! А если ты вдруг захочешь узнать, откуда нам это стало известно, так ты салажонок просто спроси об этом Скенча!

— Не слушай ты его, салажонок. Он дурачится, — сказал Булавен. — Руку Скенчу не личинка жука-зубонила на Бангар Майорис погубила, а топор орка

здесь, в Брушеровке. Хотя из-за этих жуков
мы там тоже много народу потеряли...

--- Помните комиссара Грисца? ---
предался воспоминаниям Учитель. ---
Пошел однажды утром в кусты проверить
работу своего кишечника и вдруг
обнаружил, что присел на целый гнездом
этих тварей! Кричал так, что его можно
было услышать с другой стороны планеты!

--- Пф-ф... Баба с возу --- кобыле легче! ---
язвительно заметил Давир. --- У Грисца
всегда было шило в заднице, простите уж
мне этот невольный каламбур!

--- Если спросите меня, что мне
больше всего запомнилось на Бангаре, так
это то, как Давир охотился на
терранозавров!

--- О да! --- согласился Учитель. --- Ты,
конечно, умеешь в виду пари!

--- Эй... Булавен, не собираешься же ты
все это снова рассказывать?! --- нахмурился
Давир. --- Император плачет! Стоит
человеку хоть раз выиграть пари, ему уже
этого никогда не простят!

--- Это надо было видеть, салажонок! ---
улыбаясь, продолжал Булавен. --- Мы где-

то с негелю были на Бандаре, не больше. Эта планета вся покрыта джунглями, ну там и были эти смертоносные твари... Эй, расскажи-ка ты, Учитель! У тебя всегда это лучше меня получалось.

— Ну хорошо, — согласился Учитель и, увлеченный воспоминанием, весь подался вперед. — Представь себе, салажонок, такую сцену... Полдень. Кругом влажный тропический лес. После дежурного патрулирования ты возвращаешься в лагерь и вдруг чувствуешь такой восхитительный, аппетитный запах, что у всех аж слюнки потекли. Идем, куда ведут нас наши носы, и почти сразу же натываемся на группу катачанцев, которые жарят на открытом вертеле полуметровую двуную ящерицу. Ну, ты, естественно, спрашиваешь, нельзя ли и нам присоединиться к их пиршеству. Но это ведь катачанцы — они отказывают. «Вот идите, — говорят они нам, — и пойте себе сами терранозавра!» Ты думаешь, на этом история кончилась? Нет! Давир же не может все это так оставить! Вскоре он начинает перед нами бахвалиться, что

Вполне мог бы и сам поймать
терранозавра, ничуть не хуже катачанцев.
И не успел бы ты сказать «чем ниже рост,
тем больше рот», как мы уже заключили с
ним на этот счет пари...

--- Он, салажонок, поспорил с нами,
что сможет выследить терранозавра! ---
возбужденно перебил Учителя Бүлавен. ---
Он поспорил на сотню кредитов, что
выследит, убьет и к обеду доставит нам в
лагерь одного местного терранозавра!

--- Таким образом, --- продолжал
Учитель, --- вооруженный лазганом, наш
неустрашимый и, как бы это сказать
поделикатнее, миниатюрный охотник
один отправляется за своей добычей в
незнакомые джунгли. И как оказалось, гля
того только, чтобы спустя всего два часа
в панике прибежать обратно! Вбежал в
лагерь, будто за ним по пятам гнались все
демоны ада!

--- Эй, вы с Бүлавеном можете сколько
угодно смеяться, --- оправдываясь, Давир,
как рыболов, изображающий размер своего
трофея, вытянул над головой руку, ---
только мне ведь никто не сказал тогда,

что та ящерица, которую убили катачанцы, была лишь детенышем, а взрослые особи этого вида вполне себе могут достигать десяти метров! Или, например, что они охотятся стаями! Говорю вам: только чудом мне удалось выйти живым из этих вонючих джунглей! И кроме того, вам все же придется признать, что в результате я сделал все, что обещал. Я убил терранозавра и доставил его к обеду в лагерь. На самом деле даже не одного, а что-то около трех.

— Только потому, что дал на лапу кому-то из связистов, чтобы они разрешили тебе нанести по ящерам артиллерийский удар! — вне себя от возмущения воскликнул Булавен. — Затем, после того как батареи почти час без остановки утюжили этот клочок джунглей, ты снарядил поисковую партию и принес нам останки всех терранозавров, которые погибли в результате обстрела. Это не засчитывается, Давир!

— Конечно засчитывается. Ты что, думал, я выкопаю яму-западню и, как какой-нибудь примитивный игуан из древнего

тира, стану дожидаться, пока одна из
этих больших безмозглых тварей
подойдет к ней и свалится? Я уже в сотый
раз повторяю тебе, Бұлавен: заключая
пари, тебе следовало быть более
внимательным при обсуждении его
условий. Ты не говорил ничего про запрет
на использование артиллерии.

Давир и Бұлавен колюче заспорили о
деталях пари десятилетней давности, в
то время как Учитель пытался
выступить в роли арбитра. Слушая их,
Ларн вдруг осознал, как сильно изменилась
их манера поведения с тех пор, как
прозвучал обеденный свисток и они
отправились в казарму. Здесь, в блиндаже,
они уже не производили впечатление
грубых и пугающе жестоких, напротив,
казались более расслабленными, более
беззаботными, что ли, как по отношению
к себе, так и по отношению ко всему, что
их окружало.

Оглядываясь по сторонам, Ларн везде
видел одно и то же — оживленные лица
беседующих, смеющихся, подтрунивающих
друг над другом варданцев, чьи интонации

и жесты поражали его своей свободой и раскованностью. Почти как если бы здесь, в подземном блиндаже, они на время получали право забыть об орках. Не было постоянного страха смерти. Не было Брушера. Здесь варганцы выглядели почти так же, как люди, которых он когда-то знал дома. Как будто выйдя на мгновение из тени смерти и ужаса, они вернули себе свой прежний, истинный облик.

Глядя на них, Ларну впервые пришло в голову, что каждый присутствующий здесь варганец был когда-то похож на него самого. Что каждый из них был некогда зеленым рекрутом, каждый был салажонком! Поняв это, он осознал также и то, что в мысли этой таилась надежда на его спасение. Если каждому из этих людей когда-то пришлось научиться выживать в условиях жестоких боев и невыносимых лишений, — значит, сможет и он! Он научится! И он выживет!

Согретый этой счастливой мыслью, Ларн сам не заметил, как крепко уснул.

Глава тринадцатая

20:01 по центральному времени
Брушерака

ЦВЕТНАЯ МОЗАИКА ИЗ СИНИХ,
ЗЕЛЕННЫХ И КРАСНЫХ РАЙОНОВ
СНЫ О ДОМЕ
СНОВА АРТОВСТРЕЛ
ПОВЕДЕНИЕ ЗИБЕРСА, ПОХОЖЕ,
ОБЪЯСНИЛОСЬ
СЕРЖАНТ ЧЕЛКАР СПЛАЧИВАЕТ
СВОИХ СОЛДАТ
МИФ О БОЛЬШОМ НАТУСКЕ

--- Это вы отдали приказ объявить
«красную» степень тревоги?! --- взревел
генерал настолько громоподобно, что все,
кто находился поблизости, --- как
гвардейцы, так и ополченцы, --- сидя на
своих рабочих местах в зале

тактического управления, подпрыгнули в креслах. -- Вы что, последние свои мозги потеряли?

-- Если позволите, я все могу объяснить, сэр... -- начал полковник Дрезлен, чье лицо будто застыло, когда он, похоже с трудом сдерживая эмоции, выслушивал старшего по возрасту и званию.

-- Объяснить?! -- снова взревел генерал Пронан. -- А что здесь объяснять? Вы грубейшим образом превысили свои полномочия, полковник! Я мог бы запросто отправить вас за это под трибунал!

-- У меня не было выбора, сэр, -- объяснил Дрезлен. -- Мы столкнулись с чрезвычайной ситуацией, а вас тогда не было на месте...

-- Не стейте перекладывать на меня ответственность за ваше вопиющее превышение полномочий, Дрезлен! -- Щеки генерала порозовели от гнева. -- Этим вы только ухудшите свое положение, слышите?! Я сам прекрасно знаю, что ненадолго отлучился из секторного командования. Я был на совещании в

ставке, где, к счастью, вовремя узнал о вашем безумном объявлении тревоги, чтобы успеть ее отменить, пока еще не началась адская кутерьма.

--- Вы... отменили тревогу? ---
упавшим голосом переспросил Дрезлен, совершенно ошарашенный. --- Вы отозвали приказ об объявлении тревоги?!

--- Конечно отозвал. Вы хотя бы имеете представление о том, какую неразбериху и панику может вызвать в войсках объявление тревоги? Частички, приписанные к другим секторам, срываются со своих мест и идут через весь город к вам на помощь; задействуются дополнительные каналы снабжения; бросаются на фронт резервные соединения...

Император всемилостивейший! Да вы хоть понимаете, что сектор должен быть на грани захвата неприятелем, чтобы появились достаточные основания для объявления «красной» степени тревоги?! И это не говоря уже о том, что, на свой страх и риск объявляя тревогу, вы грубо нарушили порядок в цепочке управления!

--- Вы отозвали приказ об объявлении тревоги, --- уже спокойно повторил Дрезлен, хотя его лицо стало мертвенно-бледным. --- Не могу в это поверить...

--- Да, и, сделав это, я, вероятно, уберег вас от встречи с расстрельной командой. --- Голос генерала становился тише, а обращение --- все более терпимым по мере того, как улетучивался его гнев. --- Вы еще поблагодарите меня за это, Дрезлен, но прежде всего я хочу, чтобы вы дали наконец свои объяснения.

--- Объяснения? --- сквозь сжатые зубы процедил Дрезлен. --- Извольте, генерал. Я предоставляю вам все объяснения, какие вам только будут угодны!

Он повернулся к ближайшему гвардейцу, который сидел перед контрольной панелью, сплошь покрытой разного рода датчиками и реле:

--- Капрал Веннер, активируйте, пожалуйста, пункт-дисплей и выведите на экран тактическую карту текущего положения дел в наших секторах. Давайте посмотрит, не сможет ли ты доходчиво объяснить генералу, почему я считаю, что

мы уже реально достигли положения «красной» степени тревоги.

Один щелчок переключателя, и большой прямоугольный пикт-дисплей, вмонтированный в одну из стен зала тактического управления, незаметно загудел и почти сразу вернулся к жизни — маленькая белая точка, появившаяся в середине черного экрана, мгновенно разрослась на всю его поверхность. Затем, после того как капитан Веннер нажал еще на несколько кнопок, на экране появилась тактическая карта секторов с 1-10-го по 1-20-й номер. По сути, это была мозаика из синих, зеленых и красных цветов: синяя — для областей, находящихся под имперским контролем, зеленая — для районов, удерживаемых орками, а красная — для территорий, за обладание которыми велись сейчас жестокие сражения.

— Я что-то не пойму... — начал генерал, с недоумением глядя вверх на экран пикт-дисплея. — Не помню, чтобы сегодня утром, когда я уходил в ставку, столько районов на карте было окрашено в красное...

— С тех пор обстановка значительно изменилась, генерал, — объяснил Дрезлен. — По информации, полученной пятнадцать минут назад, не менее десяти из одиннадцати секторов под вашим командованием подвергаются сейчас атакам орков. Причем в каждом случае рисунок наступления один и тот же: массированный штурм, предваряемый затяжным обстрелом артиллерии противника, и одновременно хорошо скоординированные атаки диверсионных групп орков — куда также входят обвешанные бомбами гретчины-смертники — на наши важнейшие оборонные объекты. Пока не ясно, сколько из этих штурмовых ударов преследуют прямую цель, а сколько замышлялось противником как диверсии с целью истощить наши ресурсы.

— Диверсии?! Затяжные обстрелы?! Хорошо скоординированные атаки?! — недоверчиво посмотрел генерал на Дрезлена. — Вы с ума не сошли? Говорите так, будто у противника есть что-то вроде хорошо продуманного плана действий. Но ради Императора, мы ведь с

вату говорит об орках! У них нет ни
мозгов, ни достаточной способности к
организации, чтобы привести подобный
план в исполнение!

--- Может, оно и так, сэр, но то, что
они делают, выглядит, в точности как я
вам сейчас описал. До сих пор мы из
последних сил держались, однако, если вы
хотите узнать, как далеко все это может
зайти, взгляните на сектор 1-13.

--- 1-13? --- удивился генерал. --- О чем
это вы говорите, Дрезден? На
тактической карте сектор 1-13 обозначен
синим цветом!

--- Так точно, сэр. И более того, это
единственный сектор, который все еще не
был атакован. Вот я вас и спрашиваю.
Если на время отбросить тот факт, что
наши враги орки, на какую мысль все это
наводит?

--- Уж не хотите ли вы сказать,
что... --- запротестовал генерал. --- Но это
ведь невозможно, полковник!

--- В другое время, сэр, я бы с вами
согласился, но сейчас в действиях
противника явно просматривается

определенная закономерность. И с ее
учетом мы должны задать себе вопрос:
почему орки, начав такие
крупномасштабные атаки на каждый из
противостоящих им секторов, не
зацепили при этом сектор 1-13? Никакого
разумного ответа нет, если только не
предположить, что то, что мы видим
сейчас на тактической карте, лишь
начальные операции какого-то еще более
крупного наступления и задуманы они для
того только, чтобы связать боем наши
основные силы и обеспечить оркам
свободный проход к их истинной цели!
Генерал, вы только подумайте, если орки
начнут сейчас полномасштабное
наступление на секторе 1-13, мы ведь
почти ничего не сможем сделать, чтобы
помешать им осуществить прорыв!

— Но позвольте, если это случится,
наши соединения в других секторах будут
вынуждены отступить, иначе они рискуют
оказаться полностью отрезанными от
основных сил... Все это может обернуться
паническим бегством. Нет, это
совершенно невозможно, Дрезлен. Это ведь

орки! Дикие твари. Да у них не хватит
ума даже на то, чтобы...

На какое-то время генерал утолк и, повернувшись к пикт-дисплею, стал внимательно смотреть на висящий перед ним экран. Глядя на встревоженное лицо старого вояки, на котором сейчас отражалась идущая в его душе безмолвная борьба, вызванная только что услышанным, полковник Дрезлен вдруг понял, что даже испытывает к нему нечто вроде симпатии. Генерал Пронан был солдатом старой школы, который за сорок лет службы в Гвардии глубоко внитал в себя веру, что все чужаки и враги Империи своим интеллектом лишь немногим превосходят животных. Даже допустить мысль, что ксеносы могут обыграть его тактически --- и не просто ксеносы, а орки, --- было для него тучительно трудно. Однако очевидность проблемы не подлежала сомнению. Дрезлен видел, как постепенно менялось лицо генерала и как на нем появилось выражение мрачной решимости. Похоже, тот принял решение.

--- Ну хорошо, --- произнес Пронан

наконец. -- Предположим, в порядке
свободного обсуждения, что ваша теория
верна. Может ли мы в этом случае как-то
усилить сектор 1-13?

-- Никак нет, сэр. Как я уже сказал,
все наши части сейчас связаны боем и
отражают в своих секторах атаки орков.

-- А что можно сказать о тех наших
частях, которые уже находятся в секторе
1-13? Кто у нас там размещен?

-- Рота «Альфа» из Девятьсот
второго Варданского стрелкового полка
командованиел сержанта Юджина
Челкара, сэр.

-- Что, одна-единственная рота? --
Голос генерала превратился в чуть
слышимый шепот. -- Полк командованиел
сержанта? Это все, что мы там имеем?
Но Святой Трон, если вы правы и атака
там действительно начнется...

-- Так точно, сэр, -- подтвердил
Дрезлен. -- Если это случится, то лишь
две с небольшим сотни гвардейцев будут
отделять нас от того положения дел,
когда вся эта карта окрасится в зеленый
цвет.

Ему снилось, что он снова дома. Снились весна — свежеспаханная земля полей, сырая и плодородная, готовая принять семена во время сева... Снилось лето — синее, бескрайнее небо над головой, а под ним бесконечные ряды колосьев золотистой зреющей пшеницы... Снились осень — то же самое небо, но уже основательно затянутое дымом, который лениво поднимался от горящего жнивья, сжигаемого каждый раз после уборки урожая... Снились зима — пустые до головокружения просторы полей и земля, скованная первым морозом. Он спал, и сны его будто были беспорядочно смонтированы из прежде знакомых ему образов людей и мест, из разного рода воспоминаний...

Ему снилось, что он снова дома.

Ему снились беснечные дни его юности... Разные времена года... Мир, счастье, душевный покой...

А затем... Затем он снова проснулся в аду.

Где-то над головой раздался взрыв, и очнувшись от его грохота Ларн не сразу сообразил, где он находится. Заспанно озираясь по сторонам, он наконец узнал облиндаж и понял, что, должно быть, пока другие беседовали, незаметно для себя уснул на одной из коек. Потом он услышал еще один взрыв, намного громче первого, и, подняв голову, заметил тонкую струйку земли, которая сыпалась из щели между неплотно подогнанными потолочными досками.

--- Совсем рядом... --- прозвучал возле него спокойный голос Булавена. --- Да... не хотел бы я оказаться сейчас наверху, посреди всего этого.

Окончательно проснувшись, Ларн обнаружил, что нечаянно уснул прямо на своей столовой лиске. Счищая с гилнастерки затвердевший комок овсянки, он еще раз огляделся по сторонам и убедился, что все знакомые ему варганцы находятся рядом. Булавен сидел на соседней койке, начищая ботинки, Учитель вновь погрузился в чтение, а Давир, каким бы невероятным это ни казалось, мирно

спал на одной из коек, несмотря на то что у него над головой ни на секунду не утихали раскаты взрывов.

— Эй, салажонок, да ты никак проснулся?! — воскликнул Бұлабен и, подождав, когда наверху отгремит очередная серия взрывов, выразительно указал большим пальцем на потолок. — Хотя не могу сказать, что сильно этому удивлен. Расшутелись так, что и покойника разбудят!

— Они что, снова по нам стреляют? — спросил Ларн. — Наша артиллерия, хотела сказать.

— Наша? Хм... О нет, салажонок, — нахмурился Бұлабен, — на этот раз это орки. Если ты прислушаешься, то сможешь уловить разницу: у снарядов орков, когда они взрываются, более глухой звук. И все же сейчас тебе нечего бояться. Эти блиндажи и не такое выдерживали. Пока мы здесь, мы в полной безопасности.

— Если только, конечно, снаряд не попадет в вытяжную трубу, — подняв глаза от книги Учитель. — В этом случае, даже если сам снаряд сюда не

залетит, взрывная волна проникнет через дымоход.

--- Верно, --- согласился Булавен. --- Эй, салажонок, не стоит так этого бояться! Вряд ли это произойдет. В любом случае этот обстрел долго не продлится. Видишь ли, когда доходит до таких дел, у орков никогда не хватает выдержки. Скорее всего, тот орк --- уж не знаю какой, --- в чьем ведении находится их главная батарея, по какой-то причине пришел в возбуждение. Вот и решил отпраздновать это событие, дав по нам несколько залпов. Поверь мне, салажонок, через какие-нибудь десять минут все это закончится.

--- Сколько уже это длится? --- спросил Ларн, прислушиваясь к глухим разрывам снарядов, бьющих по земле прямо над их блиндажом.

--- Около часа, я думаю, --- пожал плечами Булавен, прочищая спусковой механизм своего тяжелого огнемета. --- Может, минут сорок пять. Что-то сегодня орки слишком завелись. И все же я бы не очень переживал из-за этого. Знаешь,

салажонок, не дай им испортить свое
казарменное время! Рано или поздно они
неприменно сами устанут от своего
обстрела.

Совсем не почувствовав себя
обнадеженным, Ларн посмотрел вверх и
увидел, как еще одна струйка земли
посыпалась из зазора между потолочными
досками. Ларн вспомнил свой сон со
старухами в лохмотьях, которые стояли
над его могилой и бросали ему на лицо
землю, и невольная дрожь пробежала по его
телу. «Эти взрывы раздаются так
близко, — подумалось ему. — Что, если
один из снарядов угодит во вход и все мы
покажется в западне? Смогут ли тогда те,
кто на поверхности, выкопать нас отсюда?
Да и будут ли они даже пытаться?
Всемилостивый Император, не лучше ли
уж тогда, чтобы случилось так, как
сказал Учитель, и шальной снаряд попал
бы в вытяжную трубу. По крайней мере,
это была бы быстрая смерть! Я бы умер,
даже не успев об этом подумать, а не был
бы похоронен заживо в братской могиле
этого блиндажа, мучительно ожидая.

когда кончится воздых, или медленно
утирая от жажды и голода».

Внезапно осознав, что от гүла ни на
миг не утихающих взрывов и от мыслей о
том, что эти взрывы могут с собой
принести, его нервы вот-вот лопнут, Ларн
принялся осматривать помещение,
стараясь найти там хоть что-то, что
могло бы его отвлечь от происходящего
над головой. Казарменный блиндаж был
переполнен людьми, нашедшими здесь
убежище от обстрела. Среди них он увидел
сержанта Челкара, офицера медицинской
службы Свенка и кое-кого из стрелкового
расчета Рензика. В то время как с
поверхности ни на секунду не прекращал
доноситься гүл взрывов, здесь, внизу, жизнь,
казалось, текла так же, как и до начала
обстрела. Он видел, как варганцы ели,
беседовали, стаялись, пили рекаф,
некоторые из них даже пытались спать,
как Давир. Затем он заметил Зиберса,
который, как и прежде, сидел один,
привалившись к стене блиндажа, и
механически подбрасывал рукой свой нож,
ловя его то за лезвие, то за рукоятку.

Наблюдая, как Зиберс играет ножом, Ларн вдруг почувствовал необоримое желание услышать наконец ответ на вопрос, который мучил его с тех пор, как он впервые узнал этого человека.

— Бүлавен! — окликнул он бывалого гвардейца. — Помнишь, ты сказал мне, чтобы я не слишком переживал о том, что говорит Давир? Что это он всегда такой?

— Конечно полню, салажонок, — отозвался Бүлавен. — И почему ты об этом вдруг вспомнил?

— Ну... Я бы хотел узнать о Зиберсе... — Ларн вдруг умолк, не зная, как ему лучше начать.

— О Зиберсе? И что бы ты хотел о нем узнать, салажонок?

— Я думаю, он заметил, что Зиберс проявляет по отношению к нему некоторую враждебность, — включился в разговор Учитель, который оторвал глаза от своей книги и взглянул на Ларна. — Я ведь прав, не так ли, салажонок? Это то, о чем ты хотел спросить?

— А... понимаю, — покачал головой Бүлавен. — Ну, здесь большого секрета нет.

салажонок. Зиберс нервничает всякий раз, когда в нашем звене становится больше четырех человек.

--- Нервничает? --- удивился Ларн. --- Почему?

--- Все дело в его суете, --- объяснил Учитель. --- По-видимому, на родной планете Зиберса число четыре считается счастливым. Теперь слушай: когда он только прибыл в Брушерок и присоединился к нам, в нашем звене осталось только три человека --- Булавен, Давир и я. Таким образом, Зиберс стал четвертым. Счастливая четверка --- в его представлении. Вот он и убедил себя, что только так ему удалось пережить свои первые пятнадцать часов, не говоря уже обо всех последующих. Поэтому, видишь ли, всякий раз, когда нам присылают подкрепление и в нашем звене становится пять человек, он склонен верить, что его удача неким образом ставится под угрозу. Помнишь, я уже говорил тебе прежде, что у каждого человека здесь есть своя собственная теория о том, как ему выжить, когда так много других вокруг

уже погибло? Верования Зиберса лишь еще один пример из этого же ряда.

— Как видишь, салажонок, никакой тайны! — добродушно подытожил Бұлавен, но затем вдруг резко повернул голову и стал внимательно наблюдать за тем, что происходит в другом конце блиндажа. — Хм... Вроде как затевается что-то...

Проследив за направлением взгляда здоровяка, Ларн увидел сержанта Челкара, который стоял сейчас у стола интенданта в углу казармы и что-то серьезно обсуждал с капралом Владеком. Когда сержант отошел в сторону, чтобы поговорить с кем-то еще, Владек принялся вскрывать стоящий перед ним большой деревянный ящик. Открыв его, он осторожно, один за другим, стал доставать оттуда и выкладывать перед собой на стол большой запас тяжелых фугасных зарядов. Ларн заметил, что, как только он начал это делать, лицо Бұлавена неожиданно стало тревожным, будто здоровяк увидел в действиях Владека что-то, что его сильно

обеспокоило.

--- Что там такое, Булавен? ---
спросил юноша. --- Ты что-то увидел?

--- Плохой знак, салажонок, --- сказал
Булавен. --- Между нами говоря, это и
вправду очень плохой знак.

--- В нашем секторе объявлена
«красная» степень тревоги, --- начал свою
речь Челкар, с мрачным лицом обращаясь
к стоящим перед ним гвардейцам, в то
время как над головой у них все
продолжали и продолжали рваться
снаряды. --- Командование сектора
сообщает, что нам следует ожидать
шторма. Большого шторма, который,
вероятно, задумано начать сразу по
окончании этого обстрела. Похоже, на
этот раз орки ударят по нам сильно. Уже
точно сильнее, чем в те атаки, которые
нам уже пришлось пережить сегодня...

Прошло уже несколько минут с тех
пор, как после разговора с интендантом
сержант Челкар приказал всем, кто был в
казарменном блиндаже номер один, взять
свое оружие и собраться вокруг чуждой

печки, где он лично решил провести
инструктаж.
Учитель, Булавен, Давир, Зиберс,
гвардейцы из других звеньев, даже Владеки
и однорукый повар Скенч стояли сейчас в
полном боевом снаряжении, напряженно
вслушиваясь в слова Челкара, и лица их
были столь же серьезны и напряженны, как
и лицо их сержанта. Оглядываясь по
сторонам, Ларн увидел, что от
раскованности и расслабленности, с
которой эти люди проводили свое время в
казарме, не осталось и следа. Теперь они
снова были солдатами. Гвардейцами. Они
снова были готовы к войне.

— Не хочу вам лгать, — продолжал
Челкар. — Наше положение выглядит
трачно. Все прочие сектора в нашем
районе подвергаются массированным
атакам и потому все резервные соединения
так или иначе уже задействованы. А это
значит, что никакой возможности
получить подкрепление — по меньшей
мере, в ближайшие часы — у нас не будет.
Хуже того, батарейное командование уже
израсходовало свой лимит боеприпасов.

поэтому рассчитывать на их поддержку мы тоже не можем. У нас, конечно, есть еще свои собственные минометы и свои собственные команды для поддержки огня, но в остальном нам придется полагаться лишь на самих себя...

Теперь хорошая новость. Командование сектора ясно дает понять, что, если мы не продержимся, возникнет серьезная опасность большого прорыва орков в город. В связи с этим они приказывают нам держать сектор любой ценой. «Стойте намертво», — говорят они нам. Сколько бы орков на нас ни пошло и как бы сильно они по нам ни ударили, мы все равно будем держаться. Держаться до тех пор, пока или не получим подкрепления, или атака орков не захлебнется, или сам Император не сойдет с небес, чтобы сражаться с нами плечом к плечу... Вот уж не знаю, что из всего этого случится первым. Помните, мы здесь, чтобы удерживать позиции! Мне наплевать, даже если перед нами ад разверзнется! Мы будем удерживать позиции, несмотря ни на что! Не то чтобы

у нас был большой выбор, сами понимаете...
Все вы знаете, что будет, если мы
отступим. Комиссары даже не станут
утруждать себя организацией трибунала --
будет просто пуля в затылок и
бесплатное место в костре для трупа.
Это Брюшеровк! Между орками и нашими
собственными командирами нам все равно
никуда не деться!..

Что касается нашего плана обороны,
то я приказал Влагену дополнительно
выдать каждому по четыре гранаты и
выделить один фугасный заряд на звено.
Как только начнется штурм наших
позиций, мы будем держаться передовых
стрелковых траншей так долго, как
только возможно, и отступим к
блиндажам, только когда положение
станет совсем безнадежным. Затем, когда
мы отойдем к блиндажам, мы там
закрепимся. Дальше мы уже отходить не
будем. Дальше -- только держаться или
умереть!.. Вопросы есть?

Никто не проронил ни звука.
Гвардейцы стояли молча, преданно глядя
на своего сержанта, и в каждой черточке

их лиц была запечатлена мрачная
реши́тость. С ним они были готовы к
любому повороту судьбы — как в лучшую,
так и в худшую сторону.

— Что ж, хорошо, — сказал Челкар. —
Мы довольно уже бывали в подобных
ситуациях, чтобы позволить себе
говорить сейчас лишнее. Все вы примерно
знаете, что нас ждет впереди. Я скажу
лишь одно. Удачи каждому из вас! И если
судьбе будет угодно, пусть мы увидимся
снова... уже после боя.

— Может, это и есть Большой
натиск? — услышал Ларн голос одного из
гварданцев, когда он, подвесив себе на пояс
дополнительно выданные ему Владеком
гранаты, уже шел, чтобы присоединиться
к своим товарищам из третьего
стрелкового звена. — Видит Император,
это должно было когда-то случиться...

— Не может быть, — сказал на это
другой стоящий рядом гвардеец. — Ставка
сообщила бы нам об этом.

— Ха! Не морочьте себе голову, —
устехнулся третий. — Эти чертовы

генералы отказываются даже допустить мысль, что Большой натиск возможен. Когда он наконец произойдет, для них это будет такой же сюрприз, как и для всех нас!

Большой натиск! К тому времени Ларн уже несколько раз слышал, как это словосочетание произносили, переешептываясь между собой, угрюмые варгейцы, когда они, стоя в блиндаже, делали последние настройки в своем оружии, в то время как над ними все еще продолжал сотрясать землю артобстрел. И каждый раз, как он это слышал, ему становилось не по себе от того, как они это произносили. Было ясно, что это была интонация нервозности и скрытой тревоги. «Интонация страха», — подумал он и невольно сам согрознулся.

— Булавен! — обратился юноша к здоровяку. — Что такое Большой натиск?

Какое-то время варганец молчал, и обычно добродушное выражение на его физиономии сменилось вдруг кислой, унылой миной, похожей на ту, которая бывает у родителей, когда они понимают,

что уже больше не могут скрывать от
своего ребенка жестокую правду этого
мира.

--- Это очень плохая вещь, салажонок, ---
вытолвил наконец Бүлавен. --- Это можно
было бы назвать легендой, я полагаю... или
мифом. Ну, знаешь, когда проповедники
рассказывают нам в церкви о Сүдном дне,
когда Император в конце времен снова
сойдет со своего Трона и будет судить
человечество за его грехи... Большой
натиск --- это что-то вроде...

--- Что-то в духе народного предания, ---
вмешался в разговор стоящий рядом
Учитель. --- Большой натиск --- это
мифический апокалипсис, которого
ожидает и боится каждый гвардеец в
этом городе. Сүдный день, как выразился
Бүлавен, когда орки решатся пойти на
свой давно ожидаемый последний штурм и
Брүшерок наконец падет. Это наш ночной
кошмар, салажонок. То самое, чего
защитники этого города боятся больше
всего на свете. И само по себе совсем
неудивительно, что ты услышал об этом
именно сейчас. Ведь гля орков

одновременно начать атаку в стольких секторах, да еще скоординировать свои действия с ударами артиллерии в высшей степени необычно. Необычно настолько, что и впрямь можно увидеть в этом предвестие чего-то более значительного.

--- Большой натиск --- это собачья чухшь, салажонок! --- решительно заявил Давир. --- История, которую мамыши в этом городе рассказывают своим детишкам на ночь, чтобы те скорее уснули! Ничего больше! Выкинь это из головы!

Тут все они затолчали, но, взглядываясь в лица товарищей, Ларн увидел то же, что прежде почувствовал в шепоте тех, кто говорил о Большом натиске.

Он увидел страх.

И надо сказать, это его нисколько не обнадежило.

Глава четырнадцатая

21:15 по центральному времени
Брушерака

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И
ТРАГЕДИЯ ВОЙНЫ
ВОПРОСЫ ТАКТИКИ И ВЕЧНОСТЬ
ОЖИДАНИЯ
ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ В
СТРАНШЕЯХ И ПРЕЛЮДИЯ К БОЮ
УДЕРЖАНИЕ ПОЗИЦИЙ
РАНЕН В ГОЛОВУ И СПАСЕН
ДАВИРОМ
ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ У
БЛИНДАЖЕЙ

Для капитана Арноля Яаба этот день был долгим и утомительным. День, который он провел, как и все прочие дни своей жизни за последние десять лет, в

тесном, не имеющем окон офисе, который размещался на одном из нижних этажей ставки в самом центре Брюшера. И все это время он не покладая рук готовил обновляемые дважды в день статистические отчеты о потерях в рядах Имперской Гвардии, которые составлялись на основе данных из донесений и табельных журналов, направляемых ему командованием различных секторов со всех концов города.

«Сектор 1-11, --- записал он своим ровным, аккуратным почерком в большой учетный журнал. --- 12-й Колорадинский стрелковый корпус. Командующий офицер: полковник Вилан Альтман. Прежний состав: 638 человек. Общие потери за последние 12 часов: 35 человек. Уточненный состав: 603 человека. Процент убыли: 5,49 %».

«Сектор 1-12, --- продолжил он, благоразумно дав чернилам высохнуть, чтобы избежать риска замарать предыдущую запись. --- 35-й Зувенийский пехотный полк. Командующий офицер: Цирослан Даситол (погиб). Прежний состав: 499 человек. Общие потери за

последние 12 часов: 43 человека.
Уточненный состав: 456 человек. Процент
убыли: 8,62 %».

«Сектор 1-13. 902-й Варганский
стрелковый полк. Командующий офицер:
сержант Юджин Челкар (временно
исполняющий обязанности). Прежний
состав: 244 человека. Общие потери за
последние двенадцать часов: 247 человек.
Уточненный состав: -3. Процент убыли:
101,23 %».

Бросив взгляд на только что
внесенную им в журнал запись, Яаб вдруг
сообразил, что с цифрами явно что-то не
так. «101,23 %?! Это не может быть
правдой! — подумал он. — Как может боевое
соединение потерять больше ста
процентов от своего изначального состава
и сократиться так, что его уточненный
состав стал равен "-3"?! Это же
невозможно. Как может быть минус три
человека?»

В досаде поджав губы, капитан Яаб
перепроверил цифры, приведенные в
табельном журнале потерь командования
сектора «Бета». Там черным по белому

была приведена та же статистика. Умевший
общий состав в 244 человека, 902-й
Варганский из своих рядов за последние
двенадцать часов умудрился потерять не
менее 247! Когда в глубине своей
чернильной души он уже начал опасаться,
что сам где-то допустил ошибку, за
которую его непременно накажут
выговором или того хуже — отправят на
передовую, Яб заметил листок,
подклеенный сзади к обложке табельного
журнала, и понял, что, возможно, там
найдет источник столь вопиющей ошибки.

Это был прилагаемый отчет,
содержащий запись о том, что в секторе 1-
13 около полудня потерпел крушение
десантный модуль, который
дополнительно доставил в сектор 235
сваргейцев.

«Эй, вон из-за чего такое
несоответствие! — радостно подумал Яб,
мгновенно проделывая у себя в голове целую
серию вычислений. — Дополнительные 235
человек доводят общий личный состав
сектора до 479. Тогда потеря 247 человек
оставляет нам уточненный состав равный

которые сотрясали землю у них над головой. -- Ты ведь слышал: как только обстрел прекратится, мы выходим. Затем собираемся в группу и бежим к нашей стрелковой траншее. На этот раз, салажонок, никаких пригибаний к земле или попыток пересидеть в укрытии. Просто рви вперед так быстро, как только сможешь. Мы должны вернуться в траншею и быть готовыми к стрельбе, прежде чем орки достигнут убойной зоны у отметки в триста метров...

Булавен продолжал говорить, пока они вместе с остальными варданцами стояли у ступеней, ведущих из блиндажа на поверхность. В то время как юноша неловкими пальцами пытался настроить на новую частоту микрокоммуникатор у себя в ухе, на память ему пришел урок, который он получил еще в предыдущем бою. «Самое плохое время, -- думал он, -- это когда ты ждешь начала атаки, а бой еще не начался. После того как сражение началось, тоже страшно, но сейчас у тебя есть время подумать о том, что приближается, и от этого становится

только страшнее. И орки, похоже, это знают! Как же много времени они дают нам, чтобы мы смогли прочувствовать наш страх! Вот так стоишь, и кажется, будто целая вечность проходим!»

— Ладно, салажонок, — сказал Бұлавен. — Я только что рассказал тебе все, что нужно знать о том, что мы собираемся делать. Теперь я хочу, чтобы ты мне все это повторил — так, чтобы я был уверен, что ты все правильно понял.

«Неужели он заметил, что я боюсь? — подумал Ларн. — Неужели он таким образом старается занять меня и отвлечь от того факта, что, возможно, мы все умрем и теперь это уже вопрос нескольких минут? А если это заметно даже Бұлавену, то что тогда говорить об остальных? Не наблюдают ли они за мной сейчас, задая, не повернусь ли я и не побегу ли в обратную сторону? Не думают ли они, что я трус?»

— Так какая у нас тактика, салажонок? — пихнул его локтем Бұлавен. — В чем она заключается?

— Как только добежим до стрелковой

траншеи, мы там закрепляемся и удерживаем ее так долго, как только сможем, -- начал Ларн, мысленно вознося молитву Императору, чтобы голос его сейчас не звучал так нервно и, как ему казалось, испуганно. -- Затем, если мы почувствуем, что нас вот-вот сметут, Учитель установит фугасный заряд, чтобы выиграть необходимое для нашего отхода время. У тебя будет огнемет, я понесу запасную канистру с горючим, а Давир и Зиберс будут прикрывать наш отход огнем своих лазганов.

-- А если к тому времени одного из нас уже убьют? -- продолжал экзамен Булавен. -- Или он будет так сильно ранен, что уже не сможет самостоятельно передвигаться? Что тогда, салажонок?

-- В этом случае у нас будет три приоритета в следующем по важности порядке убывания: фугасный заряд, огнемет и запасная канистра с горючим. Если это не пойдет в ущерб трем главным задачам, мы поможем раненым как сможем. Если пойдет, мы оставим их на поле боя.

-- Ты это хорошенько запомни.

салажонок. Это важно. Так куда мы
отходим после?..

— К укрепленным мешками с песком
позициям, которые располагаются прямо
над этим блиндажом, — отчеканил Ларн,
в точности повторяя то, что вдалбливал
ему Булавен, пока они ожидали окончания
обстрела. — Дальше, как сказал сержант
Челкар, мы уже не отступим. После того
как мы окажемся в этих укреплениях, мы
или держимся, или утираем.

— Очень хорошо, салажонок, —
саркастически ухмыльнулся стоящий
рядом с ним Давир. — Похоже, ты все
правильно понял.

Внезапно артиллерийский огонь
прекратился. Тот краткий период
тишины, который за этим последовал,
после столь долгого обстрела показался
жутким и странным.

— Пошли-пошли-пошли! — закричал
сержант Челкар, в то время как стоящий
рядом с ним Владек распахнул двери
блиндажа, и собравшиеся у выхода
варданцы гурьбой бросились вверх по

ступеням. -- Безом!

Не успел Ларн опомниться, как сам уже выскочил на поверхность и, щурясь от серого света холодного солнца, вместе с Булавеном и другими бросился бежать к стрелковой траншее. Остальные варганцы, рассеявшись по изрытому взрывами полю, устремились к своим позициям. Пробежав всего несколько метров, он услышал в микрокоммуникаторе голос капрала Гришена.

-- По данным ауспика на позициях противника наблюдается активность, -- сквозь бурный треск помех взволнованно передавал Гришен. -- Орки пришли в движение!

Но Ларн и сам уже видел их. Целая орда зеленокожих поднялась с той стороны нейтральной полосы и с диким криком двинулась на них в атаку. На мгновение юноша услышал в голове тихий голос, который его спрашивал, зачем он бежит навстречу оркам, когда каждая клеточка тела кричит ему, чтобы он бежал от них так быстро, как только позволят ему ноги, но он нашел в себе силы этот голос

игнорировать и лечатся к траншею, чтобы вместе с другими гвардейцами своего звена занять боевую позицию и быть готовым отразить штурм.

--- Пятьсот метров! --- громко произнес Учитель, который ко времени, когда Ларн прыгнул в траншею и вместе с Булавеном занял свое место на стрелковой ступени, уже успел посмотреть в оптический прицел.

--- Запомни салажонок, --- сказал Булавен, --- как услышишь приказ отступить назад, хватай запасную гранату с горючим и держись ближе к стене!

--- Верно, салажонок, --- бросил через плечо Давир. --- И вот еще что... Когда окажешься в этой заварухе, смотри не потеряй опять свой лазган. Скажу тебе по секрету: каска у тебя для того, чтобы защищать твою голову, а не для того, чтобы бить ею гретчина. Теперь, щенок, приготовься... Пришло время показать оркам клыки.

--- Четыреста метров! --- произнес Учитель.

Крепко полня на этот раз, что нужно
снять лазган с предохранителя, Ларн
поспешно прокрутил в голове ритуал перед
боем, мысленно произнеся литанию о
лазгане, а затем вдобавок и быстрюю
молитву Императору. Он видел, как рядом
с ним Давир, Учитель и Зиберс целятся в
орков, в то время как стоящий чуть в
стороне Булавен проверял давление в
своем огнемете. Затем он услышал, как за
его спиной раздалась минометные залпы, и
понял, что сражение вот-вот начнется
всерьез.

--- Триста метров! --- крикнул
Учитель. --- По моему сигналу... огонь!

Лучи лазеров... Хлопки минометов...
Залпы автоматических орудий...
Осколочные ракеты... Со всех концов своей
линии обороны варганцы открыли огонь из
всего, что у них было. Пока стоящие
плечом к плечу Давир, Учитель и Зиберс
стреляли из лазганов, Ларн стрелял
вместе с ними, полня, что нужно целиться
выше, чтобы выбивать орков, как ему уже
однажды советовал Рензик. И сквозь весь

этот шквал огня зеленокожие неуклонно продолжали свое наступление.

«В этот раз их даже больше, — подумал Ларн. — По крайней мере в десять раз больше, чем когда я был в траншее с Рензиком. Император всемилостивый! Увидь тогда нам едва удалось их удержать!»

— Сто двадцать метров! — выкрикнул Учитель; казалось, что орки преодолевают разделяющее их расстояние с невероятной быстротой. — Сменить магазины и переключить лазганы на безлый огонь!

Зеленокожие подходили все ближе. Некоторые из них уже получили тяжелые ранения под безжалостным огнем варданцев, но глаза у них горели красным огнем, и все они единой, казавшейся бескрайней, неукротимой волной неукержимо рвались вперед.

— Пятьдесят метров! — спокойно отсчитывал голос Учителя. — Сорок метров... Тридцать...

— Теперь, толстяк, в любое удобное для тебя время! — крикнул Давир Булавену. — Ты вообще собираешься

использовать свой чертов огнемёт или ждёшь, когда орки подойдут так близко, что сможешь запердеть их на смерть?!

В ответ Бүлавен поднял растрёпанного огнемёта, встал во весь рост, так чтобы можно было направить огонь поверх бруствера, и выпустил разрастающийся конус желто-черного пламени в ближайшее к нему скопление врага. Отчаянно визжа, агонизирующие орки один за другим исчезали в жгучей пелене, в то время как Бүлавен продолжал поливать яркой огненной струей обступающих их собратьев. Вскоре все, что Ларн мог перед собой увидеть, скрылось за поднявшейся завесой огня, а воздух загустел от дыма и страга горящей плоти ксеносов.

--- Стреляй по краям, салажонок! --- вскричал Давир. --- Пусть Бүлавен разбирается с теми, что перед нами, а наша задача остановить тех, кто обегает по флангам!

Следуя указаниям Давира, Ларн стал стрелять по оркам, которые наступали на них, огибая справа выставленную огнемётом завесу, тогда как Учитель и

Зиберс били по тем, кто заходил слева. Вуда уцерб, нанесенный рядам зеленокожих, Ларн на мгновение подумал, что сейчас станет свидетелем того, как их наступление начнет выдыхаться. «Мы побеждаем! — в возбуждении думал он. — Мы их разбили. Не может быть, чтобы орки прошли сквозь заслон огнемета!»

Но тут огнетет зачихал, и языки выбрасываемого им пламени вдруг загрозили и потеркли.

— Канистра пуста! — крикнул Булавен, руки которого были уже на шланге подачи топлива. — Переключаюсь на другую!

— Бросайте гранаты! — взревел Давир, и его руки потянулись к гранатам, висевшим у него на поясе.

Пока Булавен отсоединял шланг подачи топлива от одной канистры и подсоединял его к другой, остальные гвардейцы расчета кинули в орков по две гранаты каждый. К моменту, когда разорвалась последняя, шланг подачи был подсоединен, и огнетет вновь стал выплевывать пламя. Еще больше орков

погибло, но выжившие, казалось, не обращают на это внимание. Будто получив новый импульс в тот краткий отрезок времени, когда внимание огнеметчика было отвлечено, организовано ринулась вперед. Некоторые из них с головы до ног были охвачены пламенем и тем не менее продолжали движение! Тридцать метров стали сорок. Двадцать пять превратились в сорок. Двадцать...

— Отходим! — заорал Давир. — Ублюдки почти над нами. Учитель, активируй фугасный заряд. Всем остальным отходить немедленно!

Начался отход...

Закинув лазган за спину, Ларн вскарабкался на заднюю стену траншеи и вытащил за собой тяжеленную запасную канистру для огнемёта. Затем он пустился бежать в сторону укреплений над блиндажом, в то время как Учитель уже бросал фугасный заряд под ноги наступающим оркам.

— Живее, салажонок, — крикнул ему

Учитель, чьи глинные ноги позволили ему быстро преодолеть разделяющее их расстояние. — У нас только четыре секунды!

Ларн услышал позади себя чудовищный взрыв и увидел, как комья земли полетели мимо его головы. Загнетый взрывной волной, он споткнулся и на мгновение потерял равновесие, однако тяжелая канистра за спиной, послужив противовесом, уберегла его от падения. И вот в тот момент, когда юноша, пытаясь ускорить бег, переложил тяжелую канистру на плечо, он получил болезненный удар в затылок. От резкого толчка он закрутился на месте и рухнул на землю.

Упав в протерзлую грязь, Ларн почувствовал, как по голове растекается теплая влага. Ощупав затылок, он обнаружил, что пальцы вымазаны красным. Он также увидел перевернутую каску, валяющуюся перед ним на земле — какой бы снаряд ни сбил ее с его головы, он оставил большую вмятину. С трудом поднявшись на ноги, Ларн подумал — хоть это и было сейчас совсем не к месту, — что стало бы с

нит, если бы он закрепил ремешок своей каски, а не оставил бы его свободно болтаться? Но тут гортанный рык за его спиной — боевой клич враждебной человеку расы — мгновенно прогнал эту мысль.

В полном стяжении Ларн обернулся и увидел ужасного орка, который, держа громадный пистолет в одной руке и широкий боевой топор в другой, шел прямо на него. Чужовище казалось огромным; все его тело состояло из непропорционально массивных, не по-человечески развитых мышц. Ларн увидел выступающую челюсть, желтые серповидные клыки, а также нанизанные на веревку три отсеченные человеческие головы, которые, как жуткого вида зрители, глядели с этого ожерелья трофеев, лежащего на плечах монстра. Пистолет выстрелил, и Ларн услышал, как мимо него просвистела пуля. Будто обладая собственной волей, его лазган ответил, и первый лазерный разряд прошел над плечом орка, задев один из его страшных трофеев.

Взяв себя в руки, Ларн выстрелил снова и на этот раз попал врагу в грудь.

Ничуть не смутившись, орк даже не сбился с шага. Ларн выстрелил снова, выпустив быструю серию разрядов, которые поразили монстра в шею, плечо, снова в грудь и затем в лицо. В конце концов, когда Ларн уже стал опасаться, что тот его сейчас достанет зазубренным лезвием боевого топора, орк в ярости издал последний предсмертный рык, после чего рухнул на землю и тут же издох. Каким бы кратким ни было ликование, которое ощутил Ларн при этой первой своей победе, оно быстро испарилось, когда он увидел, как несколько других зеленокожих ринулись на него по следам убитого собрата.

— Вали отсюда, салажонок! — услышал он позади себя дикий крик и почувствовал, как чья-то рука хватает его за плечо. — Проклятие! Ты что, пытаешься подманить к себе всю эту чертову стаю?!

Это был Давир. Одной рукой стреляя по наступающим оркам, другой он потянул Ларна в сторону блиндажей. От удара голова у юноши кружилась, однако, сообразив, что при падении уронил

канистру для огнемёта, он какое-то время сопротивлялся товарищу, отчаянно ища глазами потерю.

--- Слишком поздно, салажонок, --- прикрикнул на него Давир и теперь уже силой дернул за плечо. --- Брось ее. Мне эта канистра нужна там, где она лежит!

Уступив разумным доводам, Ларн повернулся и вместе с Давиром бросился бежать, лишь в последний момент заметив потерянную канистру, которая теперь валялась почти под ногами выстроившихся в фалангу, дико орущих орков. И вот прямо на бегу, когда они еще не достигли укреплений, Давир вдруг быстро обернулся и произвел один-единственный, но точный выстрел. Лазерный луч пронзил корпус канистры, и та взорвалась, вспыхнув оранжевым пламенем и испепелив вокруг сразу несколько орков. Тем самым гвардеец выиграл время --- как для себя, так и для Ларна, --- чтобы они вдвоем успели достичь желанной цели.

--- Понял теперь, салажонок? --- сказал Давир, после того как сильные руки гурзей-

зваргейцев помогли им оказаться в безопасных пределах нового укрытия. -- Я же говорил тебе, что хочу, чтобы канистра оставалась там, где она была! Ах да... Я видел, ты вроде как держался за голову? Не стоит тебе так сильно на этот счет беспокоиться -- тебя лишь слегка задело! Хотя... Учитывая, как ты порой пользуешься головой, мог бы ее и оркам оставить!

-- Вы что, вернулись, чтобы мне помочь?.. -- недоверчиво спросил Ларн. -- Уж это после того, что Булавен говорил об оставлении раненых? Вы вернулись, чтобы меня спасти?..

-- Я бы на твоем месте не слишком много о себе воображал, салажонок, -- сказал Давир. -- Что я действительно хотел спасти, так это канистру для огнемета... А дальше просто следовал за событиями... Вот, собственно, и все. Так что заткнись и начинай стрелять. Ты убил одного орка? Их осталось еще около двадцати тысяч!

У них кончились гранаты... Они

израсходовали последнее горючее для
огнемёта... Также утолкли
автоматические орудия, ракетные
установки и лазерные пушки. Даже заряды
батарей для лазганов подходили к концу. И
все же, как бы много визжащих
зеленокожих уже ни было уничтожено,
атака все никак не прекращалась.

Раскалившийся ствол лазгана
обжигал ему пальцы, когда Ларн, стоя на
стрелковой ступени оборонного вала,
выпустил лазерный луч в лицо безобразного
орка, который взбирался к нему по
мертвым телам своих собратьев. Затем
еще в одного. Затем еще... Он стрелял
инстинктивно, без передышки и
размышлений, едва ли даже нуждаясь в
том, чтобы целиться, — настолько
плотным был натиск тел чужаков,
которые отряд за отрядом наступали на
него ревущими волнами. Теперь гвардейцы
были окружены, отрезаны от других
укреплений бесчисленными толпами орков
— каждое укрепление казалось одинокой
скалой посреди бескрайнего бурлящего моря
варварской зеленой плоти.

Краем глаза Ларн видел вокруг себя товарищей: Булавена, сражающегося с лазганом, взятый из рук убитого гвардейца, Давира, Учителя, Зиберса. Он видел Челкара, его холодное, выразительное лицо, когда тот передергивал затвор гробовика и выпускал по врагу заряд за зарядом. Он видел Владека, офицера медицинской службы Свенка. Видел повара — рядового Скенча, его лезвием сверкал в единственной оставшейся у него руке, когда он стоял плечом к плечу с остальными. Он видел их лица: напряженное, но все же решительное лицо Учителя; исполненное чувством долга лицо Булавена; нервное Зиберса; выплевывающее грязные и яростные оскорбления в сторону орков лицо Давира. В их глазах он видел стальную волю и решимость дорого отдать свою жизнь. Глядя на все это, Ларн невольно почувствовал легкий стыд за то, что усомнился в этих людях, когда впервые их встретил. Какими бы ужасными ни казались их манеры, гвардейцы были такими, какими и должны быть

зваргейцы. Смелыми, решительными, несгибаемыми перед лицом врага. По сути, они и были теми людьми, которые построили Империям. Тем, кто участвовал во всех его сражениях, одерживал для него победы...

Сегодня, однако, они безнадежно уступали врагу числом. Сегодня это был их последний рубеж.

— У меня все! — проревел Давид, вытащив из своего лазгана последнюю энергобатарею и швырнув ее в орков, в то время как другая его рука уже тянулась к висящему на бедре лазерному.

Между тем с другими вокруг него происходило то же самое. Оглянувшись по сторонам и увидев, что варганцы уже вытаскивают пистолеты и прижимают к ружьям штыки, Ларн задал себе вопрос: на сколько выстрелов хватит заряда в его собственной батарее? На пять? На десять? Может, на пятнадцать? И вот, когда он, немного колебавшись, отбросил идею приберечь для себя последний выстрел, ответ пришел сам собой: нажав в очередной раз на спусковой крючок, он

услышал, как его лазган издал жалобный стон и отключился.

«Вот и все, — подумал он, почти отстраненно наблюдая за своими руками, которые медленно, как в кошмарном сне, притыкали к лазгану штык, в то время как огромный орк, подняв окровавленный топор, уже пошел на Ларна в атаку. — Милостивый Император! Ну пожалуйста... Это ведь так несправедливо. Я не могу умереть здесь. Ты должен меня спасти!»

И вдруг, будто остановленный на полном ходу его мысленной молитвой, орк встал как вкопанный и, подняв свое звероподобное лицо, посмотрел на небо. На мгновение Ларн замер, ошеломленный, но затем услышал отчетливый звук и тут же понял, что именно заставило тварь остановиться. Откуда-то с высоты, с небес до них донеслась какофония пронзительных и скрипучих завываний, которые в тот момент, однако, показались Ларну ничуть не менее сладкозвучными, чем ангельский хор.

«Артобстрел! — подумал он, узнав звук. — "Разверзатели"! Наконец-то они

поддержали нас огнем! Мы спасены!»

--- Теперь в блиндаж, салажонок! ---
услышал он рядом с собой голос Булавена. ---
Живее... Всем в укрытие!

Ларн с остальными варданцами бросился к входу в блиндаж и, пробежав по ступеням, оказался в безопасности в тот самый миг, когда земля уже начала сотрясаться от новых взрывов. Опасаясь преследования орков, гвардейцы, тяжело дыша, захлопнули за собой дверь и, задвинув засов, несколько долгих минут стояли, ничего не говоря и лишь прислушиваясь к тому, как бешено ревет, свистят и рвутся у них над головой снаряды.

--- Такая перемена обнадеживает... Как думаешь, салажонок? --- спросил Давир, но его слова потонули в грохоте артобстрела. --- Я имею в виду, что наша батарея теперь стреляет не по нам, а по оркам. Если батарейное командование позволит вести огонь достаточно долго, думаю, эту сумасшедшую атаку орков мы больше уже не увидим.

И он оказался прав. Через несколько минут, услышав, что обстрел наконец

закончился, варданцы, и среди них Ларн, начали осторожно выбираться из блиндажа. Поле боя, жуткий вид которого встретил их на поверхности, теперь было пустынно, если, конечно, не принимать во внимание курганы из растерзанных тел. Орки бежали. Сражение закончилось. Остатривая открывшуюся перед ним панораму недавних опустошений и бойни, Ларн вдруг ощутил пьянящее чувство радости и восторга.

Вопреки ожиданиям, он все еще был жив!

Глава пятнадцатая

22:35 по центральному времени
Брушерака

ТРУПНЫЕ КОСТРЫ
РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И
РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ПРИМЕНЕНИЯ
САПЕРНОЙ ЛОПАТКИ
УВИДЕТЬ СОВЕРШЕННЫЙ ЗАКАТ

Необходимость давно заставила его привыкнуть к зловонию, которое обычно сопровождало сжигание мертвых тел.

Весь в поту от невыносимой жары костра, работник вспомогательного отряда гражданского ополчения Херанг Тройл, держа в руках глиняный шест, ловко поддел крюком на его конце очередное порочье тело и, подтащив мертвую тушу к возвышающейся перед ним горе трупов,

сделал шаг назад, чтобы хоть на минуту перевести дыхание. Через угольный фильтр противозага дышать было трудно, и он, стянув с лица резиновую маску, стал с жадностью вдыхать пропитанный дымом воздух. Закашлявшись от случайно попавшего в рот пепла, он весь скривился, ощутив его вкус, и тут же набрал побольше слюны, чтобы прочистить горло. Отхаркавшись, он сплюнул в огонь клейкий комочек бурой массы.

«Старею... — подумал Тройл. — Только три часа работаю в эту стену, а уже вымотался. Полнитса, десять лет назад я был выносливее».

«Десять лет... — подумал он снова. — Неужели все это глится так долго? Неужели так много времени прошло с тех пор, как я стал работать на трюпных кострах?»

От внезапно нахлынувшей тоски потяжелело на сердце, и Тройл усталос оглядел знакомые ему окрестности, где он, с тех пор как в возрасте шестидесяти лет был принудительно завербован в отряд гражданского ополчения, проводил, когда не

спал, практически каждое мгновение своей жизни. Сейчас он стоял на склоне холма, и небольшую площадку под его ногами, совершенно черную после стольких устроенных здесь сожжений, со всех сторон окружали высокие курганы из горящих вражеских тел. Сквозь пенел и дым он видел, как другие работники из вспомогательного отряда ходят в противогазах вокруг костров, ловко орудуя длинными крюками. Впрочем, в плотном дыме едва ли можно было разглядеть нечто большее, чем ступенные силуэты. При виде всего этого Тройла уже в который разхватило чувство печали — печали не об орках, конечно, но о себе самом. Это была печаль о потерянной жизни. Печаль о семье, которая погибла, и обо всех, кого он когда-то любил и кого уже давно не было в живых. Печаль о каждом своем дне, который он провел при трупных кострах. Но больше всего он печалился о городе Брушереке и об ужасном преображении, который тот претерпел за годы войны.

«И ведь прежде город был прекрасным местом! — думалось ему. — Ну, может

быть, не совсем прекрасным, как это представляет себе большинство людей, но он был живым, в нем кипела жизнь... в нем была промышленность... у него было свое собственное лицо! И вот теперь все это ушло. Ушло и, отнятое войной, утрачено навсегда. Теперь его вполне можно назвать городом мертвых».

Тройл тяжело вздохнул, когда почувствовал, что от едкого дыма его глаза начали слезиться, и, вновь натянув на лицо маску противогаза, побрел к кострам, чтобы продолжить свой нелегкий труд. На ходу он бросил последний взгляд вниз по склону, туда, где бесконечные вереницы других работников вспомогательных отрядов тащили наверх тела орков. Они не привлекли его внимания, потому что все это давно было ему привычно. Поток тел на тропные костры никогда не прекращался. Это ведь Брушерок.

Здесь всегда были новые тропы.

--- Лопату нужно ставить вот так, салажонок, --- сказал Булавен, стоя над

мышей мертвого орка и надавливая
заостренной кромкой своей саперной
лопатки ему на горло. — Затем, чтобы
проткнуть ему кожу, надо немного туда-
сюда поводить... Затем навалиться всем
своим весом... Вот, смотри, я тебе покажу,
как это делается!

Стоя рядом, Ларн увидел, как
Булавен наступил ногой на заостренную
рабочую часть лопаты и проткнул ей
плотную мышечную ткань шеи орка.
Сделав затем несколько беспорядочных
движений, чтобы рассечь наиболее крепкие
сухожилия и перебить позвоночник,
здоровяк еще несколько раз наступил на
лопату, и голова чудовища наконец
отвалилась.

— Вот! Видел? Учти, кожа орка
может быть тверже, чем шкура
некоторых рептилий, — особенно на
больших экземплярах. Однако, если ты
регулярно затачиваешь свою лопатку и не
забываешь использовать при работе свой
вес, их головы отлетают довольно легко.
Что ж, салажонок, хорошо. Попробуй
теперь сам.

После жестокого сражения пришло время восстановления. Пока прочие гвардейцы либо оказывали помощь раненым, либо чинили поврежденные артиллерийские укрепления, а ополченцы из вспомогательных отрядов подносили взятые израсходованных в бою новое вооружение и припасы, Ларн и Булавен получили задание обезглавить убитых орков. С крайней неуверенностью во взгляде Ларн выбрал наугад одну из дюжины валяющихся вокруг туш орков и приложил острый край саперной лопатки ему на шею. Следуя примеру, который прежде показал ему Булавен, он поводил туда-сюда острием и, когда почувствовал, что оно рассекло кожу, погрузил его в более мягкую ткань. Ступив затем ногой на рабочую часть лопаты, он вонзил ее, возможно на четверть, в шею орка, а после, заняв более удобное положение, так чтобы можно было приложить больше сил, снова наступил на лопату. Затем еще и еще, пока с четвертого раза голова орка не отлетела и не покатила по мерзлой земле.

— Что ж, это было неплохо.

салажонок, --- одобрительно заметил
Бұлавен. --- Только в следующий раз,
прежде чем наступить на лопату, убедись,
что стоишь точно над ней. Так ты
сможешь лучше использовать свой вес. Это
облегчит работу и позволит тебе
затрачивать меньше усилий. До конца
далеко и впереди у нас еще очень много
трунов.

--- Но зачем это нужно? --- спросил
Ларн. --- Они ведь уже и так мертвы, разве
нет?

--- Возможно, --- согласился Бұлавен. ---
Но когда имеешь дело с орками, всегда
лучше подстраховаться. Эти ублюдки
живучи. Ты можешь прострелить ему
голову и думать, что он мертв, а он вдруг
через какие-то несколько часов
попытается и начинает себе ходить как
ни в чем не бывало! Поверь, я видел, как
это бывает.

Потом, заметив, что Ларн стал
беспокойно оглядываться на валяющиеся
вокруг тела, он улыбнулся:

--- Эй, салажонок, тебе не нужно их
так бояться. Если бы кто-то из них был

способен двигаться, он бы уже попытался нас всех убить. Мы отрубим им головы задолго до того, как любой из них, оставшийся в живых, успеет восстановиться. А затем ополченцы из вспомогательных отрядов, чтобы избавиться от спор, заберут их туши на сожжение.

--- Споры? --- удивился Ларн.

--- О да, салажонок. Орки вырастают из спор. Как плесень. По крайней мере, так говорит Учитель. Не могу сказать, что видел это сам, ты понимаешь... Но готов поверить ему на слово. Ты его как-нибудь спроси об этом. Он тебе все расскажет. Ты же знаешь Учителя --- он любит всякие такие вещи рассказывать.

И похоже, довольный тем, что растолковал Ларну все, что тому надо было знать, Булавен повернулся и, безмятежно насвистывая себе под нос какой-то бодрый мотивчик, принялся лишать голов все новых и новых орков. Вслед за ним и Ларн приступил к выполнению задания по обезглавливанию. Работа была противной и утомительной.

и очень быстро юноша обнаружил, что его лопата и ботинки вымазаны липким черным ихором чужаков, а вскоре из-под каски заструился пот, разъедавший полученную в бою рану.

Сказав после сражения, что ему повезло и что на голове у него лишь незначительно рассечена кожа, офицер медицинской службы Свенк наложил повязку, а капрал Владек выдал новую каску, что тут же вызвало поток ехидных шуток Давира.

— И что у тебя такое с касками, салажонок? — говорил ему коротышка. — Сначала одной ты пытался выбить мозги гретчү. Потом надел грузчүю и поймал в нее попадание. Как, интересно, ты собираешься использовать следующую? Может быть, как лиску для сүна? Или посадишь в нее, как в горшок, цветы?

Однако, к немалому своему удивлению, Ларн вдруг обнаружил, что его уже больше не раздражают нескончаемые придирки и оскорбления Давира. Теперь он чувствовал за собой долг. И как бы этот коротышка-пехотинец ни возражал,

утверждая, что все произошло по ошибке и даже как несчастный случай, Ларн твердо знал: Давир спас ему жизнь.

Размышляя, он сделал в работе паузу и, устало вытерев со лба пот, вдруг заметил, как побагровело у них над головой небо. Ларн посмотрел на восток, туда, где находились позиции орков, и увидел, как заходит солнце. Увидел и изумился.

Это было чудесное, ни с чем несравнимое зрелище. Даже более захватывающее и яркое, чем тот закат, который он наблюдал в свой последний вечер дома. Здешнее солнце, столь часто казавшееся ему холодным и далеким, превратилось в теплый красный шар, а обступившие его со всех сторон мрачные серые облака на этом новом, преобразившемся небе вспыхнули вдруг настоящей симфонией из всевозможных оттенков ослепительного огненно-алого цвета. Ларна охватил благоговейный ужас. Потрясенный до глубины души, он стоял не шелохнувшись, словно его приковали к месту. Словно его загниотизировали.

«Кто бы мог подумать, что здесь может быть такое солнце... — подумал он в изумлении. — Кто бы мог подумать, что здесь может быть так красиво?!» Услышав только он об этом подумал, как ему тут же показалось, что все, что с ним случилось, было не напрасно. Все жуткие вещи, через которые ему пришлось пройти. Страх. Лишения. Одиночество. Все увиденные им кровавые боины, все ужасы, которыми он был свидетелем. Теперь казалось, что все это того стоило. Как будто, пройдя сквозь ад, он заработал себе право на этот краткий миг совершенного покоя и глубокого прозрения.

— Салажонок!.. С тобой все в порядке? — услышал он рядом с собой голос Булавена. — Рана не тревожит? А то, гляжу, ты уже долго так стоишь, на небо смотришь...

Обернувшись и увидев перед собой здоровяка, Ларн тут же ощутил в себе порыв рассказать тому все, что он думает об этом чудесном закате. Однако у него не нашлось слов, чтобы выразить это свое почти религиозное прозрение, не было

способа сообщить другому то, что он сам чувствовал в эту минуту. Не в силах выразить свои эмоции, он некоторое время молчал. Затем, видя, что Булавен все еще озабоченно и с любопытством на него смотрит, Ларн понял, что должен сейчас сказать хоть что-то — не важно что, — лишь бы здоровяк не начал думать, что он сошел с ума.

— Да я вот подумал сейчас, какое все-таки странное это место, — начал он, вынужденно переходя на более общие темы. — Вроде как зима, а солнце заходит так поздно...

— Зима?! — переспросил Булавен, в веселом недоумении оглядывая поле битвы, усеянное втерзанными в землю трупами. — Сейчас здесь лето, салажонок. К тому же отличная погода. А вот зимой в Брушероке действительно становится откровенно!

Глава шестнадцатая

23:01 по центральному времени
Брушерака

ВИЗИТЕР ИЗ СТАВКИ
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ
ОПЕРАЦИЯ
ЛУЧНЫЙ СОСТАВ ВЫРАЖАЕТ
БЕСПОКОЙСТВО
НА НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСЕ
ОДИН ВО ТРАКЕ

— Вы отлично справились со своей задачей, сержант, — сказал лейтенант Карис. — Сдержав неприятеля в его последней атаке, вы нанесли страшный удар по оркам в этом секторе. Можете быть уверены, ваши старания не остались без внимания командования и будут вознаграждены должным образом. Пока все

это, конечно, неофициально, но... строго
между нами, насколько я знаю, вас
представят к награде, а вся ваша часть
будет отмечена в специальном приказе.

Челкар протолчал в ответ. Всего
каких-нибудь пять минут назад он
руководил ремонтными работами, вместе
со своей ротой восстанавливая
разрушенные укрепления, когда Гришен
вдруг передал ему по воксу, что в
расположение части прибыл офицер,
который желает его видеть и уже
ожидает в командном блиндаже. Забыв об
усталости, Челкар поспешил на встречу,
и, когда он вошел в блиндаж, перед ним
предстал незнакомый ему, гладко
выбритый младший лейтенант в
начищенных до блеска ботинках и
аккуратно отглаженной военной форме.
Из-под мышки у него кокетливо торчала
офицерская тросточка. Первой мыслью
Челкара было, что, возможно,
командование сектора наконец сподобилось
прислать им нового назначенного
командира, однако довольно скоро стало
понятно, что лейтенант прибыл сюда по

поручению ставки и данное
обстоятельство --- Челкар хорошо это знал
по опыту --- Вряд ли могло случиться что-то
хорошее.

--- Вы слышите меня, сержант? ---
донесся до него голос лейтенанта. --- Вас
собираются наградить медалью!

--- Вас понял, лейтенант, мне нужно
будет не забыть положить ее в коробку с
другими наградами, --- ответил Челкар,
который чувствовал себя настолько
измотанным, что уже не заботился о
дипломатичности ответа. --- И все же не
думаю, что вы проделали весь этот путь
и оторвали меня от выполнения моих
обязанностей лишь для того, чтобы
рассказать мне об этом.

На лице лейтенанта, уязвленного
такой откровенностью, на краткий миг
застыла гримаса недовольства, однако,
тут же стягившись и взяв очевидно
фальшивый тон, он продолжил разговор в
более приглушенной, гружелюбной
манере:

--- Конечно, вы правы, сержант. И
должен вам сказать, вы даже представите

себе не можете, какое это для меня наслаждение -- услышать наконец хоть раз прямую, честную речь солдата. Вот почему я был так счастлив, когда мне выпал шанс побывать на передовой. Не то чтобы мне наскучили мои штабные обязанности, вы понимаете... И все же, находясь при ставке, так часто забываешь о суровых буднях фронтовой жизни гвардейца! Мы ведь с вами солдаты -- и вы, и я. Мы делаем то, что мы делаем, не для медалей и почестей. Мы самоотверженно делаем это во имя долга и вящей славы Империи!

«Даже не знаю, что противнее, -- нулыло подумал Челкар, -- то обстоятельство, что ему, по всей видимости, кто-то сказал, что офицеру следует постараться наладить отношения с низшими чинами, или то, что он так неуклюже и наугранно пытается это осуществить. Вот интересно, почему каждый раз, когда слышишь, что один из этих героев тыла говорит о самоотверженности, ты точно знаешь, что на самом деле ему отчаянно

хочется заполучить медаль? Этот
охотится за славой. Все правильно --- по
глазам видно. Наверное, услышал в ставке
о каком-то самоубийственном задании и
тут же вызвался».

--- Все это верно, лейтенант, --- сказал
сержант, надеясь, что сидящий перед ним
ничтожный педант перейдет наконец к
делу. --- И раз уж мы заговорили с вами о
долге, я полагаю, вам поручили какую-то
операцию и вам требуется содействие
моей роты...

--- Не всей роты, сержант! ---
воскликнул лейтенант счастливым
голосом. --- Мне нужно всего несколько
человек, чтобы они пошли со мной на
нейтральную полосу в сторону
расположения орков на разведзадание.
Стрелковое звено из пяти человек --- вот
все, что нужно! Разумеется, решение о
том, какое именно звено выбрать, я
полностью оставляю за вами. Хотя
должен сказать, что всегда считал
тройку своим счастливым числом!

--- Сегодня ночью ты отправляется на

нейтральную полосу, — провозгласил лейтенант, и Ларн услышал, как резко вздохнули стоящие рядом гвардейцы его звена. — Ставка желает знать, насколько крепко удерживают орки свои территории и не ослабли у них боевой дух после недавних потерь. А посему нам приказано скрытно подойти к их позициям — на расстояние прямой видимости — и под покровом темноты произвести разведку укреплений, а также расположения их главных частей. Затем, прежде чем орки с чем-нибудь догадаются, мы вернемся на наши позиции. Простое и довольно ясное задание... Уверен, вы все с этим согласны.

Они были заняты на восстановлении укреплений и расчистке территории, когда Ларна вместе с остальными вызвали в командный блиндаж, чтобы они прослушали там краткий инструктаж, который проводил с ними молодой, не терпящий никаких возражений лейтенант Карис. Стоя теперь перед висящей на стене картой сектора, лейтенант в ходе своего инструктажа увлеченно водил по ней офицерской тросточкой, указывая на

что-то.

--- Я хотел бы, чтобы вы поняли одну вещь, --- говорил лейтенант. --- Это чисто разведывательная операция. А раз так, то ее успех полностью зависит от скрытности ее проведения. Мы вступим в бой с противником только в том случае, если нас вынудят самые крайние обстоятельства. Принимая это во внимание, мы все время будем соблюдать строжайшую дисциплину --- как в отношении поддержания тишины, так и в отношении светомаскировки. Это поможет нам остаться незамеченными, пока мы будем продвигаться по нейтральной полосе, следуя по разработанному специально для нас маршруту. Если нас вдруг обнаружат разведчики или дозорные противника, мы постараемся от них избавиться так быстро и бесшумно, как только возможно. Отходим же мы с нейтральной полосы лишь в том случае, если станет окончательно ясно, что операция стала неосуществимой. Вот, пожалуй, и все... Есть вопросы?

Никто не отозвался, но, взглядываясь в лица стоящих вокруг людей -- Давира, Булавена, Учителя, Зиберса, -- Ларн увидел на них заметные признаки беспокойства. Как будто перспектива отправки на задание в сторону нейтральной полосы встревожила их ничуть не меньше, чем прежде ожидание того, что их вот-вот сожмет Большой натиск. Пока Ларн на них смотрел, к нему вдруг пришло осознание того, что сейчас он чувствует то же, что и другие. Здесь, в Брушереке, опасность никогда не исчезала -- вслед за уже отгремевшими боями начинались новые. Всегда появлялась новая возможность погибнуть.

-- Хорошо, -- сказал лейтенант Карис, когда стало ясно, что вопросов не будет. -- У вас есть двадцать минут, чтобы подготовиться и проверить свое снаряжение. Время выступления: ноль часов ноль минут. Мы отправляемся на нейтральную полосу ровно в полночь.

-- Он сказал «простое задание»... -- ворчал потом Давир. -- А я вам вот что

скажу... Отобрать бы у него эту дурацкую, улюблюдочную тросточку да сунуть ему в задницу!

Они сидели в казарменном блиндаже. Сразу после лейтенантского инструктажа они вернулись туда, чтобы Владек выдал им черную маскировочную краску и смазочное масло для лазганов. Теперь, когда они заканчивали последние приготовления, а часы отсчитывали последние минуты, оставшиеся до полночи, их лица и снаряжение уже были окрашены в черный цвет, а ножи и пистолеты смазаны так, что, казалось, сами выскакивали из кобуры и ножен, не произведя при этом ни звука. Пока Ларн, как и все остальные, был занят последними приготовлениями, его вдруг поразила мысль, что он здесь, в Брушероке, уже почти двенадцать часов. «Еще каких-нибудь три часа, — подумал он, — и я переживу мои первые пятнадцать часов!»

— Если хотите знать мое мнение, так это у нас все из-за салаги! — с неожиданной злобой бросил Зиберс. — Он неудачник! Все время приносит нам

несчастье!

--- Заткнись, Зиберс! --- равкнул в ответ Давир. --- Довольно и того, что мне в глухой ночью придется шататься по нейтральной полосе! Тут и без твоего зуда о счастливых числах тошно! Нудись как свихнувшийся игрок, когда у него удача кончилась! Лучше заткнись, а не то я, провернув трость в заднице лейтенанта, в твою уже лазган воткну!

--- А как же это все тогда объяснить? --- с вызовом воскликнул Зиберс. --- Как только этот салага здесь появился, у нас весь день пошел кувырком! Он явно приносит несчастье! Вы видели, что случилось с людьми, которые прибыли с ним на десантном модуле?

--- Заткнись, Зиберс! --- прогремел голос Булавена, и, после того как притихший Зиберс злобно сверкнул на него глазами, здоровяк повернулся к Ларну. --- Не слушай его, салажонок. Ты не приносишь несчастье. Эх, хотел бы я, чтобы только сегодня все шло кувырком! То-то и оно, что здесь, в Брушереке, все давно уже идет кувырком, что в этот день, что во все

другие. Думаю, через некоторое время ты к этому привыкнешь.

— Но идти ночью на нейтральную полосу — это ведь плохо, верно? — спросил Ларн, надеясь, что здоровяк-варданец не расслышал нервной дрожи в его голосе. — То есть я хотел сказать, хуже обычного?

— Да, салажонок, хуже... — вздохнул Булавен. — После боя особенно. Помнишь, я тебе рассказывал, что иногда раненый орк кажется мертвым, а потом через несколько часов встает и как ни в чем не бывало начинает ходить? И вот, как раз сейчас нейтральная полоса просто усеяна телами орков, которых мы подстрелили во время боя. К этому времени некоторые из них уже могли восстановиться, и как раз тогда, когда мы мимо них пройдем, вполне будут готовы встать и вновь начать убивать. Кроме того, дело осложняется еще тем, что нам, помимо всего прочего, надо будет постараться не нарваться на банды гретчинов, которые наверняка сейчас рыщут в поисках «запчастей».

— Запчастей?

--- Орки на удивление жизнестойкие создания, салажонок, --- вступил в разговор стоящий рядом с ними Учитель. --- Если кто-нибудь из них потеряет руку или ногу, то их хирурги тут же отрезают эту часть тела у какого-нибудь другого, уже мертвого, орка и пришивают ее на место недавно утраченной конечности. После боя на такие хирургические операции большой спрос --- вот они обычно и посылают на нейтральную полосу целые банды гретчинов, чтобы те отрезали у трюнов неповрежденные руки и ноги. Сами по себе гретчи реальной угрозы, конечно, не представляют, но есть опасность устроить перестрелку, а ведь под боком у нас будет целая армия орков!

--- А если, салажонок, сказать покороче, то вся эта чертова задумка от начала до конца чистой воды СНАФ! --- заключил Давир. --- Поэтому вот что мы будем делать. Мы будем выполнять приказы этого засранца-лейтенанта только до тех пор, пока не будет стрельбы. В тот момент, как в воздух полетит дерьмо, мы утаиваем с

нейтральной полосы так быстро, как только сможешь, и к дьяволу его приказывай! Теперь кончай разговоры, выходи наружу. Чтобы у нас заработало ночное зрение, нашим глазам нужно по крайней мере десять минут. Говорю вам: в нашем положении, учитывая все, что нам предстоит, нужно использовать любую возможность, какая только может сыграть нам на руку.

--- Не забудь про сингал, салажонок, --- прошептал Булавен, когда они вместе с лейтенантом и другими гвардейцами крадучись пробирались в темноте одной из передовых траншей, в любую секунду готовые услышать приказ о начале операции. --- На нашей частоте мы будем сохранять тишину, но если ты вдруг столкнешься с зеленокожими --- стело жми кнопку на воротнике. Так ты подашь резкий сигнал, который мы услышим в наших передатчиках. Нажмешь три раза --- подашь три сигнала. Понял? Так мы узнаем, что это ты. Перескажи теперь, чтобы я знал, что ты все точно запомнил.

--- Мы тихо продвигаемся вперед... ---
зашептал в ответ Ларн, стараясь
воспроизвести то, что Булавен объяснил
ему уже дважды. --- Пригибается к земле и
держится вместе, пока не дойдем до
середины нейтральной полосы. Затем
Давир с лейтенантом идут вперед, чтобы
провести разведку позиций орков, а все
остальные расходятся в стороны,
формируя широкое «бубновое построение»,
где ты будешь находиться в основании,
Зибберс на левом фланге, я на правом, а
Учитель на вершине. Если кто-нибудь из
нас увидит или услышит орков, он тут же
должен знать другим по радиосвязи: один
сигнал --- ты, два --- Зибберс, три --- я и
четыре --- Учитель. Так остальные
узнают, откуда ждать орков.

--- Режим тишины, пехотинцы! ---
сердито зашипел на них лейтенант Карис.

Затем, прикрыв ладонью одной руки
хронометр на запястье, другой он нажал на
кнопку подсветки, чтобы взглянуть на
циферблат.

--- Все! Час выступления. Время идти!

С Давиром во главе цепочки они по

очередь вскарабкались на внешнюю стену траншеи и по-пластунски поползли по нейтральной полосе в сторону орков. Затем Давир, показывая, что впереди безопасно, подал им знак рукой, и они, поднявшись на ноги и пригнувшись к земле, медленно двинулись вперед. Мгла впереди казалась невероятно густой, а звезды наверху — далекими и тусклыми. Не видя на небе и намека на луну, которая могла бы освещать им путь, Ларн невольно задался вопросом, а есть ли она вообще у этой планеты или лишь скрылась сейчас за густыми облаками. Как бы то ни было, стараясь не отставать, юноша продолжал следовать за товарищами, все дальше и дальше заходя на запретную территорию, которая пролежала между позициями людей и орков. На каждом шагу их могла ожидать опасность, и потому все его чувства были обострены, а сердце в груди выбивало тревожную дробь.

Вокруг было тихо, и нейтральная полоса во тьме казалась еще даже более угрожающей, поскольку сейчас на ее ровной пустынной поверхности жутко выделялись

черные пятна столь обильно разбросанных по ней тел. Трупы были везде, в беспорядке раскиданные по всему полю и местами сваленные так густо, что из-за скоплений истерзанных торсов и причудливо торчащих из них конечностей было буквально не пройти. Почувствовав, как чьи-то невидимые пальцы коснулись его ноги, Ларн в ужасе посмотрел вниз, ожидая увидеть, что перед ним вырастает чудовищная фигура раненого, но уже пришедшего в себя орка. Однако оказалось, что он всего лишь случайно задел обрубком валяющейся в грязи руки. Просто еще одна мертвая рука, такая же, как и много других вокруг.

Так они и шли, постепенно расходясь, пока не достигли середины нейтральной полосы. Потом, когда Давир с лейтенантом отправились на разведку вражеских позиций и пропали из поля его зрения, Ларн вдруг понял, что никого из остальных тоже больше не видит. Какое-то мгновение он боролся с порывом позвать их по вокс-связи, но затем напугал себя, что им было строго приказано

поддерживать режим тишины. Даже если бы он использовал свой передатчик, ему все равно бы сейчас никто не ответил. Да и на их поиски он бы сейчас не отправился. Из-за темноты и полного незнания местности юноша довольно быстро потерял всякие ориентиры, было бы чудом, если бы ему сейчас удалось кого-нибудь найти. Хуже того, безнадежно заплутав во тьме, он легко мог забрести на позиции орков. В ужасе от такой перспективы, Ларн оставался на месте и делал только то, что можно было делать в данных обстоятельствах.

Оставшись в кромешной темноте совсем один, он ждал.

Время шло, и, пока он так стоял, пугаясь каждой тени, которая могла бы принадлежать крадущемуся во тьме коварному врагу, Ларну вдруг пришло в голову, что в первый раз за многие недели он предоставлен самому себе. Более того, именно здесь, на нейтральной полосе, находясь среди трупов и сознавая, что от тысяч спящих орков его отделяет лишь один бросок камня, юноша ощутил такое

одиночество, какого ему в жизни чувствовать не приходилось. Сейчас он и в самом деле был так одинок, как если бы оставался последним человеком во Вселенной.

Но вот в сознание Ларна сквозь сгустившуюся пелену одиночества и страха прорвался звук — и будто холодные пальцы коснулись спины гвардейца и обратили в лед его кровь. Из наушника его передатчика донесся только один сигнал. Сигнал Булавена! Сигнал, который означал, что здоровяк наткнулся на противника. И еще кое-что — для Ларна нечто даже более ужасное.

Он означал, что враг находится у него за спиной!

Глава семнадцатая

00:37 по центральному времени
Брушерака

ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ И
УТЕШЕНИЕ РАНЕНОГО
РАЗВЕРЗШИЙСЯ АД
ВЫНУЖДАЕТ ЛАРНА ПРИНЯТЬ
РЕШЕНИЕ
БЕЗУМЦЕ В ПОСЛЕДНЕЙ УЛЫБКЕ
ЗИБЕРСА
ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ НАХОДИТ СВОЮ
ЦЕЛЬ

Один из орков пошевелился...
Взглядываясь в сгустившуюся над
нейтральной полосой тьму, одиноко
стоящий Зиберс не был уверен, произошло
это только в его воображении или он
действительно видел, как нога одного из

лежащих перед ним трупов дернулась. У
тогда Зиберс решил, что будет лучше,
если он наверняка будет знать, что тварь
мертва. Встав рядом с неподвижным
телом на колени, он осторожно вытащил
из ножен боевой нож и ловким движением
разжал ит расслабленные челюсти орка.
Не произведя ни звука, он вонзил лезвие в
самое уязвимое место на нёбе орка по-
самую рукоять, чтобы достать до мозга.
Затем он вытащил клинок и, бросив
быстрый взгляд на другие валяющиеся
вокруг него трупы, задал себе вопрос, не
стоит ли ему так же поступить и с ними.

«Я проделаю то же еще с тремя, ---
подумал он и, вытерев окровавленный нож
о штанину форменных брюк, пополз к
следующему телу. --- Так их у меня будет
четыре, и я вновь привлеку к себе удачу,
как бы этот ублюдочный салага мне все ни
портит!»

--- Помогите! --- услышал он чей-то
шепот на готике, когда, стоя на коленях,
уже склонился над телом второго орка.

Напуганный Зиберс обернулся и
увидел, как чья-то рука вяло поднялась из

ближайшей к нему груды тел. Подобравшись ближе, он разглядел в переплетении зеленокожих рук и ног человеческое лицо и сразу понял: это один из гвардейцев с десантного модуля, который, смертельно раненный, до сих пор оставался лежать на нейтральной полосе, все еще отчаянно цепляясь за свою жизнь.

— Пожалуйста... помогите!.. — снова взмолился гвардеец, и на этот раз его слабый голос отчетливо прозвучал в тишине, так что Зиберс был вынужден его заглушить, крепко зажав ладонью рот.

Видя, как утешаясь хватается человек за полы его шинели, Зиберс внезапно почувствовал прилив отвращения и ярости при мысли о том, что еще один салага ставит его жизнь под угрозу.

«Ничего не поделаешь, — подумал он, вновь всаживая в беззащитную плоть свой нож. — Его слишком далеко забросили, чтобы он мог жить дальше! Да и он был притягивал к нам орков со всех сторон, если бы я его не успокоил».

Увидев, что вытянутая вверх рука бессильно упала, а предсмертные судороги

гвардейца утихли, Зиберс вытащил нож и вновь повернулся к оркам. Гвардеец не в счет, решил он. Тот не был частью его первоначального замысла, а значит, Зиберсу, если он хотел привлечь к себе больше удачи, оставалось разделаться еще с тремя орками.

И тут он вдруг услышал сигнал. Пронзительный сигнал в наушнике своего передатчика. Это болван Булавен, должно быть, попал в переплет!

Первое мгновение Зиберс хотел оставить его на произвол судьбы. Он недолюбливал Булавена, как, впрочем, и всех других варганцев. Теперь не составляло труда улизнуть в сторону своих позиций и потом сказать, что в темноте сбился с пути и потерял остальных. Однако так же быстро он вынужден был эту идею отбросить. Если бы Булавен или кто другой из их группы вдруг выжил и решил, что он сознательно оставил их здесь умирать, его, не задумываясь, подорвали бы гранатой. Нет, к каким бы последствиям это ни привело, будет лучше, если он попытается спасти

шкуру толстяка!

Зиберс вложил нож обратно в ножны и быстрым шагом направился в сторону Булавена. Избрав путь мимо одного особенно большого завала из туш орков, он боковым зрением уловил движение каких-то теней и сразу понял, что напоролся на банду гретчинов, рыщущих по пустоши в поисках целых конечностей. Зиберс вскинул лазган и, пока гретчины стояли в замешательстве, выстрелил, поразив в грудь ближайшую к нему тварь. Он тут же снова нажал на спусковой крючок и, выпустив с полдюжины лазерных лучей, подстрелил еще двух гретчей, чем обратил в бегство остальных. Продолжив свой путь, Зиберс вновь ускорил шаг, но тут услышал у себя за спиной энергичные шаги, хлюпающие по грязи, которые сопровождалось приглушенным урчанием моторов. Обернувшись, он разглядел во тьме возвышающуюся над ним грозную тень и понял, что день, которого он боялся все эти месяцы, наконец настал.

Удача, на которую он так рассчитывал, в эту ночь все же

закончилась...

--- Отходим! Повторяю: отходим! ---
надрывно прокричал в наушнике голос
Давира, когда Ларн уже слышал звук
выстрелов и ему казалось, что вокруг него
разверзается ад. --- Всем назад! В
траншеи!

Затерянный во тьме, но все еще
предоставленный самому себе, Ларн
повернулся, чтобы двинуться туда, где, как
ему казалось, должны были находиться
позиции людей. Неожиданно он увидел, как
где-то далеко справа выстрелы лазгана
прорезали темноту чередой белых трасс.

--- Помогите! --- услышал он в своем
передатчике полный страха и боли крик
Зибера. --- О Император, он схватил
меня!.. Кто-нибудь... помогите!

Не зная, что делать, Ларн на
короткий миг будто прирос к земле. Однако
затем, когда крики Зибера в его наушнике
переросли в один нечленораздельный вопль,
он все же принял решение. Выбрав
направление, откуда только что
сверкнули лазерные лучи, юноша бросился

бежать, порой спотыкаясь и перепрыгивая
через трупы орков, которыми был усеян
весь его путь, пока он сломя голову неся на
помощь товарищу. Разглядев впереди две
неясные, сливающиеся во тьме фигуры,
Ларн подбежал ближе, как оказалось, лишь
для того, чтобы стать свидетелем
ужасной сцены. Он увидел, как Зиберс с
распоротым животом и вываливающимися
оттуда кишками отчаянно машет
руками, подергиваясь в бессмысленных
конвульсиях, а огромный орк, одной рукой
держа несчастного как марионетку,
другой, орудуя жужжащим цепным мечом,
продолжает терзать его плоть. Отбросив
затем тело Зиберса как тряпичную куклу,
орк повернулся и, увидев Ларна, сделал
несколько шагов в его сторону.

На огромном туловище чудовища был
повязан забрызганный кровью фартук, а
поверх его правого глаза был закреплен
окulary с сильной линзой. Заметив в
звериных чертах ужасного монстра
любопытство, Ларн тотчас понял, что
перед ним, должно быть, один из тех
хирургов, о которых ему рассказывал

Учитель. Инстинктивно вскинув лазган, Ларн выстрелил, чтобы не допустить его приближения. Первый заряд ушел в сторону и поразил одну из туч, лежащих на земле за спиной чудовища. Поправив прицел, Ларн выстрелил снова и попал монстру в брюхо. Затем еще — теперь в грудь. Снова — на этот раз в плечо. Снова! После попадания в лицо лазерный луч на мгновение вспыхнул ярче, поскольку прожег линзу в окуляре. Однако, сорвав с себя расплавленный прибор и не обращая внимания на выжженную глазницу, теперь уже слепой на один глаз орк продолжал идти на Ларна, сколько бы тот в него ни стрелял. Казалось, его ничем не остановить — монстр был так же привычен к собственной боли, как и к предсмертным тучениям своих жертв. Цепной меч становился все ближе и ближе, а забывание его было столь же яростным, сколь яростным было желание его владельца опробовать режущую крошку на теле гвардейца.

И тут спасение, в которое уже не верилось, пришло с советом неожиданной

стороны. Словно из ниоткуда, из темноты за спиной орка появился Зиберс. Ларн увидел, как с диким криком тот запрыгнул на монстру на спину и обеими руками схватил его за шею. У Зиберса была ужасная рана, и, когда чудовище попыталось его с себя стащить, из распоротого живота несчастного клубком вывалились кишки, которые тут же размотались и стали отвратительно волочиться за ним по земле. Глядя на Ларна, в безумии, порожденном болью, Зиберс вдруг улыбнулся и, издав сумасшедший, кровожадный рев, торжествующе поднял над головой руку. Увидев, как сверкнули на его пальцах с полдюжины колец, Ларн понял, что безумец, должно быть, вырвал чеку из каждой гранаты, что висели у него на поясе.

Как только Зиберс с орком исчезли в сверкании и грохоте взрывов, ударная волна повалила Ларна на спину, а когда он, шатаясь, поднялся, то обнаружил, что плотность стрельбы вокруг многократно возросла. Просторы нейтральной полосы

будто ожили от рассекающих воздушных пуль,
поскольку орки, теперь уже окончательно
проснувшись и не найдя себе цели, стали
палить наугад со всех своих позиций.
Бросив последний взгляд на место взрыва и
убедившись, что для Зиберса все равно уже
ничего не сделать, Ларн повернулся и в
надежде найти укрытие побежал в
сторону своих позиций... Но, как оказалось,
для того только, чтобы упасть, не сделав
и десятка шагов, даже не поняв сперва, что
его подстрелили.

Солнце медленно поднималось на
востоке, и рассвет своими первыми
красными лучами, как пальцами, стянул
пелену тьмы с мрачных и грозных
очертаний Брушера на горизонте.
Оставаясь лежать на нейтральной полосе,
на том самом месте, где он упал, получив
ранение, Ларн поднял глаза и, глядя на
светлеющее небо, подумал, что, вообще-то,
ему следовало бы опасаться солнца. Ведь
чем интенсивнее свет, тем скорее орки
смогут засечь его со своих позиций. Но если
прежде такая перспектива вселила бы в

него тревогу, а возможно, и ужас, то теперь подобные переживания его покинули навсегда. Наоборот, лежа на спине и созерцая восход, Ларн пребывал в состоянии полного покоя. Он наблюдал за небом и был сейчас всем доволен.

«Я продержался пятнадцать часов, — подумал он, лишь к рассвету сумею ответить себе на вопрос, который мучил его всю ночь. — Теперь уже даже больше, раз восходит солнце. И этим я доказал, что все они были не правы. Я опроверг статистику. Я выжил в этом проклятом месте. Я прошел испытание. Теперь оркам меня не убить, ведь законы, которые управляют этим чудовищным городом, не позволяют им сделать это».

Убежденный, что судьба решила в его пользу и что теперь только вопрос времени, когда кто-то придет ему на выручку, Ларн устроился поудобнее и стал ждать. Весь его страх прошел. С ним ушло ощущение одиночества, а затем и беспокойство и отчаяние — их место заняло все усиливающееся чувство безмятежности и покоя.

За последние пятнадцать часов он столкнулся с худшим, что могло предложить ему этот страшный город. Но теперь все кончилось, и он навсегда от этого свободен. Свободен от сомнений. Свободен от тревог. Свободен от всех своих страхов. Он даже больше не ощущал холода. Ему было хорошо и тепло. Он прекрасно себя чувствовал. Он ведь продержался свои пятнадцать часов! Он выдержал! Он доказал себе и остальным! Это место больше не сможет ему навредить. При этой последней счастливой мысли Ларн улыбнулся, спокойно закрыл глаза и погрузился в глубокий сон. Последние обрывки мыслей, как срываемые ветром сухие листья, один за другим стали покидать его сознание, и внутренняя беседа, которая никогда не умолкала у него в голове, теперь постепенно затихла. Умиротворенный, он в последний раз вздохнул, и сердце, бившееся все медленнее, наконец остановилось.

Потом была только тьма.

Об авторе

Митчел Скэнлон проживает среди долин Дарбишира, известных на всю страну своим овцеводством. Его писательский дебют связан с комиксом для принадлежащего издательству «Black Library» журнала «Warhammer Monthly» и созданием персонажа по имени Хельбрандт Гримм. С тех пор он описывал приключения наемной убийцы Лулианы Фалькон и безжалостного вампира Гельмара фон Карштайна для «Warhammer Monthly», а также сочинил несколько рассказов для «Inferno!» и ряд историй о супергероях, которые в разное время появлялись на британском книжном рынке.

«Пятнадцать часов» --- первый роман автора.